

**КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЖУСУПА БАЛАСАГЫНА**

Какешов Бакыт Дайрабаевич

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО
СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-
исполнительное право**

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

**Научный консультант:
доктор юридических наук,
профессор Осмоналиев К.М.**

Бишкек – 2024 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	6-17
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И ГЕНЕЗИС УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАР- СТВА.....	18-71
1.1. Уголовная политика: аксиологические и идеологические взгля- ды.....	18-30
1.2. Развитие уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.....	31-42
1.3. Понятие, принципы и сущность уголовной политики в сфере пре- дупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.....	43-71
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДИССЕРТА- ЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	72-89
ГЛАВА 3. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИ- ТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНО- СТИ.....	90-131

3.1.	Международно-правовые стандарты реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.....	90-110
3.2.	Национальные стандарты реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.....	111-131
ГЛАВА 4. ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА, УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ		132-239
4.1.	Конституционный строй и безопасность государства как основные объекты уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства	132-151
4.2.	Уголовно-правовые основы реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства	152-209
4.3.	Криминологические основы реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.....	210-239
ГЛАВА 5. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....		240-292
5.1.	Концепция уголовной политики Кыргызской Республики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного	

		240-266
5.2.	Проблемы совершенствования мер предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в правоприменительной практике	267-292
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ВЫВОДЫ, ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ.....	293-385
	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	301-330

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

БВС	Бюллетень Верховного Суда
ГК	Гражданский кодекс
ГКНБ	Государственный комитет национальной безопасности
ГПК	Гражданский процессуальный кодекс
ЕС	Европейский союз
КР	Кыргызская Республика
НК	Налоговый кодекс
УК	Уголовный кодекс
УИК	Уголовно-исполнительный кодекс
УПК	Уголовно-процессуальный кодекс
РФ	Российская Федерация
СК	Семейный кодекс
СНГ	Содружество Независимых Государств

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. В последние годы в Кыргызской Республике (далее - КР) осуществлен переход к принципиально новым общественным отношениям, который вызвал необходимость кардинальных преобразований в уголовно-правовой сфере, смысл которых заключается в применении комплекса уголовно-правовых средств по обеспечению права демократическим общественным отношениям.

В своем обращении к народу Президент КР С.Н. Жапаров говорил о необходимости обеспечения справедливого управления и единства в стране, ответственности за суверенный Кыргызстан [202].

Административно-командная система государственного управления реализовывалась, главным образом, через директивы и распоряжения, которые не учитывали интересы личности и общества. В условиях демократии определяющим фактором уголовно-правовой защиты интересов каждого гражданина является взаимодействие личности, общества и государства как единой иерархии ценностей, положенных в основу Конституции КР 1993 г. и Уголовного кодекса КР (далее – УК КР) 2021 г.

Между вышеперечисленными моделями уголовно-правового регулирования находится достаточно продолжительный переходный период. В основе функционирования уголовного права в этот период лежат закономерности, во многом отличные от присущих как советской Киргизии, так и развитому гражданскому обществу КР.

Это приводит к необходимости теоретического и практического переосмысления и исследования вопросов формирования уголовной политики в переходный период, становления и развития в современном гражданском обществе новых подходов и механизмов формирования уголовной политики в сфере обеспечения национальной безопасности, а также активной практической деятельности в этом направлении.

В связи с взятым курсом страны на построение правового государства проблема развития уголовной политики и совершенствования уголовно-правового регулирования общественных отношений приобрели особую актуальность и значимость.

Реформа правоохранительной системы Кыргызской Республики и определение ключевых направлений её эволюции неизменно занимает важное место в политической и общественной жизни страны. Изменения, касающиеся уголовного законодательства КР, привели к созданию системных преобразований, указывающих на развитие уголовной системы, соответствующей цивилизованным стандартам.

Стоит также отметить, что на начальных этапах реформ в республике наблюдался временный рост уровня преступности: возросло количество серьезных правонарушений; увеличились масштабы деятельности организованных преступных групп; возникли новые методы совершения особо опасных посягательств на жизнь, здоровье, собственность, права и свободы граждан, в том числе и преступлений, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства.

Увеличение уровня преступности негативно влияет на экономическую стабильность и социальную жизнь, ослабляет репутацию государства на мировой арене. В этой связи теоретическое обоснование модели концепции уголовной политики Кыргызской Республики в контексте национальной безопасности приобретает особую значимость..

На данный момент сотрудники правоохранительных органов и научное сообщество в стране отмечают необходимость в углубленных научных изысканиях в данной сфере. Следует отметить, что отечественная наука уголовного права пока не сделала значительного вклада в решение проблем, связанных с кризисными явлениями в обществе. Это создает практическую потребность в актуальном теоретическом анализе новых юридических реалий, касающихся национальной безопасности и защиты конституционного порядка в республике.

С учетом многопланового характера рассматриваемой проблемы, в диссертации, наряду с теоретическими вопросами уголовной политики, исследуются и практические аспекты ее реализации.

Диссертант отмечает, что выбор в качестве предмета исследования уголовной политики Кыргызской Республики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства обусловлен недостаточным исследованием данной сферы государственной деятельности в нашей республике, а также необходимостью выработки новых подходов в обеспечении безопасности личности, общества и государства.

Отмечаем, что вход отечественной уголовно-правовой науки в эпоху изменений и преобразований задает направление её эволюции в соответствии с глобальными трендами. В этом контексте, при разработке актуальной уголовной политики в области национальной безопасности КР. Молодое государство должно опираться на обширные знания и накопленный опыт, существующие в ближнем и дальнем зарубежье.

Диссертант особо отмечает, что не всегда научные и правовые западные юридические концепции могут в полной мере отвечать требованиям кыргызского общества и государства в условиях переходного периода, как это было при реформировании уголовного законодательства последних лет, но они всецело применимы только в той мере, которая отражает характер, возникший в результате политической трансформации, сложившейся правоприменительной и судебной практики КР на протяжении значительного периода времени и не могут в «одночасье» измениться коренным образом.

Осознание кыргызским обществом того факта, что государственная инфраструктура Республики находится на начальном этапе развития, как в количественном, так и в качественном плане, это привело к необходимости создания единой теоретической концепции уголовной политики в области

национальной безопасности, определения перспектив развития уголовного законодательства, включая улучшение защитной функции уголовного права.

Цель и задачи диссертационного исследования. Основными целями исследования являются разработка концептуальных основ уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР, разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства, а также повышению эффективности мер реализации уголовной политики.

Данная цель обуславливает решение следующих **задач исследования:**

- проанализировать теоретические и идеологические взгляды уголовной политики;

- исследовать основные этапы становления и развития уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР;

- исследовать и проанализировать существующие научные подходы к определению понятия, сущности и принципов уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР;

- рассмотреть международно-правовые стандарты реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР;

- проанализировать национальные стандарты реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР;

- исследовать понятийный аппарат конституционного строя и безопасности государства как основных объектов уголовной политики в

сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР;

- проанализировать уголовно-правовые основы реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства;

- исследовать криминологические основы реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства;

- определить основные виды предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства через совершенствование правоприменительной практики и норм международного и национального законодательства;

- проанализировать концепцию уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1) впервые в отечественной уголовно-правовой науке осуществлен анализ уголовной политики КР в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР в качестве самостоятельного объекта исследования;

2) определены объективные и субъективные факторы, определяющие уголовную политику в рассматриваемой сфере;

3) аргументирована необходимость разработки и принятия Концепции уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в совершенствовании государственной политики в борьбе с преступлениями против конституционного строя и безопасности, повышении эффективности деятельности органов государ-

ственной власти в сфере обеспечения национальной безопасности республики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сформулирован вывод о том, что уголовная политика КР в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности страны представляет собой систему политико-правовых отношений, правовых концепций, норм и идей, реализующихся в определенных формах и способах субъектами по противодействию преступности. Глобализация и формирование нового мирового порядка, а также возникновение современных угроз национальной безопасности Кыргызской Республики требуют пересмотра научных подходов к структуре норм уголовного законодательства. Это включает в себя системный анализ профилактических мер и эффективности уголовно-правовых инструментов, используемых судебными органами. Необходимость адаптации к новым реалиям требует обновления концептуальных основ уголовного права и корректировки существующих норм, что позволит эффективно реагировать на изменяющиеся вызовы безопасности. Актуальные угрозы требуют от правоохранительных органов повышения гибкости и оперативности в применении уголовных норм, а также внедрения новых методов предупреждения преступлений. Такой подход способствует улучшению правоохранительной работы и более эффективной реализации уголовной политики государства. Важным аспектом является взаимодействие научных исследований с практикой, что позволит обеспечивать комплексную защиту национальных интересов и устойчивое развитие общества в условиях глобальных вызовов.

На основании этого разработано авторское определение уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: *«Это стратегия и тактика органов государственной власти и управления по обеспечению безопасности личности, общества и государства от внешних и внутрен-*

них угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов».

2. Обосновано положение о том, что уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства должна рассматриваться на двух уровнях:

– как государственная политика борьбы с преступностью против основ конституционного строя и безопасности государства, обеспечиваемая правовыми средствами противодействия преступности;

– как государственная политика борьбы с преступностью против основ конституционного строя и безопасности государства, определяемая и реализуемая преимущественно нормами уголовного права.

3. Обоснован вывод о том, что уголовная политика КР в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства является составной частью государственной политики, её относительно самостоятельным направлением. Основными функциями государственной политики являются: предупреждение и устранение преступности, организационно-административная, карательная, доктринально-идеологическая, нормативно-прогностическая.

Разработка национальных стандартов в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в первую очередь должна быть ориентирована на решение приоритетных прикладных задач научного обеспечения разработки и реализации основных документов: Концепции национальной безопасности КР; Стратегии обеспечения национальной безопасности КР; Национальной программы обеспечения национальной безопасности КР.

4. Обосновывается вывод о том, что система взглядов, идей и принципов, заложенных в Концепции национальной безопасности КР, не должны рассматриваться в качестве основных функций правоохранительных органов, в том числе ГКНБ КР. В этом контексте следует создать концеп-

цию уголовной политики, в которой будут четко определены действия уполномоченных органов и субъектов.

Обосновывается необходимость совершенствования уголовно-правовой теории и криминологического внешнеполитического анализа и прогнозирования с целью предвидения негативных криминальных тенденций в рамках мировой и региональной политики и своевременно предпринимать необходимые меры для предотвращения общественно-опасных явлений в виде насильственного изменения конституционного строя.

5. Ключевым в условиях глобализации является взаимопризнание международных и национальных стандартов уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в контексте утвержденной правовой и профилактической концепции КР, осуществляемой в целях повышения ее эффективности по обеспечению национальной безопасности и нейтрализации внешних и внутренних угроз, содействующих созданию безопасных условий для реализации конституционных прав и свобод граждан, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства.

6. Уголовная политика в сфере преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства оказывает непосредственное воздействие на законотворческий процесс и формирование норм уголовного закона, служащего основой для правоприменительной деятельности и консолидации органов государственной власти и местного самоуправления с учреждениями и предприятиями различных форм собственности, общественными объединениями и иными институтами гражданского общества по объединению ресурсов в целях нейтрализации причин и условий, содействующих криминализации как общественного сознания так и противоправного общественно-опасного поведения граждан.

7. Обоснован вывод о том, что проект концепции уголовной политики КР в сфере предупреждения преступлений против основ конституци-

онного строя и безопасности государства должен включать: планирование стратегий для предотвращения преступности, учитывая изучение и устранение ее причин; улучшение законодательства в области уголовного права и смежных областей; создание, функционирование и улучшение работы правоохранительных органов; разработка и реализация комплексной системы мер по борьбе с преступностью, включая общественные и специальные меры.

Концепцию уголовной политики Кыргызской Республики в сфере преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства следует рассматривать как систему мер по обеспечению безопасности государства от внутренних и внешних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов и возможностей, а в прикладном - как детальный план и алгоритм конкретных действий.

8. Обоснована теоретическая и практическая необходимость включения в учебные программы по криминологии нового раздела – предупреждение преступлений в сфере конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики, в котором особое внимание следует уделить противодействию «цветных революций» и оптимизации деятельности общества и государства в лице уполномоченных государственных органов.

9. В целях совершенствования законодательства КР в сфере предупреждения преступлений, посягающих на основы конституционного строя и безопасности страны, предлагается:

- внести в главу 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» норму, налагающую ответственность за получение образования с целью выполнения насильственных действий, противоречащих конституции (т.е. насильственного захвата власти или насильственного удержания власти, а также посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля.

- перенести в гл. 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» норму, предусматривающую наказание за «Подделку избирательных или референдумных документов (статья 199 УК КР) – искажение результатов голосования и признание этих действий направленными против фундаментальных основ конституционного устройства и безопасности страны.

- внести в гл. 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» ст. 323-1 «Измена Отечеству» следующего содержания: «Шпионаж, совершенный гражданином Кыргызской Республики, а равно оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении деятельности в ущерб внешней безопасности Кыргызской Республики - наказывается лишением свободы от 5 до 10 лет».

- внести в Закон КР «Об основах профилактики правонарушений» ст. 21¹ «Последствия игнорирования мер профилактического воздействия» в следующей редакции: «В случае неоднократного, 2-х и более раз повторения публичных призывов к насильственному захвату или насильственному удержанию власти с использованием средств массовой информации или информационно-коммуникационных сетей, а равно к насильственному изменению конституционного строя, а равно действий, направленных на возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни), унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, а также посредством сети Интернет к одному и тому же объекту профилактики правонарушений (призыв в СМИ, распространение в сети интернет), материалы примененных мер профилактического воздействия передаются в орган специальной профилактики

(ГКНБ Кыргызской Республики) для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. ст. 327 и 330 УК Кыргызской Республики».

10. При скрытом призыве действия виновных следует квалифицировать как приготовление ч. 1 ст. 37 и ст. 326 УК Кыргызской Республики, а при открытых то есть публичных как оконченное преступление по ст. 327 УК Кыргызской Республики. Публичность означает призывать посредством общественного собрания, митинга, группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, либо с использованием СМИ или информационно – коммуникационных сетей.

11. Содержание международного сотрудничества государств (ШОС, СНГ, ОДКБ и т.д.) как деятельности международных организаций по предупреждению преступности, борьбе с ней и обращению с правонарушителями отражает суть уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, то есть целенаправленные действия государства, направленные на защиту общества от преступности, разработку и достижение поставленных целей и задач, а также определение и применение средств, форм и методов работы государственных, в первую очередь правоохранительных, органов.

12. Сбалансированная уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства позволит не ограничиваться декларациями, следовать на практике прорабатывать и детализировать механизмы внедрения соглашений, особенно в плане их ресурсного обеспечения. Необходимо улучшить механизмы регионального сотрудничества для повышения оперативного взаимодействия спецслужб Центральной Азии, а также создать приближенную друг к другу нормативно-правовую базу в области предотвращения преступлений, угрожающих безопасности государств.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в разработке предложений по совершенствованию уголовно-

правовых норм об ответственности за совершение преступлений, посягающих на внутреннюю и внешнюю безопасность КР.

Выводы и рекомендации исследования могут быть использованы при разработке оптимальной уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР, оптимизации деятельности государственных органов, в том числе спецслужб и правоохранительных структур по обеспечению национальной безопасности КР.

Результаты исследовательской работы могут быть использованы в процессе изучения курсов «Уголовное право» и «Криминология».

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права и криминологии Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, где проводилось ее рецензирование. Основные положения и выводы исследования нашли свое отражение в материалах отечественных и зарубежных научно-практических конференций, опубликованных работах автора. Результаты научной работы были использованы автором в многолетней профессиональной деятельности в органах национальной безопасности КР.

Структура и объем диссертационного исследования. Структура диссертации включает в себя введение, пять глав, заключение, список использованной литературы.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И ГЕНЕЗИС УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ

1.1. Уголовная политика: аксиологические и идеологические взгляды

Эпоха просвещения знаменательна появлением прогрессивных гуманистических идей и расцветом уголовно-правовых учений. Модернизация законодательства, в частности уголовного, в ту историческую эпоху, как и в настоящее время, требовала простоты, ясности, последовательности, единства законодательства, а также наличия идеологических установок для проведения государственной политики в различных сферах жизни общества.

Вместе с тем, по мнению диссертанта, эффективная реализация политики всегда требует наличия научно обоснованных положений и рекомендаций. Так, в настоящее время произвол в отношении невиновных граждан свидетельствует об отсутствии научно обоснованной системы взглядов, знаний и идей, выражающих уголовную политику государства, т.е. об отсутствии идеологии борьбы с преступностью[115, с 2-6].

Мнение о том, что «идеология должна сопрягать меры противодействия с состоянием, тенденциями и качественными характеристиками преступности, добиваясь адекватности первых вторым»[115, с 2] имеет право на существование не только в настоящее время. Идеологические установки, прогрессивные идеи, направленные на реформирование правовой жизни общества, были характерны для каждого исторического этапа развития государства.

Начиная от «Государства» Платона и «Политики» Аристотеля, затем «Государя» Н. Макиавелли и «Левиафана» Т. Гоббса и вплоть до Нового времени мир политики представлялся как область государственного

управления подданными. Аристотель определял политику как искусство управления государством, как высший вид человеческого общения [219, с 8]. Демокрит считал такое искусство наивысшим и представлял ее как многообразие отношений по поводу власти у различных социальных субъектов. Политика отражала задачи государства в управлении той или иной областью социальной жизни.

Вопросы государственного управления в своем разрешении постоянно соприкасались с социальными проблемами, относящимися к отдельным людям, общественным группам. В Новое время внимание мыслителей сместилось на анализ взаимодействия государства и гражданского общества, существенно поменялись представления о субъектах и границах политической активности. Если в Средние века и эпоху Возрождения главными действующими фигурами выступали монархи, вожди и аристократическая элита общества, высшее дворянство, то после Английской революции и Великой французской буржуазной революции политика начинает рассматриваться как сфера действия больших групп людей, как сословная борьба [219, с 7].

Современное научное понимание термина «политика» сводится к определению его как сложного социального явления, обладающего характерными признаками. Это область общественных отношений по поводу власти, направленная на обеспечение определенных интересов, деятельность органов власти либо отражение этой деятельности, неразрывно связанная с государством [219, с 7].

По мнению исследователей, важнейшим элементом политики в науке признается нравственность, которая определяет границы, за пределы которых власть не может выходить, «а значит, не может выходить и политика, реализуемая властью и отражающая ее». Ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно только в случаях, строго предусмотренных законом, либо «... когда решения о них принимает суд либо другой

орган власти, но возможность обращения в суд и обязанность суда рассмотреть дело по существу всегда сохраняется»[195, с 134].

Данное суждение характерно для историко-правовых исследований эволюции взглядов на политику вообще и уголовную политику в частности, поскольку показывает, что отголоски гуманистических уголовно-правовых идей мыслителей эпохи Просвещения, базирующихся на морально-нравственных началах, проникли и прочно закрепились в современном правосознании. Эти идеи получают свое научное обоснование и применение и в настоящее время. Об этом свидетельствует и то, что современная научная концепция уголовной политики разрабатывается с учетом необходимости ее построения на принципах гуманности и нравственности, справедливости, гласности, сочетании интересов личности и государства, приоритетности прав человека [78, с 26-30].

Ученые признают, что «уголовная политика ни в коей мере не должна абстрагироваться от системы общечеловеческих ценностей»[7, с 82].

В связи с этим А.И. Коробеев отмечал, что «политика, для того чтобы оправдать свое предназначение, должна иметь систему руководящих идей, начал – систему определенных принципов. Понять уголовно-правовую политику без знания формирующих ее принципов невозможно: принципы в конкретизированном виде выражают саму политику. В равной степени нереальна и реализация уголовно-правовой политики вне и помимо системы ее принципов: во многом она претворяется в жизнь именно через принципы, закрепленные в праве»[112, с 268].

А.Ф. Кони, посвятивший ряд работ нравственным началам в уголовном процессе, писал: «Законы о судопроизводстве уголовном помимо своего значения, как ряда действующих правил об отправлении уголовного правосудия, имеют значение историческое, политическое и этическое. Историческое – в смысле показателя путей и степени развития народа к восприятию господствующих форм и обрядов уголовного процесса и усвое-

нию себе связанных с ними учреждений; политическое – в смысле обеспечения личных прав и свобод и степени ограничения самовластия органов правосудия и произвола в способах отправления последнего; этическое – в смысле развития правосознания народа и проникновения в процессуальные правила нравственных начал»[100, с 317].

Идеи о руководящих принципах и основах управления определенными сферами общественной жизни, включая уголовно-правовые отношения, высказывались мыслителями эпохи Просвещения. В частности, обсуждались принципы, связанные с разработкой нового законодательства и управлением в духе просвещенного абсолютизма. Эти идеи носили реформаторский и прогрессивный характер, что способствовало возникновению и формированию тенденций в области уголовной политики. Правовые взгляды просветителей в данной сфере имеют важное историческое, политическое и этическое значение для современного научного и концептуального понимания уголовной политики, что заключается в следующем.

Анализ современных научных исследований, посвященных раскрытию понятия уголовной политики [135, с 262=267; 231, с 16; 232, с 258], показал, что некоторые ученые отождествляют данное понятие с понятием «уголовно-правовая политика». Другие включают в понятие уголовной политики уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, уголовно-тактическую, уголовно-профилактическую, криминалистическую, пенитенциарную, оперативно-розыскную и др.

Как видно, уголовная политика рассматривается как подход государства к противодействию преступности, который охватывает особые меры как государственного, так и общественного характера. Эти меры включают в себя правовые, социальные, организационные, превентивные, идеологические и другие аспекты.

Справедливо в связи с этим мнение о том, что уголовно-политический аспект государственной деятельности в сфере борьбы с преступностью заключается в создании и формулировании концепций и осно-

вополагающих норм, а также методов и форм уголовно-правового воздействия, направленных на снижение негативного влияния преступности на социальные процессы. Это находит свое выражение в разработке принципов уголовного влияния на преступность и правил правоприменительной практики, в установлении критериев, что считается преступным и подлежащим наказанию, а также в исключении из перечня преступных действий в соответствии с этими критериями. Также важно разработать общие правила назначения наказания и процесс их применения. К методам уголовной политики относят такие подходы, как криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация, а также дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности. [136, с 125-128]

Следует отметить, что указанные методы уголовной политики применялись в государственной деятельности в странах Европы в XVIII в. Реформы в сфере уголовно-правовых отношений, проявившиеся как на уровне законодательства, так и в практике его применения, были предопределены осмыслением уголовной политики в контексте философских и правовых учений европейских мыслителей XVIII века. Процесс «зарождения» и дальнейшей научной формализации данной концепции основывался на идеях, высказанных этими мыслителями в их научных и публицистических работах, а также в определенной степени в литературных произведениях, содержащих элементы политической оценки. Эти идеи стали основой для дальнейших изменений в уголовном праве и его интерпретации, что подчеркивает важность влияния философских размышлений на юридическую практику и законодательство. Таким образом, пересмотренные подходы к уголовной политике объединяют обе сферы и позволяют достигать более глубокого понимания их взаимосвязи. Как писал М.П. Чубинский, разработавший теорию уголовной политики, «... уголовно-политический элемент (в науке уголовного права – *прим. Д.Г.*) по существу своему является весьма давним, и лишь сформирование уголовной поли-

тики как научной дисциплины относится к новейшему времени»[255, с 2-3].

По мнению диссертанта, достаточно сложно установить время появления термина «уголовная политика». Однако в уголовно-правовой и историко-правовой науке принято считать, что первенство в обозначении факта существования уголовной политики и определении ее соотношения с уголовным правом принадлежит Ансельму фон Фейербаху и датируется 1804 г. Он не дал определения данному понятию, однако понимал под уголовной политикой отрасль науки, которая должна дать законодателю указания для лучшей организации дела правосудия. Немецкий историк И. Беммер называл ее «прекрасной наукой», служащей делу борьбы с преступностью[259, с 163-165].

Как видно, в XIX в. уголовная политика приобретает статус отрасли науки. До этого времени, Как справедливо подчеркивают исследователи того времени, становлению науки уголовного права и криминологии, а также возникновению в юридической науке уголовно-политического аспекта в виде определенных идеологических основ способствовали мыслители, не относящиеся к числу юристов.: «Вспомним хотя бы Локка, Томазия, Вольфа, Беккариа, Вольтера; они во имя разных лозунгов, которыми являлись то природные права человека, то чистый разум, то общественная польза, то гуманность, требовали реформ, вызывали их и оставили глубокий след в науке уголовного права, тогда как специалисты-криминалисты, с пользой служа своему времени разработкой и толкованием уголовного законодательства, в то же время являлись тормозом научному прогрессу, ибо упорно боролись против реформаторских идей, отстаивая каждую пядь традиционных научных понятий и не заботясь об удовлетворении назревших потребностей духа»[256, с 9-10].

Как отмечал немецкий юрист А. Хенке, издавший в 1823 г. «Курс уголовного права и уголовной политики», дух улучшения и дальнейшего разрешения проблем с преступностью существовал давно, однако средства

для этого черпались лишь из догмы действующего права, пока во второй половине XVIII в. не появилось стремление создать совершенно новый порядок в области правосудия с достижением максимума общественной пользы [256, с 6].

Просветители и реформаторы XVIII в. – Вольтер, Шарль Монтескье и Чезаре Беккариа, стремясь к лучшему и справедливому, развивали уголовно-политические концепции, корнящиеся в работах древнегреческих и римских мыслителей (таких как Платон, Аристотель, римские юристы и философы раннего христианства). Ученые справедливо подчеркивают, что в историческом контексте прошлого (Античность и Средневековье) лишь создавались основы для разработки теорий о преступности и возможных способах ее пресечения. Для формирования научного понимания правовой природы и причин преступности требовалась новая эпоха, обладающая измененными ценностными установками и другими подходами к мышлению. [82, с 35-39].

Диссертант отмечает, просветители при создании своих произведений значительно акцентировали внимание на моральных и этических аспектах государственного управления и политики. В связи с этим, характерной особенностью уголовной политики европейских государств XVIII века можно считать её гуманизацию.

Если рассматривать гуманизацию государственной политики XVIII в. с позиции современной концепции уголовной политики и элементов, ее составляющих, методов и средств ее осуществления, то следует полагать, что в эпоху Просвещения имели место зарождение идей дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, пенализация и депенализация в обусловленных историческим периодом формах выражения и реализации.

Монтескье в работе «О духе законов» излагает свои мысли о точном соответствии между преступлением и наказанием. По его мнению, «... следовало бы в видах общественной безопасности установить некоторое

различие в наказаниях» [151, с 238]. И как один из вариантов разрешения этого вопроса предлагает следующее: «Разве денежные наказания не могут быть соразмерны богатству? разве нельзя соединить эти наказания с бесчестием? Хороший законодатель избирает средний путь: он не всегда карает денежными штрафами и не всегда приговаривает к телесному наказанию» [151, с 238-240].

Ч. Беккариа в своей уголовно-политической теории выдвигает принципы равенства наказаний для всех граждан, то есть отмены привилегий для дворянства, и соответствия между совершенным преступлением, его тяжестью и назначаемым наказанием. Исходя из соображений «общей пользы», Беккариа требует, чтобы не совершались преступления наиболее вредные для общества, и предлагает создать «точную и всеобщую лестницу преступлений и наказаний», где преступления, разрушающие непосредственно само общество, находились бы на высшей ступени, а состоящие в нарушении прав частного лица – на низшей. При этом высшую ступень в ней не должны занимать излишне жестокие наказания, так как сдерживает преступления не жестокость наказания, а его неизбежность [22, с 57].

Необходимо отметить, что представители просветительно-гуманистического направления в науке уголовного права в центр внимания ставили преступление, недооценивали роли индивидуальности и особенностей конкретных ситуаций, не учитывали личность преступника, что «приводило к слабой дифференциации наказания» в зависимости от перечисленных обстоятельств [7, с 89]. Однако будет несправедливым недооценить прогрессивное значение появления идеи дифференциации уголовной ответственности, ставшей в последующем одним из элементов теории уголовной политики.

В требовании Беккариа ограничить сферу уголовной юстиции действиями, а не словами и намерениями людей усматривается идея декриминализации некоторых видов преступлений.

Пенализация как метод уголовной политики предполагает формулирование целей уголовного наказания, предложение иных мер уголовно-правового характера, необходимых и достаточных для воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния. Полагаем, что характерной чертой пенализации в уголовной политике европейских государств в XVIII в. являлось смягчение назначаемых наказаний, организация системы уголовных мер и ее переработка, провозглашение принципов законности, открытости, справедливости и свободы выбора для личности и других.

Так, Монтескье подчеркивает необходимость применения просвещенным монархом такого «инструмента власти», как помилование. «В монархиях, где управляет честь, часто требующая того, что запрещает закон, милосердие более необходимо. Опала там равносильна каре; даже формальности судопроизводства являются наказаниями. Монархи могут так много выиграть милосердием. Случаи, когда миловать опасно, вполне ясны, и нетрудно увидеть разницу между милосердием и тем слабодушием, которое заставляет государя пренебрегать наказаниями и доводит его до невозможности налагать их», - пишет Монтескье.

Совокупность реформаторских идей просветителей в области осуществления уголовной политики имела бы достаточно усеченный вид без включения в нее поистине прогрессивной идеи отмены смертной казни, высказанной Ч. Беккариа. Исключение отдельных наказаний из системы наказаний, отказ от них в силу их неэффективности представляет собой такой метод осуществления уголовной политики, как депенализация. Призыв Ч. Беккариа к отказу от смертной казни, достаточно убедительная аргументация ее ненужности и бессмысленности и реализация его идеи на законодательном уровне определили собой вектор депенализации в уголовной политике государств Европы конца XVIII в.

Что касается советской юридической науки, вопросами уголовной политики было уделено значительное внимание, поскольку их изучение обладало важной практической значимостью; это способствовало форми-

рованию наилучших подходов и эффективных методов борьбы с преступностью. Выдающиеся ученые-юристы, такие как А.А. Герцензон, М.Д. Шаргородский и А.С. Шляпочников, стали пионерами в исследовании проблем уголовной политики [36, с.53].

В дальнейшем они были продолжены и развиты в трудах известных советских ученых-юристов, имена которых приводятся в Главе 2 настоящего исследования.

В результате тщательной и напряженной научной деятельности на границе 80-90-х годов была разработана концепция советской уголовной политики. Эта концепция служила интересам политико-распорядительного, законодательного и правоприменительного уровней государственной политики в области борьбы с преступностью, существовавшим в тот исторический период.

Следует отметить, что на протяжении указанного периода уровень теоретических исследований и практических научных разработок был довольно значительным. Это имело место, несмотря на активное проникновение в массовое сознание мифа о стремительной победе над преступностью. Вся проблематика, связанная с борьбой с этим явлением, противоречащим социалистическим принципам, находилась под строгим контролем различных социальных институтов, включая цензуру, средства массовой информации и издательскую сферу.

В научной юридической среде также было отчетливо видно влияние агрессивного социалистического монополизма, проявлявшееся в значительном сокращении (до одного) числа лиц, обладающих правом принимать решения в определенной области деятельности [117]. Поэтому, связи с этим в области уголовной политики часто возникала ситуация, когда один субъект — партия — полностью доминировал, в то время как остальные «игроки» (такие как МВД, КГБ, суд, прокуратура и др.) были вынуждены следовать его решениям.

Тем не менее, неуклонный рост преступности в Советском Союзе, увеличение ее тяжести и общественной опасности, ставшие ключевыми аспектами криминологического анализа, значительно тревожили государственные органы власти. Это привело к тому, что необходимость исследования вопросов уголовной политики с каждым годом становилась все более актуальной. Также росла их значимость для практических мер по борьбе с преступностью.

Диссертант особо отмечает тот факт, что сотрудничество между юридической наукой и практикой в те времена проявлялось весьма активно и результативно, что, к сожалению, не характеризует современную ситуацию. Это подтверждается образованием крупных научных учреждений в тот период, которые целенаправленно исследовали и разрабатывали вопросы уголовной политики, из которых наиболее авторитетной с 1979 г. стала кафедра уголовной политики и уголовного права Академии МВД СССР под руководством профессора Г.М. Миньковского.

С самого начала формирования уголовной политики значительное внимание было уделено разработке ее понятийного аппарата. Поскольку этот аппарат состоит из ключевых понятий, рассматривающих уголовную политику, необходимо начать с определения самой сущности уголовной политики. При этом цель не заключается в том, чтобы предоставить строгое определение уголовной политики, поскольку она не может быть четко охарактеризована как нечто конкретное, например, теория, деятельность или государственная доктрина. Уголовная политика представляет собой более сложное явление, включающее в себя множество аспектов и подходов, что делает ее трудноуловимой для однозначного определения. Поэтому важно рассмотреть ее основные элементы и принципы, чтобы лучше понять природу и функции уголовной политики в современном обществе.

Уголовная политика как научная дисциплина возникла в результате слияния различных областей знаний, включая не только уголовное право и социальную политику, но и сближение социологии, политологии, науки о

социальном управлении с криминологией и уголовным правом. Это направление стало закономерным итогом глубинного и многогранного анализа преступности, а также других неблагоприятных явлений и процессов в обществе.

С другой стороны, как правильно подчеркнул Я. Шепанский, «... сама по себе дефиниция науки ничего не решает, поскольку ни одна научная доктрина не существует в готовой, замкнутой и неизменной форме, позволяющей охватить ее точной дефиницией, но всегда является изменяющейся системой взглядов, теорий, гипотез и утверждений, проблем и вопросов, на которые ученые пишут ответы, нередко опровергая то, что еще недавно называлось безусловным» [270].

Несмотря на отсутствие возможности выработать чёткое определение уголовной политики, это не исключает необходимость выявления круга вопросов, требующих её внимания. Уместно, в связи с этим высказывание о том, что "... несмотря на тенденции к интеграции, каждая наука имеет свой предмет исследования и свой характерный метод постановки проблем, которые отличают ее от других наук" [270].

Следовательно, исследование аксиологических и идеологических подходов к определению понятия «уголовная политика» позволили сформулировать следующие выводы.

Во-первых, провозглашенные мыслителями эпохи Просвещения идеи дифференциации уголовной ответственности, смягчения наказаний, упорядочения системы наказаний, применения мер пенализации и депенализации составляют содержание термина «гуманизация уголовной политики», которое употреблялось при характеристике государственного и общественного строя государств Европы XVIII в. Речь о прогрессивных для той исторической эпохи идеологических составляющих государственной политики сохраняет свою актуальность и в настоящее время.

Несмотря на мнение некоторых исследователей о том, что «... благородные идеи демократии и гуманизма ведут к ослаблению борьбы с пре-

ступностью», они, тем не менее, признают основой идеологии противодействия преступности принцип превышения риском совершения преступления его возможной выгоды – принцип, который был положен в основу теории уголовной политики просветителями-гуманистами XVIII в.

Во-вторых, уголовная политика - это система действий государства, направленных на противодействие преступности. Она включает в себя целый ряд мер как государственного, так и общественного характера: правовые, организационные, социальные, идеологические, превентивные и другие.

В-третьих, просветители эпохи Просвещения в своих трудах большое внимание уделяли морально-нравственному аспекту в управлении государством. Отличительными чертами уголовной политики в государствах Европы XVIII в., являлись: гуманизация, зарождение идей дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, пенализация и депенализация.

1.2. Развитие уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства

Для правильного понимания и оценки любого явления необходимо анализировать его в контексте исторического развития, то есть учитывать всю сеть исторических взаимосвязей, зависимостей и закономерностей, которые следуют одна за другой во времени. По этой причине историзм является ключевым принципом научного подхода к меняющейся и развивающейся реальности. [260, с.170].

Изучение преступлений, направленных против основ конституционного порядка и безопасности государства как социально-правового феномена, должно учитывать условия, в которых они возникают. Это позволит в процессе исторического и политико-правового анализа проследить эволюцию и формирование уголовно-правовых норм, а также оценить их текущее состояние.

По этому поводу Б.М. Кедров отмечал, что «изучение прошлого может и должно служить средством для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее и на основе этого осмыслить развитие науки как целенаправленный исторический процесс» [92, с.78]

С этим утверждением сложно не согласиться, так как без анализа генезиса традиционного обычного права невозможно эффективно разрабатывать теоретические аспекты уголовно-правовых вопросов, касающихся преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

В области уголовного права существует лишь ограниченное число исследований, посвященных праву дореволюционного времени. Без сомнения, некоторые исследователи упоминали эту тему в своих работах, однако только исследования профессора К. Нурбекова можно считать целенаправленными и достаточно полными, охватывающими заявленный

предмет - «История государства и права Киргизской ССР» и доцента С.К. Кожоналиева «Обычное право кыргызов» [157, с.20; 99].

Система управления государством Кыргызстана базировалась на обычных правовых нормах. Действия определённой группы людей, которые следуют общепринятым стандартам поведения, известны как "адат". Этот термин восходит к арабскому слову "адат", что переводится как обычай или нормы поведения, которые приняты определённой когортой и действуют в конкретной области, соблюдаясь в основном в силу привычки.

В регулировании социальных взаимоотношений значительную роль играли нормы шариата, которые применялись наряду с адатом. Они зачастую проявлялись лишь время от времени, что было обусловлено географическими и историческими обстоятельствами, взаимно заменяя и дополняя друг друга. Например, шариат классифицировал различные виды преступлений, такие как: восстание и мятеж против правителя страны, неповиновение властям, попытка свержения главы мусульманского государства, а также все виды деятельности, посягающие на освященные исламом формы правления [33, с.256].

Автор считает, что современные правовые нормы об ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства в КР содержат в себе нормы об уголовной и иной ответственности, которые сложились в различные исторические периоды становления и развития отечественной правовой системы. Многие из этих норм возникли благодаря нормам об ответственности, сложившимся в адате и шариате, а также нормам, существовавшим в российском уголовном законодательстве, которые явились основой современного отечественного уголовного законодательства.

В этой связи диссертант считает целесообразным проанализировать основные источники российского законодательства, которые в свое время являлись частью правовой системы Кыргызстана.

Так, генезис развития уголовного законодательства об ответственности за преступления против национальной безопасности России тесная связь между развитием государства и его функциями наблюдается на протяжении всей истории. Процесс централизации и формирования единого Российского государства, который завершился к концу XV — началу XVI века, привел к концентрации власти в руках немногих. В первом значительном законодательном акте, известном как Судебник 1497 года, список наиболее тяжких преступлений открывается с деяний, направленных против своего господина, включая убийство («государский убойца»), а также измену и бунт («крамолы»). Таким образом, изменения в правовых нормах отражают растущую централизацию и ужесточение контроля власти над населением. [223].

Судебник 1550 г. дополнил их новыми составами, в том числе о сдаче города неприятелю [223]. Но в своем собственном, политическом смысле интересы государства более или менее системно были поставлены под уголовно-правовую охрану Соборным уложением 1649 г. [217].

Считается, что до уголовного законодательства Петра I это был единственный правовой акт о политических преступлениях. В Воинском и Морском уставах Петра I круг наказуемых деяний расширяется и одновременно усиливается ответственность, в частности, за недонесение о злом умысле против государя [252].

Таким образом, аналогичный вариант классификации политических преступлений был взят за основу и при разработке проекта Уголовного уложения 1903 г. Однако Особым совещанием при Государственном Совете признано необоснованным противопоставление интересов монарха и верховной власти, в силу чего политические преступления стали группироваться по несколько иному принципу: посягательства на верховную власть и государя Императора, с одной стороны, и государственную измену - с другой. Первой группой объединялись деяния, посягающие на внутреннюю, а второй - на внешнюю безопасность государства.

С течением времени многие указы сменялись новыми, где делались соответствующие акценты, которые к примеру, были сделаны и в Своде законов Российской Империи, а затем в Уставе о наказаниях уголовных и исправительных. Последний подразумевал под государственными преступлениями два основных вида: 1) преступления против государя Императора и членов Императорского дома; 2) посягательства на верховную власть и государственную измену, т.е., по сути дела, различались деяния против внутренней и внешней безопасности [245, с.562].

Анализ основных тенденций развития отечественного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления против государства, показал, что его становление началось с момента присоединения Кыргызстана к России (октябрь 1917 г.), а именно, со смены общественно-экономической формации. В этой связи автор работы отмечает, что на начальном этапе становления и развития уголовной политики в советской Киргизии, а именно, после революции 1917 г. временные законы отражали так называемый накал классовой борьбы, стремление всеми средствами подавить политического противника. Суровая ответственность за контрреволюционные преступления предусматривалась Декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. [67], обращением СНК ко всему населению от 26 ноября 1917 г. «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Дутова, поддерживаемым Центральной Радой», Постановлением кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов» (1918 г.) [159] и т.п.

Первый кодифицированный уголовный закон РСФСР - Уголовный кодекс - был принят в 1922 г., в котором были сформулированы общее понятие контрреволюционного преступления (ст. 57), а также конкретные составы преступлений (измена Родине, шпионаж, диверсия и др.).

С момента образования СССР (1922 г.) [241] и после Гражданской войны процесс законотворчества пошел более активно, и уже в 1927 г. ЦИК СССР принял общесоюзное Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлении-

ях против порядка управления), нормы которого полностью вошли в УК РСФСР 1926 г. [242].

Анализируя этапы становления и развития уголовного законодательства Кыргызстана, особое внимание следует уделить первому в советской Киргизии кодифицированному нормативному акту - Уголовному кодексу Киргизской ССР 1960 г., который включил в себя не только часть общесоюзных начал уголовного законодательства, но и особенности национального уголовного законодательства [235].

Так, ниже по тексту хотелось бы представить следующие таблицы развития уголовной ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства в становлении уголовного законодательства Кыргызской Республики 1960, 1997, 2017 и 2021 годов.

УК Киргизской ССР 1960 года Введенного в действие Законом Киргизской ССР от 29 декабря 1960 года и действовавшего по состоянию на 1 июля 1996 года		
Особенная часть. Глава первая Вид 1. Государственные преступления Особо опасные государственные преступления		
1.	Статья 58	Измена родине
2.	Статья 59	Шпионаж
3.	Статья 60	Террористический акт
4.	Статья 61	Террористический акт против представителя иностранного государства
5.	Статья 62	Диверсия
6.	Статья 63	Вредительство
7.	Статья 64	Призывы к насильственным свержению или изменению советского государственного и общественного строя или насильственному нарушению единства территории Союза и Киргизской ССР
8.	Статья 64-1	Призывы к совершению преступлений против государства
9.	Статья 65	Пропаганда войны
10.	Статья 66	Организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации
11.	Статья 67	Особо опасные государственные преступления, совер-

		шенные против другого государства трудящихся
Вид 2. Государственные преступления Иные государственные преступления		
12.	Статья 68	Нарушение национального, расового равноправия и равноправия граждан в зависимости от их отношения к религии
13.	Статья 68-1	Оскорбление или дискредитация государственных органов или общественных организаций (Отменена Указом Президиума Верховного Совета Киргизской ССР от 27 июля 1989 года – Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР, 1989 год, N 14)
14.	Статья 69.	Разглашение государственной тайны
15.	Статья 70	Утрата документов, содержащих государственную тайну
16.	Статья 70-1	Передача иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну
17.	Статья 71	Бандитизм
18.	Статья 71-1	Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений
19.	Статья 72	Контрабанда
20.	Статья 73	Массовые беспорядки
21.	Статья 73-1	Руководство запрещенной забастовкой
22.	Статья 74	Уклонение от очередного призыва на действительную военную службу
23.	Статья 74-1	Уклонение от прохождения альтернативной (вневоинской) службы
24.	Статья 75.	Уклонение от призыва по мобилизации
25.	Статья 76	Уклонение в военное время от выполнения повинностей или уплаты налогов
26.	Статья 77	Незаконный выезд за границу и незаконный въезд в Кыргызскую Республику
27.	Статья 77-1	Нарушение иностранными гражданами порядка пребывания в Кыргызской Республике и транзитного проезда
28.	Статья 78	Нарушение правил международных полетов
29.	Статья 79	Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта
30.	Статья 80	Повреждение путей сообщения и транспортных средств
31.	Статья 81	Изготовление или сбыт поддельных денег
32.	Статья 82	Нарушение правил о валютных операциях (Исключена Законом Республики Кыргызстан от 3 марта 1992 года – Ведомости Верховного Совета Республики Кыргызстан

		1992 год № 4/1, ст. 163)
33.	Статья 83	Недонесение о государственных преступлениях
34.	Статья 83-1	Укрывательство государственных преступлений
Итого:		34 состава преступлений

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в УК КССР 1960 г. статья об охране государственной безопасности и общественного строя имела важное значение, поскольку согласно конструкции его Особенной части первая глава предусматривала составы преступлений против государства или так называемые государственные преступления, которые были разделены на особо опасные государственные преступления и иные государственные преступления [235]. Общее количество государственных преступлений насчитывало 34 состава, среди которых 11 относились к особо опасным преступлениям, а 23 к иным государственным преступлениям. При этом по ст.ст. 58-62, 66 и 67 в числе санкций была предусмотрена смертная казнь.

Произошедшие после подписания Беловежских соглашений в 1991 г. события, формирующиеся в связи с этим новые экономические, политические и социальные отношения, создание на современных территориях СНГ гражданского общества и новой государственности, образование новой независимой, суверенной республики Кыргызстан дали новый толчок поиску оптимальных путей проведения уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. В связи с чем разработчики нового уголовного законодательства должны были решить следующие задачи:

1) привести законодательство в соответствие с современной иерархией социальных ценностей, принятых в демократическом правовом государстве, конституцией, где высшей ценностью признается человек, его права и свободы;

2) согласовать законодательство с общепринятыми международными стандартами;

3) рационально использовать мировой опыт, лучшие правовые решения, выработанные правоприменительной практикой других государств и т.д.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики 1997 года (период действия с 1 октября 1997 года по 31 декабря 2018 года)		
Глава 29. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства		
1.	Ст. 292	Государственная измена
2.	Ст. 293	Шпионаж
3.	Ст. 294	Посягательство на жизнь или здоровье государственного, или общественного деятеля
4.	Ст. 295	Насильственный захват власти или насильственное удержание власти
5.	Ст. 295 ¹	Сепаратистская деятельность
6.	Ст. 296	Вооруженный мятеж
7.	Ст. 297	Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя
8.	Ст. 298	Диверсия
9.	Ст. 299	Возбуждение национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды
10.	Ст. 299 ¹	Организованная деятельность, направленная на возбуждение национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды
11.	Ст. 299 ²	Приобретение, изготовление, хранение, распространение, перевозка и пересылка экстремистских материалов, а также умышленное использование символики или атрибутики экстремистских, или террористических организаций
12.	Ст. 299 ³	Финансирование экстремистской деятельности
13.	Ст. 300	Разглашение государственной тайны
14.	Ст. 301	Утрата документов, содержащих государственную тайну
15.	Ст. 302	Передача или собирание с целью передачи иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну
Итого:		15 составов преступлений

Вышеуказанные задачи решались на основе Модельного уголовного кодекса стран СНГ, разработанного на основании Постановления Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 28 октября

1994 г. «О правовом обеспечении интеграционного развития Содружества Независимых государств» и одобренного этой же ассамблеей 17 февраля 1996 г. [150]. Рекомендательные положения Модельного уголовного кодекса СНГ были учтены в уголовном законодательстве КР, которые нашли свое отражение в УК КР 1997 г.

Как видно из представленной таблицы, разработчики УК КР 1997 г. привели его в соответствие с Конституцией и провозглашенными демократическими ценностями. Кроме того, из 34 составов, предусматривающих уголовную ответственность за государственные преступления, в УК осталось всего 15, поскольку изменились объекты уголовно-правовой охраны, обозначенные в статье УК о целях и задачах уголовного закона. В данной статье УК КР охрана прав и свобод человека и гражданина, а также других демократических ценностей являлась первостепенной.

В результате реформы уголовного законодательства КР в 2007 г. в УК КР были включены следующие составы: ст. 295¹ «Сепаратистская деятельность»; ст. 299¹ «Организованная деятельность, направленная на возбуждение национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды»; ст. 299² «Приобретение, изготовление, хранение, распространение, перевозка и пересылка экстремистских материалов, а также умышленное использование символики или атрибутики экстремистских или террористических организаций». В 2015 г. в гл. 29 УК КР была введена ст. 299³ «Финансирование экстремистской деятельности» [236].

Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2017 года (введен в действия с 1 января 2019 года по 27 октября 2021 года)		
Глава 43. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства		
1.	Ст. 307	Государственная измена
2.	Ст. 308	Шпионаж
3.	Ст. 309	Насильственный захват власти
4.	Ст. 310	Публичные призывы к насильственному захвату власти
5.	Ст. 311	Сепаратистская деятельность
6.	Ст. 312	Вооруженный мятеж
7.	Ст. 313	Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни)
8.	Ст. 314	Создание экстремистской организации
9.	Ст. 315	Изготовление, распространение экстремистских материалов
10.	Ст. 315 ¹	Финансирование экстремистской деятельности
11.	Ст. 316	Разглашение государственной или военной тайны
12.	Ст. 317	Утрата носителей сведений, содержащих государственную или военную тайну
13.	Ст. 318	Передача или собирание с целью передачи иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну
Итого:		13 составов

Результатом проводимых в республике реформ явилось принятие нового УК КР в 2017 г., введенного в действие с 1 января 2019 г. Как показал анализ статей главы «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» в количественном отношении она уменьшилась на 2 состава; из УК были исключены ст. 294 «Посягательство на жизнь или здоровье государственного, или общественного деятеля» и ст. 298 «Диверсия».

Такие изменения, по мнению диссертанта, являются нецелесообразными, поскольку указанные объекты остались вне уголовно-правовой охраны. Вместе с тем к положительным изменениям уголовного законодательства следует отнести включение в гл. 43 УК КР статьи, предусматривающей ответственность за создание экстремистской организации.

Определенный интерес вызывает уточнение понятия «экстремизм», определенный в Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепара-

тизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года г., ратифицированной Законом КР от 10 апреля 2002 г. № 50.

№	Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2021 года (период действия с 28 октября 2021 года по настоящее время)	
Глава 41. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства		
1.	Ст. 323	Государственная измена
2.	Ст. 324	Шпионаж
3.	Ст. 325	Диверсия
4.	Ст. 326	Насильственный захват власти
5.	Ст. 327	Публичные призывы к насильственному захвату власти
6.	Ст. 328	Сепаратистская деятельность
7.	Ст. 329	Вооруженный мятеж
8.	Ст. 330	Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной межрегиональной вражды (розни)
9.	Ст. 331	Создание и финансирование экстремистской организации
10.	Ст. 332	Изготовление, распространение экстремистских материалов
11.	Ст. 333	Разглашение государственных секретов
12.	Ст. 334	Утрата носителей сведений, содержащих государственные секреты
13.	Ст. 335	Передача или собирание с целью передачи иностранным сведениям, составляющих служебную тайну
Итого:		13 составов

Нормы об ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства предусмотрены действующим УК КР, разработка которого началась еще в 2021 г. При этом следует отметить, что в целях устранения пробелов в УК только за период с 2019 по 2020 гг. Жогорку Кенеш (Парламент) КР внес около 285 изменений и дополнений, принял около 20 законов о поправках.

Что касается исследуемой главы, то в нее не вносились существенные изменения; прежними остались название главы и ее структура, включающая 13 составов преступлений. Нововведением стало включение в гла-

ву статьи, предусматривающей ответственность за создание и финансирование экстремисткой организации. Кроме того, в УК возвращена ст. 325 «Диверсия»; ответственность за разглашение государственной и военной тайны стала ответственностью за разглашение государственных секретов.

Таким образом, исследование истории развития уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства позволили сформулировать следующие выводы:

1) преступления против основ конституционного строя и безопасности государства прошли в своем развитии длительный путь эволюции, начиная от примитивных конструкций обычного права кыргызов и Русской правды, и заканчивая стабильными обобщенными описаниями составов преступлений в современном уголовном законодательстве КР;

2) согласно положениям Конституции КР, в которой закреплена современная система приоритетов, Кыргызстан взял курс на создание демократического общества, декриминализации, либерализации и гуманизации правовых отношений, в котором права и свободы человека являются высшей социальной ценностью. Охрана конституционного строя и безопасности государства от внешних и внутренних угроз как условие реализации этих прав и свобод стала одним из важных направлений уголовно-правовой политики КР.

1.3. Понятие и принципы уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства

Частые изменения в уголовном законодательстве КР зачастую носили противоречивый и бессистемный характер. Это указывает на острую необходимость в разработке и проведении государственной уголовной политики.

При этом следует отметить, что на сегодняшний день в юридической науке существуют различные подходы к пониманию уголовной политики государства. Так, А.И. Коробеев под уголовно-правовой политикой понимает «направление деятельности законодательных и правоприменительных органов и организаций в выработке общих положений уголовного законодательства, установлению круга преступных деяний и системы наказаний, разработке санкций в конкретных составах преступлений и избранию справедливых и целесообразных мер воздействия (наказаний или иных мер уголовно-правового характера) в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, либо совершивших общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом» [54, с.113].

В целом поддерживая данную точку зрения, диссертант в тоже время не согласен с мнением автора о том, что элементом политики является деятельность правоприменительных органов и организаций, поскольку эти органы могут лишь участвовать в реализации уголовно-правовой политики, но не определять ее сущность и содержание.

Уголовно-правовая политика, по мнению Н.А. Лопашенко, является частью внутренней политики государства, основополагающей, составляющей государственной политики противодействия преступности, направление деятельности государства в сфере охраны наиболее важных для личности, общества и государства благ, законных интересов и общественных отношений от преступных посягательств, заключающаяся в выработке принципов определения круга преступных деяний и законодатель-

ных признаков последних и формулировании идей и принципиальных положений, форм и методов уголовно-правового воздействия на преступность в целях снижения и уменьшения ее негативного влияния на социальные процессы [137, с.508].

В данной дефиниции абсолютно справедливо подчеркивается, что уголовно-правовая политика является частью государственной политики противодействия преступности. Однако в содержательном аспекте раскрыть понятие описываемого явления автору, как представляется, не совсем удалось, поскольку в дефиниции отсутствует указание на пенализацию как элемент содержания уголовно-правовой политики, а указание на «формы и методы уголовно-правового воздействия на преступность» приводит к смешению уголовно-правовой политики с криминологической.

Хотелось бы отметить, что содержание уголовно-правовой политики так же, как и ее понятие, не получило единообразного понимания в теории уголовного права. Так, по мнению В.С. Комиссарова, содержание уголовно-правовой политики составляет: 1) определение основных принципов и положений, лежащих в основе борьбы с преступностью, мерами уголовно-правового воздействия; 2) установление круга уголовно наказуемых деяний путем формирования оснований и принципов криминализации, а также их декриминализации в тех случаях, когда необходимость в мерах уголовно-правового воздействия отпадает; 3) определение характера и пределов наказуемости криминализированных деяний, а равно условий применения иных мер уголовно-правового воздействия; 4) определение направлений деятельности правоохранительных органов по применению на практике положений уголовного закона и выявлению его эффективности; 5) повышение эффективности воздействия уголовно-правовых мер на правовую культуру и правовое сознание населения [57, с. 34-36].

А.И. Коробеев в содержание уголовно-правовой политики включает следующие элементы: 1) определение основных принципов уголовно-правового воздействия; 2) криминализацию (декриминализацию) деяний;

3) пенализацию (депенализацию); 4) определение иных мер уголовного характера; 5) толкование действующего законодательства; 6) направление деятельности правоохранительных органов по применению норм уголовного закона, выяснение их эффективности [112, с.113].

Н.А. Лопашенко выделяет четыре элемента содержания уголовно-правовой политики: 1) определение принципов уголовно-правового воздействия на преступность; 2) криминализацию (декриминализацию) деяний; 3) разработку общих начал назначения наказания и иных мер уголовного характера, их применение и условия освобождения от уголовной ответственности и наказания; 4) реализацию индивидуализации уголовной ответственности [137, с.508].

Как видно, научные подходы к вопросу о содержании уголовно-правовой политики, несмотря на наличие общих позиций, имеют и принципиальные отличия.

Определенный интерес представляет позиция Д.А. Зыкова, А.В. Шеслера и С.С. Шеслера, которые выделяют виды деятельности, составляющие содержание уголовно-правовой политики: 1) правотворческую деятельность, реализуемую через криминализацию (декриминализацию), пенализацию (депенализацию) деяний, дифференциацию уголовной ответственности и наказания; 2) правоприменительную деятельность, реализуемую через индивидуализацию уголовной ответственности и наказания; 3) деятельность по толкованию уголовного законодательства, реализуемую через постановления Пленума Верховного Суда [269, с.86-92].

Нельзя не отметить, что на протяжении почти двух столетий в уголовном праве исследователи выделяют понятие «уголовная политика», вкладывая в него нередко разный смысл. Некоторые исследователи под уголовной политикой понимают направление государственной деятельности, определяющее стратегию и тактику предупреждения и сдерживания преступности путем использования правовых и неправовых средств, выражающееся в виде системы государственных директив, уголовно-

правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных и иных нормативных предписаний [175, с.23].

Давая схожее, но более расширенное определение, другие авторы полагают, что уголовная политика представляет собой направление деятельности государства, осуществляемое на уровне политического руководства, управления, принятия и реализации конкретных решений и имеющее основным назначением определение и проведение в жизнь задач, форм и содержания целенаправленных мер борьбы с преступностью (воздействия на нее), организацию и обеспечение оптимального функционирования и развития этой системы на надлежащей идеологической, правовой, информационной, ресурсной базе и во взаимодействии с другими социальными системами» [86, с.15].

Можно согласиться с мнением, что уголовная политика является политико-правовой формой реакции государства на преступность, специфической формой признания и разрешения социальных противоречий и антагонизмов [60, с.4].

Характеризуя формы проявления уголовной политики Я.И. Гилинский, утверждает: «Уголовная политика может быть явно выражена (в конституционных, программных, правовых документах) или же неявно (имплицитно) содержаться в реальной деятельности государства и его органов по противодействию преступности и ее отдельным видам» [53, с.46-52].

Некоторые исследователи, акцентируя внимание на структурных элементах уголовной политики, утверждают, что она представляет собой основное направление, задающее ключевые цели, методы и способы воздействия на преступность. Это достигается через разработку и внедрение уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового законодательства, а также через практические аспекты его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений» [114].

Нельзя не согласиться с мнением К.М. Осмоналиева, который отмечает, что в рамках уголовной политики выделяются несколько ключевых компонентов, включая уголовное право, уголовный процесс, исполнение уголовных наказаний и криминологическую политику. При более широком понимании уголовной политики можно также рассмотреть административные и оперативно-розыскные аспекты как части её структуры. Тем не менее, при более узком подходе к определению уголовной политики целесообразно сосредоточиться исключительно на уголовно-правовом направлении, поскольку именно оно является её основным элементом. [175, с.23].

Поддерживая данную точку зрения, автор диссертации считает, что уголовно-правовая политика, как ключевой элемент в системе различных отраслей, институтов и норм, представляет собой юридическую основу для борьбы с преступностью и занимает важное место в структуре уголовной политики. Она является важной частью правовой политики государства и в целом отражает стратегический подход к ее реализации в практической деятельности.

Следует отметить, что правовая политика включает в себя использование методов правового регулирования, среди которых можно выделить планирование законодательных инициатив, формулирование задач и методов работы юридических учреждений, а также определение ключевых направлений правового просвещения. В этой связи следует отметить, что во исполнение Национальной программы развития КР до 2026 г., утвержденной Указом Президента КР от 12 октября 2021 г. № 435 и направленной на формирование сильной и устойчивой системы государственного управления, была утверждена Концепция правовой политики КР на 2023-2026 гг. и План мероприятий по ее реализации. Основной целью Концепции является обеспечение верховенства права путем согласованного выбора основных направлений развития правовой системы, а также форм ее реализации, включая правотворческую, правоприменительную, правоинтер-

претационную и правообучающую деятельность.

Как было упомянуто ранее, уголовная политика входит в правовую политику государства и, по сути, представляет собой стратегическую линию ее воплощения в реальной деятельности органов государственной власти. При этом следует обратить внимание на проблемы, существующие в нормотворческой деятельности органов государственной власти. Речь идет об отсутствии системного подхода к нормотворчеству, недостаточном привлечении представителей научного сообщества к данному процессу. Эти проблемы обозначены в указанной Концепции, а их решение видится в проведении мониторинга оценки эффективности принятых нормативных правовых актов со стороны всех нормотворческих органов.

Мы поддерживаем точку зрения В.А. Владимирова и Ю.И. Ляпунова, что активизация уголовно-политических исследований, вызванная более глубоким пониманием сущности теории уголовной политики, способствует улучшению эффективности как в противостоянии преступности, так и в управлении в этой сфере.

Такие исследования формируют устойчивую социально-нормативную базу и информационный ресурс для принятия обоснованных решений на различных уровнях управления системой уголовной юстиции. Важно отметить, что научное изучение основ уголовной политики содействует внедрению принципов и методов научного управления в сферу борьбы с преступностью. Это, в свою очередь, позволяет более точно определить и разграничить функции различных правоохранительных учреждений в данной области. [43, с.7].

По мнению Г.Ю. Лесникова, в текущей обстановке задача теории уголовной политики заключается в изучении процессов системного кризиса в области правопорядка и создании действенных методов управления в кризисных условиях, а также в предложении подходящей модели сохранения правопорядка и снижения уровня преступности. [130, с.8].

Уголовная политика - понятие многоуровневое и многоаспектное. В ней можно выделить пять уровней: 1) концептуальный (теория уголовной политики, ее доктрина); 2) законодательный; 3) нормативно-программный; 4) управленческий; 5) правоприменительный [148, с.23-27].

В рамках данного исследования особое внимание уделяется концептуальной составляющей уголовной политики, направленной на предотвращение преступлений против основ конституционного строя и безопасности. Это предполагает разработку теоретических основ, которые помогут сформулировать и обосновать ключевые идеи уголовной политики. В этом контексте первостепенной и довольно сложной задачей является разработка понятийного аппарата, так как на сегодняшний день в стране нет официальной концепции уголовной политики, особенно в области профилактики преступлений, связанных с организованной преступностью, нелегальным оборотом наркотиков, налоговыми преступлениями и т.д. Нужно отметить, что отдельные элементы концепции касаются уголовной политики, однако в основном они изложены в законах и подзаконных актах, нацеленных на борьбу с преступностью, а также в заявлениях главы государства.

Отдельные аспекты концепции уголовной политики, направленной на предотвращение преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР, найдут отражение в законах о национальной безопасности, а также в документах, касающихся национальной безопасности и борьбе с нелегальным оборотом наркотиков, среди прочих. Прежде чем принимать такую концепцию уголовной политики, необходимо провести научно обоснованный анализ её социальной результативности.

Запреты в уголовном праве должны находить обоснование в социальных условиях, а преступное поведение должно представлять собой определённую степень общественной угрозы. Эти аспекты обсуждаются на концептуальном уровне в процессе формирования исследуемой уголовной политики.

На уровне закона уголовная политика проявляется в создании, принятии и совершенствовании норм права, которые направлены на реализацию целей и задач уголовной политики. В числе основных гарантий, обеспечивающих научную обоснованность, устойчивость и преемственность в уголовной политике, необходимо выделить формирование нормативно-правовой основы данной политики. В этой основе ключевую роль должны играть разнообразные законы: «Об основах национальной уголовной политики», «О криминологической экспертизе», «О профилактике преступлений», «О мониторинге преступности», «О негосударственных организациях в сфере борьбы с преступностью» и «О Национальном страховом фонде в сфере борьбы с преступностью».

Из всех перечисленных законов принят лишь Закон «Об основах профилактики правонарушений» от 5 мая 2021 г. № 60, где говорится, что «Государственная политика в сфере профилактики правонарушений осуществляется путем: 1) развития системы профилактики правонарушений через правовое регулирование, принятие концепций, программ и планов в сфере профилактики правонарушений, координации усилий государственных органов, органов местного самоуправления, некоммерческих организаций, юридических и физических лиц, гражданского общества и граждан в сфере профилактики правонарушений и т.д. (ст. 6).

На уровне нормативно-программного регулирования происходит создание законодательных актов и ключевых положений государственной политики в области уголовного права, а также стратегических документов разных уровней управления. К таким актам относятся, например, программы по усилению борьбы с различными видами преступности; такие программы должны быть унифицированы и структурированы. В этом контексте автор диссертации подчеркивает необходимость организации практики планирования борьбы с преступностью и сокращения затрат на разработку национальных, региональных и местных программ по противодействию преступным деяниям. целесообразно утвердить модельные про-

граммы борьбы с преступностью, а также Регламент разработки и принятия международных, общенациональных, региональных и локальных программ борьбы с преступностью в форме постановлений Кабинета министров КР. Изучаемый аспект уголовной политики имеет огромное значение, поскольку в нем сочетаются как концептуальные, так и правовые элементы политики по противодействию преступности. В этом контексте можно сказать, что в более широком смысле уголовная политика выступает в роли системы программ, направленных на борьбу с правонарушениями. [62, с.36].

Управление реализацией уголовной политики охватывает организацию практики правоприменения в борьбе с преступностью как в общем, так и в специфических областях, включая профилактику преступлений, которые угрожают основам конституционного порядка и безопасности государства. Эта деятельность нацелена на повышение результативности методов и форм противодействия преступлениям.

Функции правоприменительных органов в реализации уголовной политики в области предотвращения преступлений против Конституции и государственной безопасности осуществляются на определённом уровне, непосредственно связанном с уголовным законодательством.

В сфере классификации преступлений уголовная политика основывается на единых принципах, таких как законность, целесообразность и дифференциация. Она находит свое воплощение в интерпретациях, предоставляемых уполномоченными государственными органами, например, национальной безопасностью.

Политика применения наказаний в борьбе с преступностью играет ключевую роль. Она не противоречит принципу индивидуализации ответственности и не приводит к шаблонным решениям по уголовным делам, обеспечивая при этом единую направленность в противодействии преступности в соответствии с действующими нормами закона. Уголовная

политика зависит как от объективных, так и от субъективных факторов. В случаях, когда субъективизм в уголовной политике принимает характер тенденции, велика опасность возникновения волюнтаризма, чреватого различными крайними подходами к уголовной политике: от войны с преступностью - до чрезмерного либерализма.

В этой связи примечательно выражение Ю.В. Голика о том, что «... мы должны убрать всякий налет субъективизма из процесса криминализации, отделить меры объективные от субъективных» [261, с. 51]. Поскольку решения в области уголовной политики зачастую принимаются людьми, которые могут находиться под влиянием эмоций или давления мнения строго настроенного общества, абсолютно исключить возможность ошибок в этой сфере невозможно. Кроме того, нередко в уголовной политике выборы делаются на основе конъюнктурных факторов, а не на основе советов профессионалов.

Принципы уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Содержание уголовной политики, направленной на предотвращение правонарушений, угрожающих основам конституционного строя и безопасности государства, отражает её принципы, обладающие четким нормативным характером. Эти принципы зафиксированы в действующей Конституции Кыргызской Республики, а также в законодательных документах, регулирующих борьбу с преступностью; они могут выводиться из этих актов и являются обязательными для всех участников, применяющих уголовную политику.

Поскольку основные принципы уголовной политики имеют обязательный характер, все решения, формируемые на теоретическом и концептуальном уровнях, должны соответствовать им. Это соответствие принципам уголовной политики, а также их ориентация на достижение стратегических и тактических целей в борьбе с преступностью на всех уровнях – от федерального до местного – является необходимым условием для приня-

тия решений представителями уголовной политики. Только в таком случае можно считать эти решения законными, целесообразными и обоснованными как с правовой, так и с социальной точки зрения. Напротив, любое отклонение от этих принципов или их нарушение ведет к тому, что соответствующее решение, независимо от его источника, признается недействительным. Поэтому разработчики уголовной политики, законодатели, правоприменители и граждане должны следовать этим принципам.

Таким образом, ключевые идеи уголовной политики, которые направлены на предотвращение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, служат основой для создания законодательных и подзаконных актов, а также для реализации деятельности государственных структур и должностных лиц в борьбе с преступностью. К таким идеям относятся принципы законности, справедливости, гуманизма, комплексного подхода, соответствия задач, полномочий и доступных ресурсов, превентивный подход в стратегических решениях и стремление к уменьшению уголовной репрессии. Эти принципы подвергаются тщательному изучению как советскими, так и современными российскими учеными, специализирующимися в сферах уголовного права и криминологии[43, 49, 83, 180].

Понимание и объяснение уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства невозможно без знания формирующих ее принципов, ибо принципы в концентрированном виде выражают саму политику. Значение принципов уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства состоит в том, что разработка государственной доктрины борьбы с данной преступностью, правотворческая и правоприменительная практика должны базироваться на определенных руководящих началах. Принципы уголовной политики активно влияют на все направления и уровни данной уго-

ловной политики, выступают регуляторами законодательной и правоприменительной практики.

Вопрос о принципах уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства является дискуссионным. При этом следует отметить, что они отличаются от принципов уголовно-правовой политики и принципов уголовного права. По этому поводу существуют противоположные точки зрения. К примеру, Н.А. Беляев категорически утверждает, что никаких различий между принципами советской уголовно-правовой политики и одноименными принципами уголовного права не существует [20, с.31].

Особое место в теории уголовного права занимает вопрос классификации принципов права. В юридической литературе правовые принципы делятся на две (общие и специальные), три (общие, межотраслевые и отраслевые) категории и более [215, с.55; 208, с.65-68; 123, с.120].

Однако существуют противоположные мнения. Так, С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев считают неэффективными усилия выделить отраслевые принципы, то есть уголовно-правовые принципы в «чистом виде» [93, с. 61-62].

В качестве исходной позиции при отборе уголовно-правовых принципов они предлагают считать главным не поиск и выделение принципов, свойственных только уголовному праву и не повторяющихся в других отраслях права, а определение таких принципов, которые отражают подлинную природу уголовного права, его задачи и функции [36, с. 58-59; 93, с.61-64].

И.А. Исмаилов пошел по пути, который рассматривает принципы уголовной политики как основные ориентиры для организации, функционирования и развития системы борьбы с преступностью, являясь концентрированным выражением ее сути. В связи с этим, он предлагает включить в число принципов уголовной политики такие социальные требования, которые определяют методы организации и работы как всей системы проти-

водействия преступности, так и ее различных подсистем (например, профилактическая или криминологическая политика, уголовно-правовая или уголовно-судебная политика, а также уголовно-исполнительная политика). Эти требования объединяют их в единую действующую структуру, интегрируют различные процессы, протекающие в этих подсистемах, в одно основное направление, способствующее эффективному воздействию на преступность в выгодном для общества русле. В результате выделяются следующие принципы уголовной политики: демократии, гуманизма, нравственности, законности и научности[86, с.142]

В этой связи диссертант отмечает, что стремление сократить количество основ уголовной политики, направленной на предотвращение преступлений против фундаментальных принципов конституционного порядка и государственной безопасности, до минимально возможного числа представляется оправданным, поскольку избыточность этих принципов может снизить их значительную роль.

Важно также отметить, что основная масса ключевых исследований по теме была создана в период с 1970 по 1990 годы. С тех пор в республике произошли кардинальные изменения в политической, экономической, социальной и правовой сферах, особенно существенные изменения произошли с момента обретения независимости и по настоящее время. Приняты новые Конституция, УК, УПК, а также целый ряд законов в сфере борьбы с преступностью и т.д. Поэтому требуются новые подходы к решению проблем, в том числе, и к определению и характеристике принципов исследуемой уголовной политики.

Отправным началом здесь, безусловно, является первая Конституция КР от 5 мая 1993 г. принятая на XII сессии Верховного Совета Республики Кыргызстан, данная концепция установила новый подход к отношениям между гражданином и властью. Это обусловило необходимость кардинального изменения сути и правового содержания политических прав и свобод граждан, а также роли государства в их защите и разработки новой

законодательной системы. В последующем она изменялась от президентской к парламентской, в нее вносились изменения вплоть до принятия новой Конституции от 5 мая 2021 г. [103]

Действующая Конституция Кыргызской Республики установила превосходство общечеловеческих ценностей, запретив любые ограничения на естественные права и свободы граждан. Кроме того, она задала курс на максимальную защиту личной безопасности. В Конституции зафиксированы деидеологизация и деполитизация системы органов уголовной юстиции страны. На уровне государства осознаны негативные последствия избыточных уголовно-правовых ограничений, и началась реализация идеи их разумной достаточности и эффективной реализации.

При этом следует констатировать, что этот процесс осуществляется не всегда последовательно и решительно, но в целом реформы в сфере правовой реформы идут планомерно и эффективно.

С учетом изложенного, к числу принципов уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, по мнению диссертанта, следует отнести: законность, равенство граждан перед законом, демократизм, справедливость, гуманизм, неотвратимость ответственности, научность.

Принцип законности. Обычно под ним понимают то, что преступное деяние, его признаки, наказуемость и иные последствия совершения преступления определяются только законом. Никто не может быть подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом. Учитывая эти обстоятельства, законодатель в новом УК КР, впервые, включая правовые принципы в виде отдельных статей кодекса, поставил на первое место принцип законности. Однако этим не исчерпывается значение и сущность принципа законности, поскольку закон является единственным исключением не только для уголовного права, уголовно-правовой политики, но и для уголовной политики (в широком смысле) и всей государственной власти в целом.

Значение принципа законности состоит еще и в том, что именно он реализует на деле верховенство права, верховенство закона по отношению к другим нормативно-правовым актам.

Принцип равенства граждан перед законом закреплен в ст. 4 УК КР [237] и устанавливает, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Этот принцип имеет важное политическое значение и образует фундамент правового статуса граждан в правовом государстве.

Принцип демократизма означает широкое участие общественности, граждан в реализации задач уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. В укреплении правовых основ государственной и общественной жизни необходимо как прямое участие граждан, так и расширение их воздействия на деятельность государственного аппарата, органов уголовной юстиции с помощью гласности, постоянного учета в ней общественного мнения, гражданского контроля.

Государство определяет основные направления борьбы с преступностью. При этом усилия государства могут увенчаться успехом только во взаимодействии с институтами гражданского общества, народа в целом и каждого гражданина в отдельности. Данное положение закреплено в ряде резолюций ООН. Так, в материалах специальной сессии IV Конгресса ООН по борьбе с преступностью и обращению с правонарушителями отмечается, что в разных странах использование институтов общественности в борьбе с преступностью различны. Эти различия обусловлены объективными политическими и социально-экономическими факторами, но суть закрепленной в резолюции позиции сводится к тому, что без поддержки общества успех в борьбе с преступностью невозможен.

Принцип справедливости также впервые закреплён в УК КР. Так, ст. 6 устанавливает, что есть наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление; они должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Принцип справедливости должен индивидуализировать ответственность и наказание. Применение к разным людям, совершившим одинаковые преступления, применение одинакового наказания было бы несправедливым, как и применение одинакового наказания к одинаково характеризующимся лицам, но совершившим разные по степени и характеру опасные преступления.

Принцип справедливости означает, что суд при назначении наказания должен руководствоваться не эмоциями, не чувством мести, а объективной оценкой как совершенного преступления, так и личности виновного [36, с.65].

Ю.Д. Блувштейн считал, что принцип справедливости должен соответствовать следующим условиям: 1) наказание должно максимально отражать серьезность совершенного преступления, а также учитывать общественную опасность лица, признанного виновным, информацию о которой закон определяет как обстоятельства, смягчающие или усугубляющие ответственность (индивидуализация ответственности); 2) назначаемое наказание за преступления разной тяжести и (или) с различным уровнем общественной опасности виновных должно различаться (дифференциация ответственности); 3) наказания, назначенные за преступления одинаковой тяжести лицам с примерно равным уровнем общественной опасности, должны совпадать (равенство ответственности)[36, с.65; 23, с.50].

Следует отметить, что указанные критерии практически не учитывались и не учитываются в правоприменительной практике. Более того,

включение этого принципа в УК КР является, по мнению диссертанта, непоследовательным решением законодателя.

Как этическая и моральная категория, принцип справедливости играет ключевую роль в формировании и осуществлении целей уголовной политики, поскольку правоприменительная практика всегда находится в центре внимания общества. Это особенно актуально в отношении известных дел, которые вызывают значительный общественный резонанс.

Принцип гуманизма также нашел свое законодательное закрепление в ст. 9 УК КР, которая гласит, что «Настоящий кодекс обеспечивает охрану личности, его жизни и здоровья, чести и достоинства, неприкосновенности и безопасности как наивысшие социальные ценности. Уголовное законодательство обеспечивает безопасность человека (ч.1), и что лицу, совершившему преступление, суд назначает наказание, необходимое и достаточное в целях его исправления, ресоциализации и предупреждения совершения новых преступлений, а также в целях восстановления социальной справедливости. Наказание и другие меры уголовно-правового воздействия не должны причинять физические страдания или унижать человеческое достоинство.

Гуманизм представляет собой нравственную категорию, которая отражает признание значимости человека как личности, уважение к его достоинству и стремление к улучшению его благополучия, принимая это за главную цель общественного развития. Принцип гуманизма исходит из основных положений конституционного строя КР, где утверждается приоритет личности. Поэтому этот принцип в уголовной политике воплощается главным образом через защиту человека, его прав и законных интересов, то есть его безопасности от преступных посягательств. [36, с.67; 119, с.50].

Рациональная основа гуманизма в уголовной политике проявляется в двух направлениях. С одной стороны, применяются строгие меры уголовной ответственности и наказания к опасным преступникам, а с другой -

более мягкие меры к тем, кто впервые совершает не столь серьезные преступления.

Принцип неотвратимости уголовной ответственности означает, что лицо, совершившее деяние, предусмотренное УК КР, подлежит наказанию и (или) другим мерам уголовно-правового воздействия. Освобождение от уголовной ответственности, наказания или его отбывания, а также замена наказания более мягким допускаются лишь в случаях, предусмотренных УК КР. Этот принцип конкретизирует более общие по содержанию принципы законности и равенства граждан перед законом. В указанном смысле принцип неотвратимости ответственности имеет предупредительное сдерживающее воздействие.

Воплощение принципа неизбежности наказания за совершённое преступление требует от органов уголовной юстиции эффективного раскрытия и расследования преступлений. Необходимо помнить, что отсутствие применения уголовного закона на практике объясняется тем, что законодатели, хотя и основывались на объективной потребности в борьбе с тем или иным антиобщественным явлением, не приняли во внимание нормы криминализации, разработанные в уголовно-правовой науке [36, с.67; 93, с.124-125]. Отсюда требовательность к законодателю за соблюдение этих правил в процессе его законотворческой деятельности.

Принцип научности уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства заключается в том, что при разработке стратегии и тактики борьбы с преступностью необходимо исходить не из надуманных схем и соображений, а из требований объективных закономерностей, фактического положения дел и реальных возможностей, обеспечивающих достижение наивысших результатов в борьбе с преступностью [86, с.151].

Важно подчеркнуть, что система уголовной юстиции может функционировать наиболее эффективно только при определённом уровне и состоянии преступности в республике. При определении того, какие дей-

ствия считать преступными и уголовно наказуемыми, законодатель опосредованно влияет на изменения уровня преступности. Когда без достаточной научной обоснованности криминализируют различные формы нежелательного поведения, во-первых, предыдущий принцип - неизбежность наказания - не может быть полностью реализован, а во-вторых, напрасно расходуются человеческие и материальные ресурсы, что в итоге снижает общую эффективность борьбы с преступностью.

Таким образом, уже на этапе законотворчества принцип научного обоснования играет ключевую роль в уголовной политике. На стадии правоприменения соблюдение этого принципа позволяет верно определить основные направления борьбы с преступностью, сделать точный прогноз развития ситуации, оптимизировать наличные средства, людские и материальные ресурсы и умело осуществлять руководство и управление процессами воздействия и контроля над преступностью. Реализация принципа научности, другими словами, позволяет правильно переводить цели уголовной политики, определяемые общественными закономерностями и социальной ситуацией, в юридически обоснованные и соответствующие действующему законодательству выводы и оценки, а затем принимать оптимальные правовые и управленческие решения.

В рамках уголовной политики, помимо упомянутых выше основополагающих принципов, существуют цели, подходы и задачи, касающиеся стратегии борьбы с преступностью. Уголовная политика и разрабатываемые на её основе стратегические инициативы направлены на максимальное сокращение уровня преступности, снижая его до такой меры, чтобы он не представлял угрозу для общественной и национальной безопасности. Основным стремлением реализации уголовной политики государства является уменьшение не только уровня преступности, но и факторов, способствующих её возникновению, а также условий, при которых она формируется.

Поддерживая мнение Я.Г. Стахова о том, что целью уголовной политики является «... обеспечение эффективной борьбы с преступностью с наименьшими социальными затратами и издержками» [218, с.7], диссертант в тоже время утверждает, что уголовный закон не может рассматриваться в качестве единственного и определяющего фактора в решении проблем борьбы с преступностью.

Стоит подчеркнуть, что многие представители отечественного правоприменения и политики убеждены, что преступность можно и следует полностью устранить, возлагая на уголовное законодательство чрезмерные ожидания относительно его способности эффективно предотвращать преступления. Эти советские подходы остаются укорененными в правосознании участников уголовной политики. Поэтому в законодательных документах, посвященных борьбе с преступностью, часто употребляются такие термины, как «борьба с преступностью», несмотря на то, что некоторые криминологи ставят под сомнение их уместность в современных условиях. Описывая концепцию «борьбы с преступностью», С.С. Босхолов пишет, что нацеленность на "борьбу" с преступностью воспринимается отрицательно еще и потому, что она изначально не предусматривает объективного, не говоря уже о критическом, анализа криминологической ситуации и работы органов уголовного правосудия. В ней заложена опасность возврата к прежним методам, которые могут привести к усилению уголовных репрессий в обществе [36, с.40].

Нельзя не согласиться с Д.А. Шестаковым, отметившим: «... от этого термина веет безнадежностью, ибо борьба связана со стремлением к победе, т.е. к уничтожению преступности, к «полной ее ликвидации», что является заведомо невыполнимым» [272, с.114].

Автор диссертации утверждает, что учитывая кризис в правоохранительной системе, возникший прежде всего из-за оттока квалифицированных работников и слабой материально-технической базы, органы уголовной юстиции способны справляться с задачей сокращения уровня пре-

ступности. Несмотря на это, по его мнению, термин «борьба с преступностью» также может находить свое применение в правоприменительной практике, представляя собой форму противодействия преступным деяниям, но в более наступательной и активной манере.

Цель снижения преступности должна реализовываться через повышение правосознания, улучшение материальных условий общества и решение различных социально-экономических проблем. Поэтому ключевым направлением уголовной политики в области предупреждения преступлений, угрожающих основам конституционного строя и государственной безопасности, является воздействие на обстоятельства и причины возникновения такой преступности. Это включает в себя профилактику и стремление к стабилизации, а также снижение уровня преступности для создания положительных тенденций.

Уголовная политика также включает в себя задачи нравственного воспитания общества, обеспечение полного раскрытия и расследования преступлений, а также оперативность и эффективность этих процессов.

С учетом указанных особенностей политики противодействия преступности, уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики предполагает деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также институтов гражданского общества, направленную по:

- определению базовых концепций политики, а также ее понятийного аппарата, принципов, приоритетных направлений, целей и задач;
- подготовке и утверждению законодательства, связанного с криминально-правовым комплексом;
- разработке и принятию нормативных правовых актов, регулирующих программы и меры борьбы с преступностью и ее отдельными проявлениями;

- осуществлению уголовной стратегии в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности страны через применение законов криминально-правового комплекса и нормативных актов по борьбе с преступностью;

- созданию и поддержке системы субъектов, занимающихся формированием и реализацией уголовной стратегии по предотвращению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства;

- установлению рамок компетенции этих субъектов в соответствующей сфере;

- обеспечению законности в борьбе с преступлениями;\n- развитию уголовно-политического общественного сознания, которое отвечает нуждам как общества, так и государства в борьбе с преступностью;\n- улучшению основ международного взаимодействия в части формирования и реализации уголовной стратегии.

Содержание политики, направленной на предотвращение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, включает в себя цели, задачи, основные принципы, концепции, инструменты и методы борьбы с преступностью, а также стратегию и тактику такого противодействия.

Актуальная уголовная политика в области предотвращения преступлений против основ конституционного устройства и государственной безопасности, представляя собой сложную систему, объективно и субъективно обусловленную деятельностью государства и гражданских институтов по борьбе с преступностью, должна базироваться на стратегии ее сокращения.

Таким образом, уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства является частью (структурный элемент) государственной правовой политики противодействия преступности, заключающаяся в определении

круга деяний, признающихся преступлениями, установлении их наказуемости и иных уголовно-правовых последствий, регулировании принципов, оснований и средств дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания, выражающаяся в нормах уголовного закона и других нормативных правовых актах, а также в практике их применения.

Содержание уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства составляет совокупность правотворческой (криминализация и пенализация деяний, дифференциация уголовной ответственности) и правоприменительной (индивидуализация уголовной ответственности и наказания) сфер ее реализации.

В вопросе соотношения уголовно-правовой, уголовной политики и уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства следует отметить, что борьба с преступностью невозможна без выработки и проведения государством особой политики с целью достижения максимальной эффективности этой борьбы. Такую политику, по мнению Н.Э. Мартыненко, принято называть уголовной политикой [139].

Вопросу выяснения содержания понятия «уголовная политика» посвящено множество исследований, которые в основном проводились во второй половине прошлого века. К ним следует отнести научные работы А.А. Герцензона, М.Д. Шаргородского, А.С. Шляпочникова, Б.С. Утевского, В.Ф. Абрамкина, Г.А. Аванесова, Н.А. Беляева, М.М. Бабаева, В.А. Владимирова, И.М. Гальперина, П.С. Дагеля, Н.И. Загородникова, А. И. Коробейникова, В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, Г.М. Миньковского, А.А. Тер-Акопова и др.

Большое внимание рассматриваемым вопросам уделяется и в настоящее время [5;9;36;80;131;146;181]. К примеру, в РФ актуальным является вопрос разработки, утверждения и реализации Основ государственной политики борьбы с преступностью [9, с.13].

Другие ученые отмечают, что само понятие уголовно-правовой политики и формы ее реализации трактуются по-разному; иногда – диаметрально противоположно [135, с.263].

В этой связи диссертант солидарен с мнением о том, что определить понятие уголовной или уголовно-правовой политики, не учитывая единое понимание содержания этих понятий, представляется весьма затруднительным.

Как известно, понятие и содержание термина «политика» лежит в философской плоскости. Слово «политика» (politika) в переводе с греческого – государственные и общественные дела. Аристотель определял политику как искусство управления государством. Демокрит считал такое искусство наивысшим из всех искусств. Политика выражает функции государства по руководству той или иной сферой общественной жизни. [52, с.21].

Что касается понятия уголовной политики, то лучшей признается политика социальная [134, с.76]

Справедливо утверждение, что уголовная политика как одно из направлений социальной политики, – это государственная политика в области борьбы с преступностью, которая определяет стратегию и тактику этой борьбы [9, с.13; 36, с.385]; это политика определения основных направлений стратегии и тактики борьбы с преступностью [43, с.4].

Вместе с тем было бы ошибочным полагать, что стратегия и тактика определяются исключительно нормами уголовного права. По этому поводу А.А. Герцензон писал: «Уголовная политика реализуется в процессе применения на практике как специальных мер (криминологических, уголовно-процессуальных, исправительно-трудовых, уголовно-правовых), так и мер чисто социального характера (экономических, идеологических, медицинских и т.д.)» [52, с.21-29].

В узком понимании уголовная политика должна определяться правовыми нормами и иметь определенные формы закрепления [130, с.103-

104]. В рамках уголовной политики различают уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную политику, политику в сфере профилактики преступности, уголовно-тактическую, уголовно-профилактическую, криминалистическую, пенитенциарную, оперативно-розыскную и др. [135, с.262-267;231, с.16;228; 258].

Уголовная политика рассматривается также как часть или направление государственной политики в области борьбы с преступностью, которая реализуется средствами и методами только уголовного права. При этом уголовная политика отождествляется с политикой уголовно-правовой: «Уголовная политика ничем не отличается от политики уголовно-правовой; уголовно-правовая политика не включает в себя политику уголовно-процессуальную или уголовно-исполнительную» [135, с.266].

Определение уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, по мнению диссертанта, должна рассматриваться в трёх уровнях:

1) как государственная политика борьбы с преступностью против основ конституционного строя и безопасности государства, определяемая и реализуемая как правовыми, так и внеправовыми средствами противодействия преступности;

2) как государственная политика борьбы с преступностью против основ конституционного строя и безопасности государства, определяемая и реализуемая на основании только норм права;

3) как государственная политика борьбы с преступностью против основ конституционного строя и безопасности государства, определяемая и реализуемая исключительно нормами уголовного права.

Представляется, что термины «уголовная политика» (поскольку в данной дефиниции содержится термин «политика», а политика определяется и реализуется государством, постольку это политика государственная) и «государственная политика в сфере борьбы с преступностью» или, «гос-

ударственная политика противодействия преступности» [135, с.267], по сути своей тождественны.

Диссертант особо отмечает мнение Г.М. Миньковского, полагавшего, что неважно, как называются направления деятельности государства и общества, которые касаются противодействия преступности – будь то уголовная политика или политика по борьбе с правонарушениями, – это является ключевым элементом внутренней политики, который гарантирует успешное выполнение экономической, идеологической и социальной стратегий. [147, с.66-83].

Справедливо суждение о том, что государственная стратегия по борьбе с преступностью включает в себя не только юридические, но и социальные, экономические и другие инструменты, направленные на предотвращение, реагирование и подавление преступной активности...[135, с.268].

Как уже отмечалось выше, уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства определяются не только нормами права. Это могут быть и ежегодные Послания Президента КР, результатом реализации которых является внесение соответствующих изменений в действующее уголовное или уголовно-процессуальное законодательство.

Кабинет министров КР принимает ряд постановлений, которые «дублируются» подзаконными актами различных министерств и ведомств. Как видно, стратегия противодействия преступности, заданная Президентом актом ненормативного характера (послания), в конечном счете, реализуется посредством актом нормативного характера. Таким образом, опровергается положение о том, что уголовная политика определяется только нормативными правовыми актами.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства реализуется не только путём внесения

изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство страны, но и с помощью иных мер социальной направленности.

Как уже отмечалось выше, уголовная политика рассматриваемых составов преступлений находит своё выражение через значительное количество нормативных актов, обладающих различной юридической силой и регулирующих различные отрасли права - уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное, налоговое, административное и др.

Кроме этого, уголовная политика реализуется не только посредством нормативных предписаний. Речь идет о соответствующей деятельности в сфере образования, патриотического воспитания в духе нетерпимости к преступности как антисоциальному явлению, деятельности политических партий и других общественных объединений.

Как справедливо отмечает Г.Ю. Лесников, правопорядок, борьба с преступностью, безопасность личности, в зависимости от их состояния, могут быть вопросами социальными (социальной политики) и могут быть вопросами внутригосударственной политики в целом, но во всех случаях они касаются всего общества и государства и требуют принятия специальных мер государственного и общественного характера, которые традиционно можно назвать уголовной политикой [129,с.25-29].

Таким образом, диссертант делает вывод о том, что уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства – это государственная политика противодействия данному виду преступности, заключающаяся как в нормативном, так и в ином определении мер, направленных на противодействие преступности, устранение её причин и последствий, как через соответствующую деятельность органов государственной власти (органов национальной безопасности и др. правоохранительных органов), так и через деятельность общественную.

Справедливо в связи с этим мнение о том, что уголовно-правовая политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства является частью уголовной политики, которая не выходит за пределы предмета и метода уголовного права [135, с.266]. Однако сам термин «уголовно-правовая политика» можно рассматривать и как уголовную политику в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, определяемую и реализуемую только через нормы уголовного права, или через нормы права вообще. В первом случае термин «уголовно-правовая политика» подразумевает принадлежность норм права этой политики исключительно к уголовному закону, а во втором случае уголовно-правовая политика – это уголовная политика, определяемая и реализуемая через нормы права вообще. При второй трактовке объём понятия уголовно-правовой политики значительно расширяется. В этом случае более корректно было бы говорить о политике уголовно-нормативной как государственной политике противодействия преступности в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства через правотворческую и правоприменительную деятельность, то есть политику, основанную как на отраслях законодательства, сущностью которых является кара или угроза её применения (уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную политики), так и иных отраслях.

Уголовно-нормативная политика – это составляющая уголовной политики государства, определяемая и реализуемая через нормы права; это часть уголовно-нормативной политики, определяемая и реализуемая исключительно нормами уголовного закона.

Таким образом, уголовно-правовая политика является частью политики уголовно-нормативной, которая в свою очередь является составляющей частью уголовной политики.

Анализ понятия, сути и принципов уголовной политики в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и государственной безопасности позволил сформулировать следующие выводы:

1) уголовная политика является многослойным и многосторонним понятием. В ней необходимо выделять пять уровней: первый - концептуальный, включающий теорию и доктрину уголовной политики; второй - законодательный; третий - нормативно-программный; четвертый - управленческий; пятый - правоприменительный;

2) содержание уголовной политики в области предотвращения преступлений против конституционных основ и безопасности государства состоит из совокупности актов правообразования (криминализации и пенализации действий, дифференциации уголовной ответственности) и правоприменения (индивидуализации уголовной ответственности и наказания);

3) значение принципов уголовной политики в сфере предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства заключается в том, что создание государственной доктрины борьбы с этими преступлениями, а также законодательная и правоприменительная практика должны основываться на определенных руководящих принципах. Принципы уголовной политики оказывают значительное влияние на все направления и уровни этой политики, действуя как регуляторы правотворческой и правоприменительной практики.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Уголовно-правовые науки в настоящее время, согласно номенклатуры научной специальности - 12.00.08, представлены теориями уголовного права, уголовно-исполнительным правом, криминологией и виктимологией. Нет ни одного исследования, которое может обойтись без использования определённых методов, как общих научных, так и специализированных для конкретных областей. В этом контексте важен вопрос, насколько осознанно учёные выбирают эти методы? Проблема заключается в том, что молодые ученые зачастую используют различные подходы, необходимые для достижения целей своих исследований, не полностью осмысливая их суть и возможности.

Справедливо отмечает А.Н. Панченко, что «методология любого исследования... зависит от предмета и объекта, а также от задач, которые формулирует перед собой исследователь»[180]. Следовательно, подход к методологии следует анализировать в контексте ее связи с объектом исследования. При этом «... нельзя отрицать существующую генетическую связь между науками уголовно-правового блока, проявляющуюся в рамках правоприменительной деятельности» [195,с.131-138].

Понятие «методология» образовано от понятия «метод» (греч. *methodos* — путь исследования или познания), который означает способ, прием исследования. Методология представляет собой набор способов и приемов наиболее эффективного изучения (познания) какого-либо предмета (явления, процесса), включая как общефилософские, так и общенаучные и частнонаучные методы познания [245].

Методы познания принято классифицировать на несколько групп:

а) философские методы (историзм, системный подход, диалектический метод и др.);

б) общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, классификация и др.);

в) специально-научные (формально-догматический (юридический), сравнительно-правовой, конкретно-социологический методы и др.).

Все методы, играющие разные роли в познавательном процессе, взаимодействуют и дополняют друг друга, становясь частью единой системы образующие методологию юридической науки. Научное познание, в «... отличие от обыденного познания, обладает рядом специфических черт, характеризующих уровни научного познания, критерии научности, стиль научного мышления, методы научного познания» [255].

Так, ссылаясь на М.П. Клейменова, диссертант отмечает, что основная идея методологии научного исследования заключается в совокупности теорий и конструкций, которые были проверены и верифицированы на протяжении определенного периода. Эти теории позволяют, используя разнообразные общие и специфические методы познания, получить новое знание об определенном объекте или предмете. Кроме того, они способствуют дополнению уже существующих знаний, а также помогают выявить системные характеристики, логичность, согласованность и эвристическую ценность информации[96].

В контексте диссертационного исследования актуальной проблемой является научное обоснование методологии всей совокупности уголовно-правовых наук, указанных в паспорте научной специальности 12.00.08. Это связано с тем, что в современных исследованиях и соответствующей научной литературе пока отсутствует четкое определение самого термина «методология уголовно-правовых наук», и он еще не вошел в научный оборот. В то же время, в каждой из отраслей уголовно-правовых наук разработаны обоснованные методы изучения их предмета, так же как и понятие методологии в каждой конкретной науке.

Так, методологию уголовного права в доктрине определяют как систему принципов и способов организации, построения и осуществления

теоретико-познавательной юридической деятельности в области исследования преступления и наказания.

Объектом исследования является уголовная политика КР в сфере обеспечения национальной безопасности и защиты основ конституционного строя.

Предмет исследования охватывает понятия, суть, принципы, а также объективные и субъективные факторы, влияющие на уголовную политику КР в контексте национальной безопасности. Включаются нормы как национального, так и зарубежного уголовного законодательства для обеспечения государственной безопасности, монографические работы отечественных ученых, статьи в юридических журналах, судебные решения и архивные документы.

Исследуются этапы становления и развития уголовной политики КР, текущая криминальная ситуация и состояние системы субъектов, занимающихся борьбой с преступностью в КР, а также насколько эффективно работают эти субъекты в реализации уголовной политики. Анализируется, как уголовная политика отражается в законодательных актах криминально-правового комплекса (включая уголовное законодательство), рассматриваются направления развития уголовно-политической доктрины КР и закономерности улучшения мер по борьбе с наиболее опасными преступлениями. Включен и международный аспект формирования и реализации уголовной политики Кыргызстана, особенно в сотрудничестве с российскими правоохранительными органами в борьбе с преступностью.

К сожалению, в ограниченных рамках данной работы не представилось возможным рассмотреть все нормы, обосновывающие ответственность за преступления, посягающие на конституционный строй и безопасность государства. Возможно, им будут посвящены наши дальнейшие исследования.

Непосредственно, в качестве методологической базы диссертации применены диалектические, системные и комплексные подходы. В ходе исследования использовались как общенаучные, так и узкоспециализированные, а также отдельные правовые методы. Были также задействованы методики экспертного анализа, для реализации которых привлекались юридические ученые и практики, чья деятельность связана с государственной безопасностью. Методика настоящего диссертационного исследования характеризуется также комплексным использованием следующих специальных конкретно-социологических методов:

- анализ понятийного аппарата и нормативных правовых актов и реализации уголовной политики;
- анализ отечественных и зарубежных научных источников, связанных с проблемами уголовной политики в целом, и уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и национальной безопасности КР, в частности;
- анализ материалов средств массовой информации, интернет-источников, связанных с проблемами уголовной политики;
- анализ уголовных дел;
- анкетный опрос общественного мнения через социальные сети и интернет (216 респондентов);
- анкетный опрос экспертов (сотрудники правоохранительных органов, судьи, адъюнкты, аспиранты, преподаватели юридических ВУЗов, (216 респондентов);
- анализ статистических данных.

По мнению российских ученых, прежде всего, следует обратить внимание на предмет исследования, от которого непосредственно зависит метод правового регулирования. Так, изучая работы И.И. Карпец, диссертант отмечает, что «методология уголовно-правовой науки» представляет собой многоаспектную и сложную систему, охватывающую несколько

ключевых направлений. В ее рамках рассматриваются вопросы структуры научного знания в области уголовного права и соответствующих теорий (конструкций); исследуются закономерности возникновения, функционирования и трансформации правовых теорий и доктрин в данной сфере; устанавливается понятийная основа уголовного права; анализируется структура и состав методов исследования, применяемых в уголовно-правовой практике; а также происходит изучение языка уголовного права и прочие важные аспекты[91].

В свою очередь, методологию уголовно-процессуальной науки Т.А. Лесниевски-Костарева определяет как «результат внутринаучной рефлексии, обращенной к организации собственной уголовно-процессуальной научно-исследовательской деятельности» [133].

Методологию науки криминалистики Е. В. Смахтин предлагает понимать «как учение о криминалистическом методе, то есть системе принципов и методов познания материальных и идеальных следов в механизме преступной и криминалистической деятельности, выделяя в ходе теоретических и практических исследований сведения, относящиеся к предмету криминалистики»[207].

В доктрине «под методом науки криминологии понимается совокупность приемов и средств, с помощью которых раскрываются закономерности, содержание и формы явлений, входящих в ее предмет» [23].

Нормативная основа настоящего исследования состоит из: Конституции КР; УК КР, Закона КР «Об органах национальной безопасности»; ранее действовавшего уголовного законодательства СССР, РСФСР, Киргизской ССР, КР (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК КССР 1960 г., УК КР 1997 г., УК КР 2017 г., УК КР 2021 г.); уголовного законодательства ряда зарубежных государств (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, Республики Польша, США, Турции, ФРГ, Франции, Швейцарии, Швеции).

В работе использованы статистические данные по делам о преступлениях, направленных против основ конституционного строя и безопасности КР, судебной практике, контент-анализе периодической печати. Кроме того, использовались результаты эмпирических исследований, проведенных другими авторами по данной проблеме.

В юридической науке проблемам уголовной политики традиционно уделялось значительное внимание (за исключением периода 40-50-х годов). К первопроходцам в этой области относятся выдающиеся ученые-юристы И.Я. Фойницкий, М.В. Духовской, Н.С. Таганцев, Н.Д. Сергеевский, М.П. Чубинский, К.С. Гогель, М.Н. Гернет, С.В. Познышев, Н.Н. Полянский, А.А. Пионтковский (отец), А.Я. Эстрин, Н.А. Неклюдов, А.А. Жижиленко, С.П. Мокринский. В период становления советской правоохранительной системы у истоков уголовной политики стояли М.Ю. Козловский, П.И. Стучка, Д.И. Курский, Н.В. Крыленко, К.Х. Данишевский, Е.Б. Пашуканис, Н.А. Скрыпник, А.А. Пионтковский (сын), А.Н. Трайнин и другие.

С конца 50-х годов XX века исследования уголовно-политических и криминологических проблем были возобновлены, что привело к появлению ряда фундаментальных трудов А.А. Герцензона, М.Д. Шаргородского, А.С. Шляпочникова. Их исследования продолжили Г.А. Аванесов, М.М. Бабаев, Н.А. Беляев, С.В. Бородин, С.С. Босхолов, С.Е. Вицин, Ю.А. Воронин, И.М. Гальперин, Л.Д. Гаухман, П.Ф. Гришанин, П.С. Дагель, А.И. Долгова, А.Э. Жалинский, Н.И. Загородников, И.А. Исмаилов, И.И. Карпец, С.Г. Келина, М.И. Ковалев, А.И. Коробеев, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.И. Курляндский, Н.А. Лопашенко, Ю.И. Ляпунов, С.Ф. Милюков, Г.М. Миньковский, П.Н. Панченко, Ю.Е. Пермяков, Э.Ф. Побегайло, В.П. Ревин, А.А. Тер-Акопов и другие.

Правовым проблемам обеспечения национальной безопасности, формированию политики СССР и в дальнейшем стран СНГ, в области борьбы с государственной преступностью посвящены труды Г.З. Анашки-

на, А.Е. Беляева, М.А. Вуса, Ю.Е. Булыгина, Ю.Б. Долгополова, СВ. Дьякова, А.А. Игнатьева, К.Х. Ипполитова, М.П. Карпушина, Ю.Я. Коршунова, А.В. Опалева, В.Н. Рябчука, В.А.Федорова и других.

В результате комплексного исследования преступности в 80-х гг. XX в. была создана теория советской уголовно-правовой политики, которая соответствовала существовавшему в то время законодательному и правоприменительному уровням государственной политики в сфере борьбы с преступностью.

Тем не менее, исследования, сосредоточенные исключительно на уголовной и уголовно-правовой политике или на мерах противодействия преступлениям, угрожающим конституционному строю и безопасности, обычно рассматривались лишь поверхностно. В основном они ограничивались анализом действующих уголовных норм. То же касается и КР, где работы по данной тематике практически отсутствуют, за исключением тех, которые частично охватывают отдельные аспекты этого сложного и важного вопроса.

Так, отдельные проблемы уголовной политики рассматривались в трудах отечественных ученых: К.М. Абдиевым, А. Н. Адиловым, П.Я. Арцыбашевым, Т.А. Асаналиевым, Т.А. Асановым, К. Бодобаевым, А.М. Джоробековой, Б.Б. Ишимовым, А.Ж. Каримбековым, В.А. Кигишьяном, С.К. Кожоналиевым, К.Ш. Курмановым, К. М. Осмоналиевым, Д.К. Сагынбаевым, М.К. Саяковой, Л.Ч. Сыдыковой, В.Ш. Табалдиевой, А.К. Шагивалиевым, А.Ш. Шаршеналиевым и др.

В последнее время вновь отмечается рост интереса отечественных ученых к исследованию проблем уголовной политики, где первым полномасштабным исследованием является докторская диссертация, профессора Осмоналиева К. М. на тему: «Уголовная политика современного Кыргызстана: становление и развитие» (2005 г.)

Но работ диссертационного и монографического уровня, касающихся вопросов теории и практики уголовной политики по обеспечению

безопасности государства, практически нет, что позволяет сделать вывод о том, что вопросы формирования уголовной политики КР по своей природе являются новыми для отечественной уголовно-правовой науки. Что касается исследования вопросов уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности, то они являются абсолютно не исследованными в теории отечественного уголовного права в целом, и правоприменительной практики КР, в частности.

Полагаем, что исследование теоретических основ формирования и осуществления уголовной политики КР в области предотвращения преступлений против конституционного строя и безопасности будет способствовать разработке и внедрению системы комплексной уголовно-правовой защиты граждан, общества и государства от как внешних, так и внутренних угроз. Эта система должна быть адекватна текущей политической ситуации. Кроме того, важно создание и усовершенствование механизма, который повысит эффективность данной системы, учитывая практику обеспечения национальной безопасности.

Эмпирическая база исследования определяет научную обоснованность и достоверность содержащихся в диссертации выводов, предложений, рекомендаций и включает фактический материал о преступлениях, предусмотренных гл. 41 УК КР, совершенных на территории КР в период с момента обретения ею независимости и по настоящее время. Диссертантом изучена судебная практика Верховного Суда КР (далее – ВС) и статистические данные, полученные из Главного управления информационных технологий МВД КР, Судебного департамента при ВС КР, материалы уголовных дел, находящихся в открытых источниках, личные наблюдения и практика диссертанта.

Теоретическая важность результатов данного диссертационного исследования состоит в создании теоретической и методологической базы для формирования уголовной политики КР в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности, что яв-

ляется вкладом в развитие теории уголовного права. В исследовании также выявлены актуальные для современного уголовного законодательства термины; предложены и обоснованы идеи по улучшению существующей правовой основы; обобщен и рассмотрен опыт законотворческой практики зарубежных стран в области обеспечения внутренней и внешней безопасности КР.

В продолжение исследования понятия методологии основ уголовно-правовых наук, необходимо отметить, что общенаучные методы, такие как диалектический метод, системный анализ и исторический подход, формируют фундамент для изучения и анализа сложных процессов и явлений в рамках уголовно-правовой сферы. Эти методы обеспечивают комплексный охват исследуемой проблемы, позволяя детально изучить закономерности и взаимодействия, которые лежат в основе правовой динамики. Несмотря на их универсальность, специфика уголовно-правовых наук требует адаптации данных методов с учетом особенностей правовой материи.

Переходя к частнонаучным методам, важно подчеркнуть, что их внедрение обычно связано с необходимостью более углубленного исследования специфических вопросов, возникающих в уголовно-правовой сфере. Например, криминалистические методы, методы сравнительного правоведения и эмпирические исследования предлагают более детализированный и точный анализ, что способствует лучшему пониманию и прогнозированию правовых явлений, а также раскрытию новых аспектов в науке. Использование частнонаучных методов позволяет учитывать индивидуальные характеристики исследуемых феноменов, их уникальность и неповторимость в контексте уголовного права.

На уровне отраслевых методологических подходов, которые можно также назвать специальными методами, происходит глубокая интеграция уголовно-правовых наук с другими смежными дисциплинами, такими как криминология, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право.

Методы этического анализа, правовой интерпретации и социально-правового моделирования расширяют горизонты понимания сущности и функционирования уголовно-правовых явлений и процессов. Они позволяют не только описывать и объяснять, но и предсказывать тенденции и возможные изменения правовых норм и институтов.

Таким образом, на основе обобщения различных методологических подходов и их соответствующего использования возможно формирование комплексного методологического фундамента уголовно-правовых наук, который способствует повышению качества научных исследований и выработке более эффективных правоприменительных решений. Дальнейшее развитие и интеграция этих методов будет способствовать углублению знаний о специфике уголовно-правовых процессов и явлений, а также расширению пределов их аналитического исследования.

I Общенаучные методы, применяемые в уголовно-правовых исследованиях: *диалектический* (философский) метод позволяет открыть уголовно-правовые явления во всеобщей связи и развитии, исследуя причинную связь между наступившими последствиями и общественно опасным деянием. Применение диалектического метода при изучении социальных явлений способствует изучению их развития во взаимосвязи и взаимозависимости в конкретно-исторических условиях.

Например, с использованием этого метода устанавливаются связь обстоятельств, способствующих совершению преступления, с предлагаемыми мерами по их устранению — налицо взаимообусловленность уголовно-правовых и криминологических данных с уголовно-процессуальными средствами воздействия на преступность.

Системный метод позволяет исследовать и изучать положения уголовного права во взаимодействии друг с другом, с положениями иных отраслей права и неотраслевых прикладных знаний, при этом учитывая их связь друг с другом и взаимное влияние. К примеру, признаки состава преступления необходимо (хотя бы предварительно) устанавливать для кри-

миналистического версионного анализа при обнаружении трупа, проверяя предположения об убийстве и самоубийстве.

Историко-правовой метод помогает в уголовно-правовых исследованиях, при сравнении предшествующих теоретических воззрений, социальных закономерностей и ранее действовавших нормативных положений в различные периоды. Этот метод позволяет оценить проблему с позиций ретроспективы, выяснить разрешение аналогичных конкретных вопросов в прошлом, спрогнозировать будущее противодействие преступности. Исторический метод применим при исследовании многих институтов и норм права. Он позволяет, в частности, выдвинуть гипотезу (нуждающуюся, разумеется, в тщательной статистической проверке) о том, что на смену периоду наращивания потенциала борьбы с экономической и коррупционной преступностью, сопровождавшийся расширением сферы уголовно-правовой охраны экономических отношений с середины 1990-х до 2010-х гг., приходит период активизации противодействия преступлениям против государственных интересов (от борьбы с внешним влиянием через нежелательные организации, до преследования за дискредитацию государственных субъектов) в наблюдаемое сейчас время.

Вовремя обрисованные перспективы позволят своевременно предложить необходимые инструменты противодействия преступности, например, с помощью моделирования. Оно заключается в исследовании различных систем, путем построения моделей этих систем, и включает исследование модели как системы элементов (статических или динамических), мысленное или материальное создание структуры (образца), воспроизводящей наиболее типичные стороны, связи, функции предмета исследования (оригинала). В частности, построение модели с условным названием «преступность, связанная с мобилизацией граждан», потребует решения комплекса межотраслевых задач: от ресурсного обеспечения преследования за преступления, связанные с военной службой (с распределением задач по их выявлению, раскрытию и расследованию), до принятия

решений, и, возможно, масштабных, связанных с нарушением правил несения военной службы.

II Частнонаучные методы, применяемые в уголовно-правовых исследованиях. Среди них выделяют два вида, которые являются собственно юридическими: сравнительно-правовой и юридический (догматический) метод.

Сравнительно-правовой (компаративистский) метод позволяет сопоставить институты и нормы различных этапов развития законодательства и отраслей права, а также сопоставить различные правовые системы государств. Этот метод применяется для сравнения отечественного уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иного законодательства, создающего правовые основы противодействия преступности, и соответствующего зарубежного законодательства с целью заимствования позитивного правового опыта.

Сравнительный метод применяется и при изучении криминогенных ситуаций и характере действий оперативных подразделений по их нейтрализации, а также при изучении личностных характеристик подозреваемых (проверяемых) лиц и конфиденциальных сотрудников, участвующих в оперативно-розыскной деятельности.

Юридический (догматический) метод предоставляет возможность исследовать положения уголовного права благодаря их толкованию, формулированию положений уголовного закона, а также позволяет выявить имеющиеся противоречия и пробелы в уголовно-правовом регулировании.

Этот метод применяется и в науке уголовного процесса, изучающий смысл и содержание уголовно-процессуального закона, раскрывающий его конкретные особенности для практического применения. Но этим применение формально-логического метода в науке уголовного процесса не ограничивается, т.к. он применяется при исследовании проблем правоприменения, доказывания, постановления приговора, проверки его законности и справедливости и т. д.

Социологический метод помогает рассмотреть вопросы уголовного права, учитывая при этом социальные явления, к примеру, при назначении наказания, декриминализации и криминализации преступления, его предупреждения.

В рамках социологических исследований преступности применяются разнообразные методы опроса, включая анкетирование, беседы и интервью с лицами, совершившими преступления, их родственниками и населением. Также используется экспертная оценка для получения мнений судей, сотрудников прокуратуры и правоохранительных органов о текущем состоянии преступности и мерах её противодействия. Дополнительно осуществляется анализ документов, таких как первичная и вторичная статистика, уголовные, учетно-профилактические дела и дела оперативного учёта. Важным аспектом является наблюдение за преступной средой и деятельностью органов уголовной юстиции в сфере борьбы с преступностью. [214, с. 112].

Конкретно-социологический метод позволяет изучить широкий комплекс социальных отношений в области применения уголовно-процессуального права, дает возможность при проведении научного исследования выйти за рамки априорных положений, находить конкретные пути совершенствования законодательства об уголовном судопроизводстве, улучшения практической деятельности судов и органов расследования. Итоги конкретно-социологических исследований оказывают существенное влияние на формирование политики, которая во многом предопределяет возможность социального планирования, прогнозирования, моделирования процессов развития.

Социальный эксперимент в праве качественно отличается от эксперимента в естественных науках, его применение в праве строго ограничено. Эксперименты в праве, в законотворчестве возможны только на основе нормативного решения.

Криминологические эксперименты не требуют нормативного разрешения, но возможны лишь в позитивном плане (например, при разработке организационных мер предупреждения преступлений, при совершенствовании форм и методов правового воспитания и т. д.), т. е. когда они, позволяя получить необходимую информацию, которую нельзя добыть другими способами, не создают криминогенных условий и ситуаций.

Как метод в уголовно-процессуальном праве - это научно поставленный опыт, с помощью которого определяются оптимальные формы организации уголовного судопроизводства, обусловленные потребностью общественного развития.

Возможности применения социального эксперимента в уголовно-процессуальном праве многообразны (например, при определении оптимального состава суда первой инстанции, соотношения численности профессиональных судей, присяжных заседателей, целесообразности и эффективности принятия и применения отдельных уголовно-процессуальных актов, изменяющих и дополняющих действующее законодательство) [185]

Этот метод получил широкое распространение при внедрении в практику передового опыта использования оперативно-розыскных сил и средств. Кроме того, он является основным методом при разработке новых и совершенствовании уже существующих в практике организационных тактических форм и приемов борьбы с преступностью.

Статистический метод применяется в криминологии для характеристики количественно-качественных показателей преступности (состояния, структуры, динамики, вреда). При этом «специфика статистических методов состоит в ограниченной возможности получения с их помощью информации о преступности, поскольку уголовная статистика оперирует только данными о зарегистрированной преступности, отраженной в документах первичного учета» [124]. Этот метод при исследовании проблем уголовно-процессуального права состоит в использовании приемов и методов науки статистики для выявления количественной стороны, а иногда

и сущности явлений. Например, на основе статистического метода достигается более глубокое изучение эффективности применения уголовно-процессуальных норм в следственной и судебной практике. Без применения статистики невозможна оценка результатов деятельности органов расследования и судов. Однако статистические данные, особенно при проведении научных исследований, сами по себе недостаточны для всесторонне обоснованных выводов, они нуждаются в подтверждении дополнительной информацией.

В теории оперативно-розыскной деятельности, например, статистические измерения, выборки, сравнения и обобщения систематически используются для выявления тенденций и закономерностей в развитии оперативной обстановки и своевременного реагирования соответствующих оперативных подразделений, а также для разработки криминологического прогноза на определенный период времени.

Наблюдение как общенаучный метод означает целенаправленное, планомерное и относительно длительное отслеживание и восприятие какого-либо процесса, явления, предмета по его основополагающим типичным признакам, который получил широкое распространение в уголовно-правовых науках.

Наблюдение в криминологии отличается от общесоциального лишь по содержанию. Это наблюдение за непосредственным исполнением норм права; за отношением населения к правоохранительным органам, к суду; за отношением государственных юридических учреждений к гражданам.

Наблюдение в уголовно-исполнительной науке это непосредственное изучение условий, в которых воспитывались конкретные правонарушители, или условий их содержания в следственных изоляторах и иных местах лишения свободы, существенно дополняет абстрактную статистическую картину конкретными сведениями об изучаемом явлении и используется при качественном анализе статистических данных.

С помощью наблюдения теория оперативно-розыскной деятельности получает научное объяснение и описание тех характерных признаков, которые определяют, например, уровень профессиональной готовности субъектов оперативно-розыскной деятельности к решению конкретных задач борьбы с преступностью, состояние оперативно-технических средств, оперативно-розыскных учетов и др.

Математический метод применяется при изучения преступности в криминологических исследованиях, однако широкого применения не получил. Практика показала, что его использование в отдельных исследованиях не дало каких-либо ощутимых результатов для развития криминологии и практики противодействия преступности. Исследователи объясняют это тем, что преступность как любое социальное явление не может быть описана и объяснена вне системы моральных оценок и ценностей [124].

В уголовно-правовых науках используются и иные частонаучные методы.

III. Отраслевые (специальные) методы, применяемые в уголовно-правовых исследованиях. Что же касается отраслевых (специальных) методов, то такие науки как криминология, виктимология, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности обеспечивают адаптацию всей системы философского и общенаучных методов к решению задач относительно предметного уровня.

Совокупность использования тех или иных методов в конкретной области знаний не редко получают специальные (отраслевые) названия, такие как криминалистический, криминологический, виктимологический метод и т. п. Однако, большинство исследователей либо их не раскрывают, либо ограничиваются общенаучными и частонаучными методами. Интеграция методологии, общенаучных и частонаучных методов познания, особенности их применения при исследовании конкретных уголовно-правовых проблем образуют методiku уголовно-правового исследования.

Ведущими задачами методологии уголовно-правовых наук должны являться:

1) выделение принципов, подходов и способов добывания знаний о предмете исследования в реальной действительности, а также методов их преобразования и интерпретации;

2) исследование оснований, структуры, способов построения и развития теории;

3) формирование представлений о последовательности движения в процессе решения исследовательских задач, обоснование программ, логики, методов исследования и оценки качества исследовательской деятельности;

4) выявление условий эффективного взаимодействия науки и практики, основных принципов и способов использования полученных знаний для совершенствования практики противодействия преступности в современных условиях [139]

Основой разработки методологии уголовно-правовых наук должна стать концепция философов (например: П. В. Алексеева, А. В. Панина, Э. Г. Юдина и др.), выделяющих в структуре методологического знания четыре уровня методологического анализа:

1) «философский уровень (высший уровень методологического анализа, состоящий из принципов познания и категориального строя науки в целом);

2) общенаучный уровень (общенаучные концепции, методы, принципы, воздействующие на все или большую часть научных дисциплин);

3) конкретно-научный уровень (совокупность методов, принципов исследования и процедур, применяемых в той или иной специальной научной дисциплине);

4) методико-технологический уровень (методика и техника научного исследования, т. е. набор процедур, обеспечивающих получение эмпи-

рического материала и его первичную обработку с целью включения в массив научного знания)» [8]

Все изложенное подтверждает целесообразность использования в настоящей работе четырех уровней анализа методологии уголовно-правовых наук: философского, общенаучного, конкретно-научного, методико-технологического. Представляется, что это позволит обосновать проблему формирования теоретико-методологического инструментария уголовно-правовых наук. Концептуализация современной методологии доказывает, что за ней закреплена функция определения стратегии научного познания.

В связи с этим важнейшей составляющей уголовно-правовых наук являются выявление и анализ соответствующих теоретико-методологических подходов.

ГЛАВА III. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОН- СТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ

3.1. Международно-правовые стандарты и сотрудничество в ре- ализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства

Принятая в 1948 г. Декларация прав человека и гражданина является одним из основных международно-правовых актов, положения которого являются основой для последующих международных договоров по правам человека. В ней закреплено всеобщее признание того, что основные права и свободы внутренне присущи всем людям, являются неотъемлемыми для каждого человека и в равной степени применимы к каждому и что каждый человек рождается свободным и равным в своем достоинстве и правах.

С годами это обязательство нашло свое закрепление в праве — как в договорах и нормах обычного международного права, так и в общих принципах, региональных соглашениях и внутреннем праве, в которых изложены и гарантируются права человека. Более того, Всеобщая декларация прав человека служит морально-нравственным компасом не только для международного сообщества, но и для отдельных индивидов, стремящихся к более справедливому миру. Она подчеркивает универсальность и неделимость прав человека, утверждая, что эти права одинаково применимы ко всем людям, независимо от расы, пола, национальной принадлежности, языка, религии или любого иного социального признака. Такие принципы, как свобода, равенство и достоинство, лежат в основе многих международно-правовых систем и регулируют повседневную жизнь миллиардов людей, напоминая о необходимости их защиты и продвижения.

На протяжении десятилетий после принятия Декларации страны и международные организации работали над созданием комплексных механизмов мониторинга и обеспечения соблюдения прав человека. Это привело к созданию таких институций, как Совет по правам человека ООН и различные региональные суды по правам человека. Эти структуры оказывают давление на правительства для приведения их национальных законов в соответствие с международными стандартами и играют ключевую роль в предоставлении жертвам нарушений прав человека возможности добиться справедливости.

Реализация положений Всеобщей декларации прав человека привела к принятию в 1976 г. Международного пакта о гражданских и политических правах, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. В данных пактах было продолжено развитие большинства прав, ранее обозначенных во Всеобщей декларации прав человека, и поэтому они, по существу, обрели обязательную юридическую силу для государств, которые их одобрили. В них утверждены естественные права: право на жизнь, равенство перед законом, свободу выражения мнений, право на труд, социальное обеспечение и получение образования. В совокупности с Всеобщей декларацией прав человека эти пакты образуют Международный билль о правах человека.

Со временем международные договоры по правам человека стали более целенаправленными и специализированными, с точки зрения как затрагиваемых в них проблем, так и тех социальных групп, которые нуждаются в защите на основе их положений. Количество международных актов, касающихся прав человека, продолжает увеличиваться и становится более совершенными, развивая и расширяя основные права и свободы, заложенные в Международном билле о правах человека, и затрагиваются такие аспекты, как расовая дискриминация, пытки и насильственные исчезновения, а также права инвалидов, женщин, детей, мигрантов, меньшинств и корен-

ных народов.

Как уже отмечалось ранее, уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства является важнейшей составной частью как внутренней, так и внешней политики государства в сфере противодействия преступности. Значимость этой сферы в Кыргызстане резко увеличилась за последние годы, начиная с обретения страной независимости и вступления в мировое сообщество. В процессе интеграции, помимо явных преимуществ, республика сталкивается с новыми нетрадиционными угрозами безопасности развития, такими как борьба с транснациональной преступностью: прежде всего, наркоторговлей, международным терроризмом, экстремизмом и другими проявлениями преступности, перешагивающей границы. Также важно сотрудничество в борьбе с иными видами преступности, а также правовая помощь по уголовным делам.

Исследование вопросов уголовной политики имеет важное значение и с точки зрения внешней политики. Уголовная политика, которая нацелена на организацию борьбы с международным терроризмом, экстремизмом и иными преступлениями глобального уровня, дестабилизирующими международные отношения, обязана содействовать реализации международных правовых стандартов и, на их основе, укреплять международное сотрудничество в вопросах противодействия современным формам преступности.

В широком смысле международное сотрудничество в области борьбы с преступностью представляет собой сложную сеть связей, которая объединяет координированную внешнюю политику, законодательные меры, правоприменительные и административные инициативы, а также информационную и научно-исследовательскую деятельность государств, их учреждений и официальных представителей, наряду с международными организациями, с целью предотвращения преступлений, реагирования на них и работы с правонарушителями.

Суть уголовной политики проявляется в международном взаимодействии организаций стран (таких как ШОС, СНГ и других) по предотвращению преступных действий, их пресечению и с правонарушителями в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства [240, с.229].

Основная задача международного сотрудничества в данной сфере состоит в создании препятствий и угроз для транснациональных криминальных сетей, независимо от их местоположения и целей незаконной деятельности. Понимая, что преступность можно побороть лишь через совместные усилия всех заинтересованных государств, Кыргызская Республика активно стремится укреплять международное партнёрство в этой области. Это стало возможным благодаря её участию во многих международных соглашениях и договорах на разных уровнях. Например, Кыргызстан одним из первых подписал и ратифицировал Конвенцию ООН против транснациональной преступности (2000 г.), все антитеррористические конвенции ООН и присоединился к Конвенции ООН против коррупции (2003 г.). Республика также активно участвует в международной системе антикриминального взаимодействия в рамках СНГ. В частности, страна ратифицировала множество соглашений по борьбе с терроризмом, организованной преступностью и наркобизнесом, а также Минскую и Кишиневскую конвенции о правовой помощи в уголовных и гражданских делах. Международное сообщество работает совместно в формате многостороннего или двустороннего сотрудничества, которое может быть универсальным или региональным в зависимости от масштаба.

Международное сотрудничество включает взаимодействие в рамках ООН, где обсуждаются ключевые вопросы мирового сообщества, особенно касающиеся мира и международной безопасности. Проблемы терроризма, экстремизма и транснациональной преступности давно вызывают тревогу у мирового сообщества и являются объектом совместной работы.

Опыт взаимодействия с указанными международными организациями, накопленный за последние десять лет, демонстрирует, что их инициативы зачастую сталкиваются с проблемами дублирования и параллелизма. Необходимо активно внедрять подход интеграции и взаимодополняемости в проектах, осуществляемых правительствами Центральной Азии для укрепления их внутренней и внешней безопасности.

Одно из ключевых направлений – это нарастающая необходимость в расширении сотрудничества для улучшения контроля на границах всего региона, усиления возможностей правоохранительных органов и таможен для борьбы с международным терроризмом, экстремизмом и организованной преступностью. Это позволит более эффективно использовать финансовые ресурсы, предоставляемые международными организациями, и одновременно решать важные стратегические задачи перед странами Центральной Азии.

Таким образом, международные организации часто выступают катализатором для укрепления сотрудничества в борьбе с преступностью в Центральной Азии, и их значение в противостоянии транснациональной преступности невозможно переоценить. Они вносят значительный вклад в разработку и реализацию уголовной политики, задавая её методологическое и техническое направление.

Активное участие Кыргызстана в сотрудничестве с этими международными структурами свидетельствует о ее решимости объединять усилия в борьбе с угрозами терроризма и экстремизма, таким образом укрепляя стабильность, безопасность и снижая негативное влияние преступности.

Диссертант, опираясь на длительный опыт работы в спецслужбах, подчеркивает, что взаимное сотрудничество государств в области международного правоохранения и усиление противодействия преступности становятся не только стойкой международной практикой, но

и объективной необходимостью. Это обусловлено, с одной стороны, процессами интеграции в экономике, науке, политике и культуре. С другой стороны, противоречия между транснациональными корпорациями и государствами, стремление определённых сил подчинить другие страны и максимизировать прибыль неизбежно ведет к незаконным и криминальным методам. На международной арене таких случаев становится больше; многие криминальные группировки маскируются под легальные международные экономические структуры.

Рост международной организованной преступности и объединение преступных сетей превращаются в устойчивую криминальную традицию, противопоставленную тенденции международного сотрудничества в борьбе с преступностью на основе правовых стандартов. Сотрудничество государств, общественности и граждан в борьбе с преступностью не только становится значимым, но и объективно необходимым. Определённые факторы, которые обуславливают такую потребность, связаны с разными уровнями и системными процессами, происходящими в современных международных отношениях. Эти факторы представляют собой систему причин, порождающих преступность как глобальное явление, и борьба с ней является реакцией международного сообщества на этот социально значимый вызов.

Эта система включает:

- кардинальное изменение всей системы международных отношений, переход от многополярного к однополярному миру;
- существенные изменения международного положения КР и стран СНГ, ее и их внешней политики, отношений с другими странами;
- внутренние социальные противоречия, в том числе между государственными структурами и институтами, и значительной частью общества (населением);
- внутренняя социальная политика многих стран, в том числе и КР: отсутствие стабильного повышения уровня жизни граждан; рост пре-

ступности; противоречия в международно-правовых отношениях; проблемы в финансировании деятельности международных организаций, НПО и т.д.;

- значительные изменения социальной сущности, целевого предназначения, функций и содержания разных отраслей права и их институтов, в том числе норм и институтов международного права;

- малозначительность или отсутствие многоуровневой, эффективной и доступной большинству населения системы реализации конституционных прав и свобод;

- четкого механизма реализации прав, гарантированных основным законом государства (конституцией);

- достаточных экономических и социальных условий, материальной базы функционирования системы такой реализации;

- взаимодействия государственных (правоохранительных) органов, осуществляющих борьбу с международной преступностью;

- слабая социальная активность населения в формировании, становлении правового государства и управлении его делами, в борьбе с преступностью;

- разобщенность в деятельности органов и организаций, общественных объединений и граждан, занимающихся укреплением законности, борьбой с преступностью, выявлением, предупреждением и устранением причин и условий порождающих преступность;

- низкий уровень правовой культуры и правосознания как у отдельных представителей органов власти и управления, так и самих граждан;

- ограниченность теоретико-методологического и концептуального, то есть мировоззренческого, идеологического и научного обоснования сущности, содержания, особенностей механизма уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного

строю и безопасности государства как в национально- государственных, так и международных границах;

– глобальные масштабы, высокий уровень, резкая динамика, иерархическая структура и глобальные, порой необратимые социальные последствия международной, прежде всего, организованной преступности.

Грандиозные социальные изменения второй половины XX в. связаны в социальной эволюции человечества с началом перехода от эпохи отдельных обществ к эпохе «сверхобщества», которое становится все более важным объектом философских исследований [72, с. 3-6].

Проблемы мирового развития, зависящие от взаимосвязи народов и государств, от глобализации мировых геополитических, научно-технических, военных, экологических, демографических и межличностных отношений (на уровне государственного руководства), получают определяющее значение. Эти проблемы не могут быть решены человечеством без совместных интеллектуальных усилий международных организаций и использования интегрированных материальных средств человечества [72, с.3].

Развитие современных общественных отношений происходит в непростых условиях, что значительно затрудняет процесс глобализации международных связей и объединение людей с целью создания гуманизированных контактов и принципов. Это ярко проявилось после распада СССР, который привёл к формированию мирового хозяйства по законам империализма в более жёсткой среде, объективно разделяя общество на так называемый «золотой миллиард» и остальную часть планеты, создавая мировое правительство и новый мировой порядок.

Углубились социальные противоречия между противоположными полюсами: техногенная цивилизация способствует обострению глобальных проблем современности, а американский «глобализм» актуализирует явления, которые по драматичности могут превзойти трагедии XX века, включая две мировые войны. В условиях острого неравенства сил и воз-

возможностей, как реакция на дистанционные методы ведения войны, в социальную борьбу вовлекаются различные формы терроризма с его изолированными методами и средствами.

Диссертант считает, что современные процессы глобализации, прикрываясь объединением человечества в нечто целое, фактически являются очередной попыткой США утвердить своё международное господство, что можно рассматривать как процесс американизации мира. Задумка на осуществление этого проекта возникла после Второй мировой войны, в период создания НАТО для разрушения СССР и поэтапного подключения к глобализационным процессам всех остальных стран. Для достижения этих целей под руководством США была проведена интеграция западных государств в единое целое (военное, политическое, экономическое, идеологическое) «сверхобщество» для установления нового мирового порядка с разнообразными учреждениями, общими политическими структурами, мощными вооружёнными силами, секретными ведомствами, мировыми средствами массовой информации и многочисленной сетью международных неправительственных организаций, которые могут распоряжаться ресурсами западных стран и позже руководить всем миром. С разрушением СССР в мире исчезло реальное противодействие гегемонии США, выраженной в проявлениях диктаторской силы, свержении непокорных режимов и навязывании странам политических стратегий, выгодных Америке. Однако концепция возможной «универсальной цивилизации» на базе американской модели противоречит интересам и позициям большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки, основанных на иных культурных ценностях. [72, с.7].

Внешние и внутренние факторы общественного развития, вместе с его противоречиями, непосредственно влияют на формирование и развитие международной преступности, её взаимосвязи и закономерности, а также на необходимость международного сотрудничества в борьбе с ней. В этом контексте они служат:

- главным внутренним источником, то есть началом зарождения и развития, а также количественными и качественными характеристиками преступности и борьбы с ней, и обуславливают надобность международного взаимодействия по противодействию международной преступности;

- объективным мотивом и движущей силой этой борьбы;

- основным показателем возможностей, реальной осуществимости и критерием результативности противодействия преступности на международном уровне;

- одним из ключевых направлений развития и строительства международных взаимоотношений, а также укрепления добрососедских связей между странами;

- способом формирования и развития истинных демократических устоев и принципов в международной сфере.

Эти тезисы подкрепляют международно-правовые акты, подтверждающие значительное влияние внешних и внутренних факторов общественного развития на структуры и динамику международной преступности, а также необходимость объединённых усилий в борьбе с ней.

К основным документам, определяющим направления международного сотрудничества в этой области, относятся:

1) международные конвенции, такие как: о противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму (Шанхайская Конвенция 2001 г.); о криминальной ответственности за коррупцию (Конвенция Совета Европы 1999 г.); о противодействии захвату заложников (Конвенция ООН 1979 г.); о борьбе против незаконной торговли наркотиками и психотропными веществами (Конвенция ООН 1988 г.); об отмывании денег, выявлении и конфискации доходов преступного происхождения (Конвенция ООН 1990 г.); о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Европейская конвенция 1959 г.); о выдаче (Европейская Конвенция 1957 г.); против пыток и унижающего достоинство обращения (Конвенция ООН 1984 г.).

2) международные многосторонние и двусторонние соглашения стран СНГ по борьбе с преступностью, к примеру, Соглашение СНГ 1998 г.;

3) протоколы и дополнительные протоколы к международным конвенциям и соглашениям, включая Дополнительный Протокол к Европейской Конвенции о взаимной правовой помощи 1978 г. и Дополнительный Протокол к Европейской Конвенции о выдаче 1975 г.;

4) декларации по предотвращению ядерной катастрофы (Декларация ООН 1981 г.). [70, с.588];

5) решения о координированных действиях в борьбе с преступностью на заданный временной отрезок: о межгосударственном плане совместных действий по противодействию преступности на период с 2000 по 2003 годы: постановление Совета глав государств СНГ от 25.01.2000 года;

б) рекомендации по вопросам международного сотрудничества: Рекомендации относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития 1990 г.

Кыргызстан подписал множество международных соглашений различного уровня, которые касаются различных аспектов борьбы с преступностью и обеспечения безопасности. Это включают в себя как многосторонние соглашения (например, в рамках ООН, ОБСЕ, СНГ и других организаций), так и двусторонние, межгосударственные, межправительственные и межведомственные соглашения, затрагивающие органы национальной безопасности (ГКНБ КР), прокуратуру, внутренние дела, таможенные и судебные органы и другие ведомства.

Основными чертами международно-правовых документов по сотрудничеству в борьбе с преступностью являются:

1) взаимное многостороннее или двустороннее признание важности борьбы с преступностью;

2) явное намерение участников соглашений активно сотрудничать, с одной стороны, предлагая и применяя необходимые усилия, меры и средства, с другой стороны;

3) стремление достигнуть максимального согласования интересов участников без акцентирования противоречий между ними;

4) фокусировка в документах на актуальности и общественной угрозе международной преступности, её глобальных антисоциальных последствиях, а также на точках соприкосновения и совпадения интересов и действий всех участвующих сторон;

5) стремление по возможности концентрироваться на социально самых опасных для международного сообщества и заинтересованных сторон видах преступности и разработка приемлемого для всех сторон правового механизма взаимодействия;

6) отсутствие указаний на социальную (экономическую, политическую, идеологическую и др.) природу и направленность объекта, то есть конкретных опасных действий;

7) зависимость характера, объема и содержания мероприятий по борьбе с преступностью от собственно характера, степени общественной опасности и социальной направленности конкретных преступных деяний;

8) ограниченность юрисдикции и юридической силы указанных международных актов, а также отсутствие упоминаний возможной ответственности сторон за невыполнение заключённых соглашений.

Таким образом, между Кыргызстаном и другими государствами подписан ряд международных договоров и соглашений в области уголовного права. Это, например, Соглашение о правовой помощи по гражданским, коммерческим и уголовным делам между Кыргызстаном и Турцией (2006 г.); Договор с Республикой Корея о правовой помощи по уголовным делам (2018 г.); Соглашение с Индией по оказанию правовой помощи по уголовным делам (1999 г.); Договор бывшего СССР с Чехией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным

делам (1982 г.) (действует для Кыргызской Республики согласно указу Президента от 21.07.1999 г.); Договор с Латвией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (1997 г.); Соглашение с Китаем о правовой помощи в гражданских и уголовных делах (1996 г.); Договор с Ираном о правовой помощи в гражданских и уголовных делах (2003 г.).

Согласно международным соглашениям, под правовой помощью по уголовным делам понимается любая помощь, оказываемая Сторонами в связи с предупреждением, пресечением, расследованием преступлений и уголовным преследованием, а также с производством имеющим отношение к таким уголовным делам. Она оказывается в соответствии с положениями Договора, если деяние, в связи с которым поступил запрос, является преступлением по законодательству обеих сторон. Запрашиваемая сторона может по своему усмотрению оказать правовую помощь и в случае, если деяние, в связи с которым поступил запрос, не является преступлением по её законодательству. Договор направлен «исключительно на достижение целей сотрудничества и взаимной помощи сторон». Положения Договора не ведут к возникновению у каких-либо иных лиц права получать доказательства, добиваться исключения тех или иных доказательств либо препятствовать исполнению запроса. Используемый термин «лица» означает как физических, так и юридических лиц».

Договор определяет объем правовой помощи, которая включает: получение показаний и заявлений; предоставление документов, материалов и иных предметов, вручение документов; установление местонахождения и идентификация лиц и предметов; исполнение запросов о проведении обысков и выемок; передачу лиц, содержащихся под стражей, для дачи показаний или для других целей, предусмотренных Договором; установление местонахождения и арест имущества с целью его конфискации, возмещения ущерба и взимания штрафов; любую иную правовую помощь, незапрещенную законами запрашиваемой стороны».

Договор регулирует все необходимые вопросы взаимной правовой помощи по уголовным делам: учреждение центрального органа и порядок сношений; форму и содержание запроса о правовой помощи; язык и исполнение запроса; ограничение на использование результатов исполнения запросов; получение показаний на территории запрашиваемой Стороны или в запрашивающей Стороне; передачу лиц, содержащихся под стражей, предоставление официальных материалов; установление местонахождения и идентификация лиц и предметов, обыск и выемку; передачу документов, записей и других предметов, а также имущества, приобретенного преступным путем, орудий совершения преступления; консультации и иные вопросы сотрудничества.

В заключительной статье Договора определяются юридическая сила, вступление в силу и прекращение действия договора. В Договоре делается оговорка о том, что любая из сторон может прекратить действие Договора путем направления другой Стороне по дипломатическим каналам о своем намерении прекратить его действие. Договор прекращает действие по истечении 6 месяцев с даты получения уведомления.

Экстремизм. В XX в. мировое сообщество столкнулось с серьезными вызовами и угрозами, связанными с общемировой глобализацией и неконтролируемыми миграционными явлениями, широким распространением радикальных идеологических взглядов, которые оказали серьезное влияние на межэтнические и межконфессиональные отношения, которые переросли в конфликты транснационального характера.

В связи с этим, экстремизм как социально-правовое и уголовно-правовое явление становится очевидной проблемой не только для Кыргызстана, но и для всего мирового сообщества.

Общеизвестно, что нормы международного права направлены на борьбу с преступлениями, мотивированными расовой, национальной, религиозной и иной ненавистью, а вопросы предупреждения преступлений экстремистской направленности всецело связаны с обеспечением равен-

ства всех членов общества и ликвидации любых форм дискриминации.

Так, согласно Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г. и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 г. определены конкретные меры и пути решения вопросов по минимизации экстремистских проявлений. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г. прямо обязывает все государства принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии или убеждений, в признании, осуществлении и реализации прав человека и основных свобод во всех областях жизнедеятельности - гражданской, экономической, политической, социальной и культурной и др. [68].

Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 г. отмечает, что государства-участники обязаны объявить караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, а также предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование (ст. 4) [144].

Анализ указанных документов позволил автору сделать вывод о том, что они не содержат четкого определения понятия «экстремизм».

Такое определение было сформулировано на заседании Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) в 2003 г.: «Форма политической деятельности, явно или исподволь отрицающая принципы парламентской демократии и основанная на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма» [164]

По замечанию диссертанта, данное определение экстремизма скорее носит политический характер; в нем не указаны конкретные признаки

преступного деяния.

Определение экстремизма дано также в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.): «Экстремизм - какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» (п. 3 ч. 1 ст. 1) [268].

Данная формулировка, по мнению диссертанта, является более полной, поскольку содержит перечень преступлений, которые, в основном, сводятся к деяниям, посягающим на различные виды объектов, а именно: насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также насильственное изменение конституционного строя государства. Вместе с тем, в рассматриваемой формулировке экстремизма все еще отсутствуют его мотивационные и сущностные критерии в полном объеме.

За последние десять лет было накоплено достаточно опыта совместной работы с указанными международными организациями, который показывает, что их мероприятия часто сталкиваются с параллелизмом или повторением. Необходимо активное внедрение принципа интеграции и взаимодополнения проектов, осуществляемых государственными структурами стран Центральной Азии, направленных на достижение общих целей, а именно — улучшение внутренней и внешней безопасности этих стран.

Немаловажным будет отметить, что после распада СССР и образования СНГ для координации взаимодействия специальных служб и правоохранительных органов государств-участников СНГ, принятия совместных мер по обеспечению интересов национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан, борьбы с терроризмом, контрабандой, коррупцией и орга-

низованной преступностью межгосударственного характера в 1992 г. было создано Совещание руководителей органов безопасности и специальных служб государств-участников СНГ, преобразованное в 1996 г. в Совет руководителей органов национальной безопасности и специальных служб-участников СНГ. В этот совет вошли руководители органов национальной безопасности Азербайджана, Армении, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, и т.д. В роли наблюдателей в него вошли руководители органов национальной безопасности Туркменистана и Узбекистана.

В целях координации деятельности специальных служб правоохранительных органов государств-участников СНГ по линии внешней разведки в 2000 г. было создано Совещание руководителей органов национальной безопасности и разведывательных служб стран Содружества.

В 2004 г. в целях содействия координации и взаимодействию компетентных органов государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом была учреждена Региональная антитеррористическая структура с базой в г. Ташкент (Исполнительный комитет РАТС), которая является постоянно действующим органом Шанхайской организации сотрудничества.

Все эти усилия были необходимы для того, чтобы официальные уполномоченные органы национальной безопасности стран-участниц СНГ могли обмениваться информацией по вопросам оперативно-служебной деятельности, взаимодействовать с друг другом как на территории государств СНГ, так и в государствах дальнего зарубежья, содействие и помощь в организации семинаров, обоюдных запросов о правовой помощи, встречи и делегации. Кроме того, через официальных представителей до руководства специальных служб и правоохранительных органов взаимодействующих стран доводится политическая, экономическая и другая информация, которая способствует развитию

сотрудничества между государствами в сфере борьбы с терроризмом и иными проявлениями организованной преступности.

Органы, осуществляющие борьбу с терроризмом, через Национальное центральное бюро Интерпола (НЦБ) в КР взаимодействуют с Международной организацией криминальной полиции (Интерпол), что дает возможность информационного обмена с правоохранительными органами других государств-членов Интерпола из 184 стран [186]

Как видно, именно усилиями государств-участников СНГ создана и функционирует комплексная правовая и организационная система противодействия организованной преступности, терроризму и иным проявлениям экстремизма, незаконному обороту наркотических средств, незаконной миграции, торговле людьми и другим преступлениям, посягающим на национальную безопасность государства.

Среди международно-правовых документов особое внимание следует уделить Договору о коллективной безопасности (ОДКБ), заключенному между Россией, Кыргызстаном, Казахстаном, Арменией, Таджикистаном и Узбекистаном 15 мая 1992 г. Стороны Договора обязались не применять силу или угрозу её использования в межгосударственных отношениях. Все споры и конфликты между ними и другими государствами должны разрешаться посредством мирных переговоров. В случае акта агрессии против одной из сторон, они обязуются предоставить необходимую помощь (ст.ст. 4, 51). В 1999 г. был подписан Протокол о продлении Соглашения, который сформировал новый перечень стран-участниц и ввел автоматический механизм продления на пятилетний срок (Азербайджан, Грузия и Узбекистан вышли из состава участников Соглашения). До 2002 года Соглашение считалось региональным пактом, сыгравшим значительную роль в укреплении сотрудничества и взаимопонимания в военнополитической среде. В мае 2002 года Советом коллективной безопасности было принято Постановление о придании ему статуса международной региональной организации. В октябре 2002 года на саммите СНГ в Кишиневе

президенты Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана одобрили Устав ОДКБ, который был зарегистрирован в Секретариате ООН в декабре 2003 года, а в 2004 году Организация получила статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН[88].

В свете известных событий, произошедших в Казахстане в январе 2022 года, которые представляли угрозу национальной безопасности и суверенитету страны, Совет коллективной безопасности ОДКБ решил организовать миротворческую операцию в соответствии со статьёй 4 Договора о коллективной безопасности. Операция, охватывающая период с 6 по 19 января, завершилась успешно после стабилизации ситуации.

На уровне региона продолжается расширение взаимодействия с АТЦ СНГ и РАТС ШОС в рамках, где действует постоянная экспертная группа. Таким образом, международные организации часто выступают катализаторами сотрудничества в противодействии преступности в Центральной Азии, а их вклад в реализацию политики борьбы с трансграничной преступностью в регионе трудно переоценить. Акции, проводимые этими организациями, положительно влияют на разработку и реализацию уголовной политики, а также её методологическое и техническое снабжение.

Активное партнерство Кыргызстана с вышеупомянутыми международными организациями подчеркивает их решимость совместными усилиями противостоять наркоторговле, терроризму и экстремизму, укрепляя стабильность и безопасность, а также уменьшая отрицательные последствия преступности.

Предложения по совершенствованию мер сотрудничества рассматриваются в следующем параграфе.

Таким образом, в соответствии с международно-правовыми актами законодательство КР содержит нормы, запрещающие любые формы дискриминации и экстремизма.

Анализ международно-правовых актов в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства позволил сформулировать следующие выводы:

1) исследование проблем уголовной политики имеет важное внешне-политическое значение. Настраивая и упорядочивая противодействие международному терроризму, экстремизму и иным преступлениям глобального характера, нарушающим стабильность взаимоотношений между странами, уголовная политика в области предотвращения нарушений основ конституционного строя и государственной безопасности должна поддерживать реализацию международно-правовых норм и на их основе усилить сотрудничество между государствами в борьбе с преступностью, которая в современных условиях приобретает всеобщую значимость.;

2) суть взаимодействия между странами (например, в рамках ШОС, СНГ и других организаций) в виде усилий по предупреждению преступности, противодействию ей и работе с правонарушителями демонстрирует основные направления уголовной стратегии в области профилактики преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, это целеустремленная активная деятельность государства, направленная на защиту общества от преступных деяний, разработку и реализацию целей и задач, а также определение средств, форм и методов работы государственных органов, в частности правоохранительных структур;

3) сотрудничество государств в международной правоохранительной деятельности и укреплении международного сотрудничества в борьбе с преступностью становится устойчивой и определяющей международной традицией и необходимостью. Традиция предопределяется, с одной стороны, интеграционными экономическими, научно-техническими, политическими и культурными процессами; с другой - противоречия, возникающие между транснациональными корпорациями и государствами неизбежно

порождают противоправные и преступные способы и средства получения прибыли;

4) к объективным факторам, делающим международное сотрудничество в борьбе с преступностью обязательным, можно отнести разнообразные и систематические процессы, происходящие в современном миропорядке. Эти факторы представляют собой комплекс причин, способствующих развитию преступной деятельности как международного феномена и борьбе с ним как социально необходимому ответу мирового сообщества;

5) растущие масштабы и развитие организованной преступности представляют непосредственную угрозу международной и национальной безопасности, а также политической и экономической базам государственности. Данная преступность дестабилизирует функционирование социально-экономических институтов, ставя их под сомнение, что в конечном итоге подрывает доверие к демократическим процессам.

3.2. Национальные стандарты реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства

Нормативная основа настоящего исследования состоит из Конституции и действующего законодательства КР (УК, Закона «Об органах национальной безопасности», ранее действовавшего уголовного законодательства СССР, РСФСР, КССР, КР (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК КССР 1960 г., УК КР 1997 г., УК КР 2017 г., УК КР 2021 г.); уголовного законодательства ряда зарубежных стран (Республики Беларусь, РК, РФ, Республики Польша, США, Турции, ФРГ, Франции, Швейцарии, Швеции и др.).

Эмпирическую основу данной работы составляют: официальные статистические данные по делам о преступлениях, направленных против основ конституционного строя и безопасности КР, материалы судебной практики, контент-анализ периодической печати.

Говоря о национальных стандартах, применяемых при реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в общей системе правоохранительных органов КР необходимо, прежде всего, остановиться на таких категориях как «правовые основы», «правовое обеспечение деятельности органов национальной безопасности и внутренних дел». Правильное раскрытие содержания понятия «правовое обеспечение деятельности органов национальной безопасности и внутренних дел» предполагает, прежде всего, уточнение значения термина «обеспечение».

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «обеспечение» в одном значении объясняется через глагол «обеспечить» (как деятельность), а в другом – как «то, чем обеспечивают кого-нибудь, что-нибудь» (средства). Понятие «обеспечить» имеет смысловые значения «снабдить чем-нибудь в нужном количестве»; «предоста-

вить достаточные материальные средства к жизни»; «сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым»; «оградить, охранить (устар.)»; «создать все необходимые условия для осуществления чего-либо, гарантировать что-либо» [171, с.908].

Правовое обеспечение выступает как комплекс статичных и динамических правовых явлений, обладающих свойствами, которые позволяют, реализуя потенциал права, решать задачи, стоящие перед органами национальной безопасности и внутренних дел.

В научной среде правовое обеспечение трактуется как совокупность юридических норм и принципов, интегрированных в нормативно-правовые акты и индивидуальные правовые решения в форме правоприменительных документов (нормативный аспект); как совокупность правовых организаций — как создающих нормы, так и применяющих их органов, благодаря которым нормы и принципы утверждаются и претворяются в жизнь (организационная составляющая); как совокупность правовых воззрений, идей и представлений, присущих социальным субъектам (идеологическая составляющая) [74, с.8].

Правовая база для обеспечения деятельности в сфере национальной безопасности и деятельности органов внутренних дел состоит из множества нормативных правовых актов, которые различными способами регулируют общественные отношения, в которых обязательно участвуют сотрудники национальной безопасности и внутренних дел [265, с.23]. Эти нормативные акты устанавливают цели, задачи и принципы работы органов национальной безопасности и внутренних дел, а также их основные и дополнительные функции, включая обеспечение национальной безопасности КР.

По мнению диссертанта, создание национальных стандартов в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и государственной безопасности должно в первую очередь направляться на решение приоритетных практических задач, связанных с научной

поддержкой разработки и осуществлением следующих ключевых документов КР; Стратегии обеспечения национальной безопасности КР; Национальной программы обеспечения национальной безопасности КР.

Анализируя международно-правовые акты в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, диссертант приходит к выводу о том, что их основные положения должны быть положены в основу национальных стандартов реализации уголовной политики в рассматриваемой сфере, т.е. в систему нормативных правовых актов. К ним относятся: Конституционный закон КР «О чрезвычайном положении» (1998 г.); Конституционный закон КР «О военном положении» (2009 г.); Закон КР «Об органах внутренних дел» (1994 г.); Закон КР «О пограничной службе Кыргызской Республики» (1999 г.); Закон КР «Об обороне и Вооруженных Силах Кыргызской Республики» (2009 г.); Закон КР «Об органах национальной безопасности Кыргызской Республики» (1994 г.); Закон КР «О противодействии терроризму» (2006 г.); Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» (2005 г.); Закон КР «О гражданской защите» (2009 г.)

В связи с тем, что правоохранительные органы, в том числе и органы национальной безопасности, занимают особое место и выполняют особую роль в обеспечении национальной безопасности КР представляется необходимым провести анализ нормативных правовых актов, регулирующих основы их организации и деятельности. Как отмечено в Концепции национальной безопасности КР, законах «О национальной безопасности Кыргызской Республики» и «О совете безопасности Кыргызской Республики», выявление внешних и внутренних угроз национальной безопасности является жизненно важным для интересов личности, общества и государства.

Как уже отмечалось, в КР отсутствуют Стратегия национальной безопасности и Национальная программа обеспечения национальной безопасности как базовых стратегических документов, в которых, как прави-

ло, должны быть прописаны полномочия органов государственной власти (в т.ч. правоохранительных) и местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных условий для реализации стратегических приоритетов КР. В этой связи целесообразным представляется проанализировать Концепцию национальной безопасности, представляющую собой официально принятую систему взглядов, идей и принципов по защите личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз безопасности во всех сферах жизнедеятельности на длительный период.

По мнению диссертанта, Концепция как система взглядов, идей и принципов не представляет собой конкретного алгоритма действий для правоохранительных органов, в том числе и для ГКНБ КР в вопросе обеспечения национальной безопасности. В контексте рассматриваемого вопроса важное значение имеют законы «О совете безопасности Кыргызской Республики» «О национальной безопасности Кыргызской Республики».

Так, в ст. 1 Закона «О национальной безопасности Кыргызской Республики» определен статус органов национальной безопасности как исполнительных органов государственной власти, являющихся частью системы национальной безопасности и обладающих в связи с этим специальными полномочиями, которые обеспечивают безопасность страны от внутренних и внешних угроз.

Понятие внешних и внутренних угроз дано в Концепции национальной безопасности КР: это прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам и свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию, обороноспособности КР. Угрозы обуславливаются политическими, социально-экономическими противоречиями в регионе и в мире, нерешенностью внутренних проблем, военными, информационными, экологическими и другими факторами (разд. 3).

Угрозы классифицируются в зависимости от величины их влияния на глобальные, региональные и локальные, по вероятности реализации - на реальные и потенциальные, по способу проявления - на прямые действия и косвенные, которые оказывают влияние через изменение других явлений и процессов.

Исходя из определения понятия и классификации угроз, выделяются основные направления деятельности правоохранительных органов КР (ГКНБ и МВД) согласно их компетенции, принципов организации и деятельности (см. табл.).

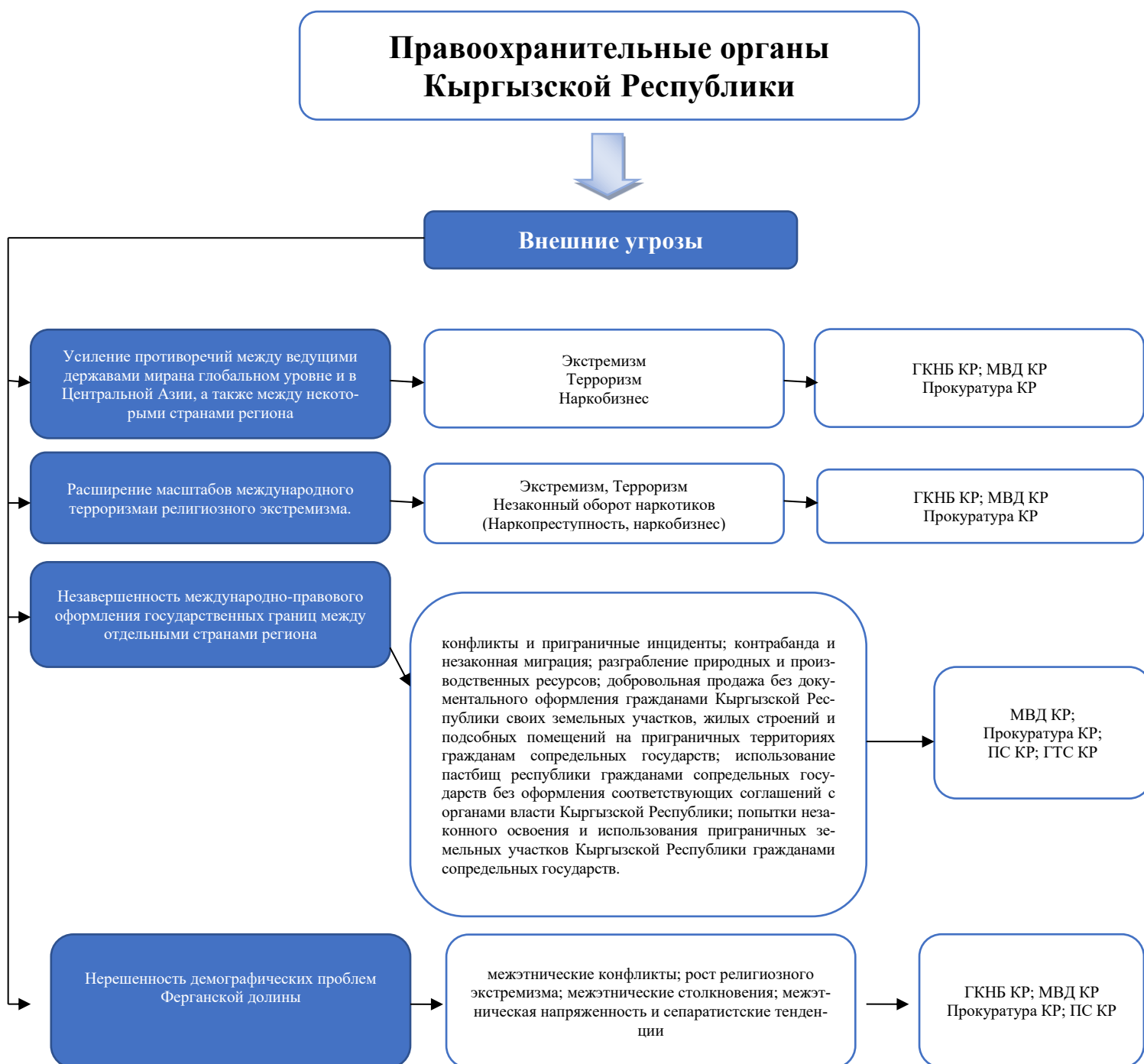

Рисунок №_1_. Деятельность правоохранительных органов направленная на организацию и противодействие внешним угрозам национальной безопасности Кыргызской Республики

Правоохранительные органы Кыргызской Республики

Внутренние угрозы

Усиление сепаратистских тенденций, межэтнических противоречий, фактора этнорегионализма и местничества в системе общественных отношений

межэтнические конфликты; хулиганство, организация массовых беспорядков

ГКНБ КР; МВД КР
Прокуратура КР;

Ухудшение образовательного, нравственного и культурного потенциалов населения, усиление влияния нетрадиционных религиозных течений в жизни общества, напряженная демографическая ситуация в отдельных регионах республики, нерешенность вопросов регулирования внешней и внутренней миграции

рост религиозного экстремизма; организация незаконной миграции; нарушение правил внешней трудовой миграции

ГКНБ КР; МВД КР
Прокуратура КР;

Рост масштабов теневой экономики и коррупции во всех сферах жизнеобщества

Коррупция в правоохранительной системе; ОПГ; наркомафия, контрабанда, религиозно-экстремистская, террористическая и сепаратистская организация; незаконный оборот оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, финансовых средств, агитационной экстремистской литературы и вербовки,

ГКНБ КР; МВД КР
Прокуратура КР; ГТС
КР

Преступность, наркомания, алкоголизм

ОПГ; наркобизнес; коррупция; бандитизм; преступность несовершеннолетних; бытовая преступность

ГКНБ КР; МВД КР
Прокуратура КР;

Рисунок №_2_. Деятельность правоохранительных органов направленная на организацию и противодействие внутренним угрозам национальной безопасности Кыргызской Республики

Как видно из представленных таблиц, в системе правоохранительных органов, обеспечивающих национальную безопасность, ключевое место занимают органы национальной безопасности и органы внутренних дел КР. По объему предоставленных полномочий менее привлеченными являются Прокуратура, Государственная таможенная служба, Пограничная служба при ГКНБ КР. К специфическим правоохранительным органам относится Финансовая разведка КР.

Согласно ст. 159 Уголовно-процессуального кодекса КР (далее – УПК КР) следователями ГКНБ и МВД КР проводится следствие по следующим уголовным делам [244]:

Подследственность правоохранительных органов (ГКНБ КР и МВД КР) в расследовании преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом, Кодексом о правонарушениях Кыргызской Республики, связанных со внешними и внутренними угрозами национальной безопасности Кыргызской Республики		
Следователи МВД Кыргызской Республики	Уголовный кодекс Кыргызской Рес- публики	<p>преступления против общественной безопасности (статьи 260-263, 267-271 Уголовного кодекса);</p> <p>преступления против общественного порядка (статьи 278-281 Уголовного кодекса)</p>
Следователи ГКНБ Кыргызской Республики	Уголовный кодекс Кыргызской Рес- публики	<p>преступления против общественной безопасности (статьи 252-259, 264-266 Уголовного кодекса);</p> <p>преступления против информационной безопасности (статья 322 Уголовного кодекса);</p> <p>преступления против конституционного строя и безопасности государства (статьи 323-329, 333-335 Уголовного кодекса);</p> <p>преступления против информационной безопасности (статьи 319-321 Уголовного кодекса);</p> <p>преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (статьи 330-332 Уголовного кодекса);</p>

Табл. 4.

Подследственность правоохранительных органов КР в расследовании преступлений, предусмотренных УК КР, связанных со внешними и внутренними угрозами национальной безопасности республики.

Орган ведущий расследование	№	Статья УК Кыргызской Республики	Наименование статьи
ГКНБ КР	1.	Статья 319	Несанкционированный доступ к компьютерной информации и электронным документам, в информационную систему или сеть электросвязи
	2.	Статья 320	Создание вредоносных программных продуктов
	3.	Статья 321	Кибер-саботаж
	4.	Статья 322	Массовое распространение электронных сообщений
	5.	Статья 323	Государственная измена
	6.	Статья 324	Шпионаж
	7.	Статья 325	Диверсия
	8.	Статья 326	Насильственный захват власти
	9.	Статья 327	Публичные призывы к насильственному захвату власти
	10.	Статья 328	Сепаратистская деятельность
	11.	Статья 329	Вооруженный мятеж
	12.	Статья 330	Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной межрегиональной вражды (розни)
	13.	Статья 331	Создание и финансирование экстремистской организации
	14.	Статья 332	Изготовление, распространение экстремистских материалов
	15.	Статья 333	Разглашение государственных секретов
	16.	Статья 334	Утрата носителей сведений, содержащих государственные секреты
	17.	Статья 335	Передача или собирание с целью передачи иностранным сведений, составляющих служебную тайну
МВД КР	1.	Статья 260	Принуждение лица к участию в преступной деятельности
	2.	Статья 261	Создание организованной группы или участие в ней
	3.	Статья 262	Создание преступного сообщества или участие в нем
	4.	Статья 263	Финансирование организованных групп и преступных сообществ
	5.	Статья 267	Незаконный оборот оружия, боеприпасов
	6.	Статья 268	Незаконное изготовление оружия

7.	Статья 269	Небрежное хранение оружия
8.	Статья 270	Ненадлежащее выполнение обязанностей по охране оружия
9.	Статья 271	Хищение или вымогательство огнестрельного оружия
10.	Статья 278	Массовые беспорядки
11.	Статья 279	Незаконное перекрытие дорог
12.	Статья 280	Хулиганство
13.	Статья 281	Вандализм

Табл. № 5. Преступления, предусмотренные УК КР.

Эффективность научно-аналитической и юридической поддержки работы в сфере национальной безопасности во многом определяется качеством ее информационно-правового обеспечения. Помимо необходимости создания действенной законодательной базы, нужно наладить конструктивный механизм управления процессом разработки, внедрения и контроля исполнения практических мер по обеспечению национальной безопасности.

В этой связи, актуальным является вопрос разработки и принятия Концепции уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, содержащей основы Концепции национальной безопасности, Стратегии обеспечения национальной безопасности КР, а также Национальной программы обеспечения безопасности КР и ряда других нормативных правовых актов, в которых четко определены место, роль и полномочия ГКНБ КР и МВД КР.

Как было отмечено, на региональном уровне расширяется сотрудничество с АТЦ СНГ, РАТС ШОС, в рамках которого создана постоянно действующая экспертная группа. Так, в республике действует Антитеррористический центр ГКНБ КР, который занимается разработкой основ государственной политики в области противодействия терроризму и координирует деятельность государственных органов, осуществляющих противодействие терроризму. Он создан в целях достижения согласованности их действий по предупреждению, выявлению и пресечению террористической деятельности, а также выявлению

и устранению причин и условий, способствующих подготовке и реализации террористических актов.

Диссертант считает, чтобы достичь поставленных целей, необходимо разработать действенную систему информационно-правового обеспечения, основанную на единой концепции организационно-методических, информационных, аналитических и юридических мер для поддержки Совета безопасности КР. Этот совет, будучи конституционным консультативным органом, играет ключевую роль в реализации согласованной государственной политики в области национальной безопасности КР. Эти цели должны охватывать деятельность по прогнозированию угроз национальной безопасности и их распознаванию, а также оценку потенциальных результатов от принимаемых решений. Весь процесс должен базироваться на результатах информационно-технической структуры организованной юридической информации.

Результативность правового регулирования в сфере национальной безопасности необходимо установить через формирование правовой системы информационных моделей различных уровней. Эти модели должны соответствовать юридическим прецедентам, принимаемым при принятии решений, что позволит внедрять совершенно новые правовые технологии.

В этой связи диссертант отмечает, что Стратегия устойчивого развития КР до 2024 г. предусматривает построение социального государства, которое возможно при комплексном решении правовых, политических, социально-экономических и других вопросов. В конечном счете решение этих вопросов направлено на обеспечение экономической, экологической, информационной и других видов безопасности.

Ранее отмечалось, что основу национальной безопасности КР заложили Декларация о государственном суверенитете КР (1990 г.), Конституция КР (1993 г.), Конституция КР (2010 г.) и действующая Конституция КР. Однако, по мнению диссертанта, созданная система национальной безопасности до настоящего времени не представляет собой целостную систему. В связи с этим

необходимо, по его мнению, при разработке отечественной правовой теории национальной безопасности правильно определить приоритеты, учитывая, что она должна быть ориентирована на решение прикладных задач научного обеспечения разработки и реализации следующих основных документов.

В этой связи диссертант предлагает авторскую модель правовой теории национальной безопасности, включающая:

- 1) Концепцию национальной безопасности КР;
- 2) Стратегию обеспечения национальной безопасности КР;
- 3) Национальную программу обеспечения национальной безопасности КР.

Актуализация защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства, национальных ценностей и образа жизни от внешних и внутренних угроз, материальной, интеллектуальной и духовной собственности как основы существования и развития КР требует дальнейшего совершенствования Концепции уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Помимо перечисленных документов, важно создать действенный механизм управления процессами обеспечения национальной безопасности. Необходимо четко определить приоритеты и стратегические цели Кыргызстана в этой сфере на длительную (15–20 лет), среднесрочную (10–15 лет) и краткосрочную перспективу (5–10 лет). Эти цели должны найти отражение в Концепции уголовной политики по предотвращению преступлений против основ конституционного строя и обеспечения государственной безопасности.

Рис. 3 Концептуальная модель структуры уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства

Нормативным актом, регулирующим правовые основы обеспечения безопасности личности, общества и государства, организации и функционирования системы национальной безопасности КР, является Закон КР «О национальной безопасности» [170].

Согласно положениям Закона, под жизненно важными интересами понимается совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства; под угрозой национальной безопасности понимается совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства (ст.ст. 1, 3) [170]. Объектами национальной безопасности является личность, ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

Концепция национальной безопасности КР (2021 г.) определяет внешние и внутренние угрозы национальной безопасности. К внешним относятся следующие:

- столкновение геополитических интересов и усиление противостояния между ведущими мировыми державами и военно-политическими блоками в регионе на фоне снижения авторитета и влияния международных и региональных организаций, а также неисполнение отдельными государствами ранее принятых на себя обязательств;

- сохранившиеся преступные и дестабилизирующие устремления международных террористических, экстремистских организаций в сторону Центрально-Азиатских государств и непосредственно КР на фоне резко меняющейся военно-политической обстановки в зонах вооруженного конфликта и повышенной террористической активности;

- продолжающийся процесс концентрации иностранных боевиков, в том числе выходцев из стран Центрально-Азиатского региона, в локациях, удобных для перетекания или прорыва в государство-потенциальный объект атаки;

- расширение масштабов международного терроризма, религиозного радикализма и сепаратизма, акты террористической и экстремистской природы в государствах Центральной Азии, а также активизация вербовки и пропаганды через в сети Интернет;

- активная деятельность зарубежных центров религиозного экстремизма и нетрадиционных религиозных течений по импорту и популяризации в КР чуждой и деструктивной идеологии;

- рост объемов транзита наркотических средств и прекурсоров, в том числе тяжелых наркотиков, через территорию КР, а также увеличение объемов ввоза психотропных средств в КР из сопредельных стран и т.д. [110].

К внутренним угрозам национальной безопасности относятся:

- повышение уровня коррупционных проявлений в государственных органах и частном секторе, вовлечение в коррупционные преступления широкого круга государственных служащих, представителей бизнеса и членов организованных преступных сообществ;

- повышение уровня преступности, неблагоприятная криминогенная ситуация по отдельным видам тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе усиление деятельности организованной преступности с вовлечением молодежи и государственных служащих в свою преступную деятельность путем укрепления тесных контактов между чиновниками всех уровней власти с криминальными структурами, покровительством должностных лиц незаконному обороту капитала, наркотических средств, оружия и нелегальной миграции;

- обострение проблем наркомании, алкоголизма и рост криминализованности общества, все большее вовлечение молодежи в совершение преступлений и их приверженность идеям криминального мира;

- обострение социально-политической обстановки, зачастую приводящее к массовым протестным акциям и беспорядкам;

- расширение радикальных религиозных течений и обострение межконфессиональных противоречий в Кыргызстане, в том числе увеличение количе-

ства межнациональных, межконфессиональных конфликтов и проявлений сепаратизма;

- деятельность внутреннего террористического и экстремистского подполья, особенно в среде осужденных за терроризм и экстремизм, а также их сращивание с криминалитетом и организованными преступными сообществами;

- активизация деструктивной деятельности в социальных сетях и мессенджерах, в том числе распространение заведомо ложной и недостоверной информации, размещение материалов террористического и экстремистского характера и призывы к вступлению в ряды экстремистских и террористических организаций, к массовым беспорядкам и протестным акциям, пропаганда криминального образа жизни, суицидов, употребления наркотических средств и психотропных веществ и иная противоправная информация, оказывающая негативное воздействие в первую очередь на молодое поколение [110].

Главными направлениями обеспечения национальной безопасности являются: защита конституционного строя, обеспечение независимости и суверенитета, государственной и территориальной целостности КР; укрепление мира и согласия между всеми этническими группами и конфессиями; борьба с терроризмом и экстремизмом; верховенство закона и укрепление правопорядка; неукоснительное соблюдение прав и свобод человека и гражданина и их охрана от незаконных посягательств; защита и охрана жизни, здоровья человека и всех форм собственности; обеспечение общественной, экономической, финансовой, социальной, политической, экологической стабильности и безопасности и т.д.

На основании изложенного, автор работы приходит к выводу о том, что уголовная политика в сфере защиты основ конституционного строя и безопасности КР должна осуществляться путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, в первую очередь среди несовершеннолетних, и иных правонарушений (включая мониторинг и оценку эффективности право-

применительной практики), разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений.

Особое внимание должно быть уделено искоренению причин и условий, порождающих коррупцию, которая является препятствием устойчивому развитию КР и реализации Национальной стратегии устойчивого развития КР [154]. В связи с чем в целях обеспечения национальной безопасности:

- совершенствуются структура и деятельность органов исполнительной власти, развивается система выявления, предупреждения и пресечения разведывательной и иной деструктивной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, наносящей ущерб национальным интересам, актов терроризма, проявлений религиозного радикализма, национализма, сепаратизма, иных форм экстремизма;

- создаются механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов, а также противодействия участию граждан Кыргызстана в деятельности террористических и экстремистских группировок за рубежом;

- совершенствуется система выявления и анализа угроз в информационной сфере, противодействия им;

- принимаются меры для повышения защищенности граждан и общества от деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций, иностранных специальных служб и пропагандистских структур и т.д.

По мнению диссертанта, указанные положения составляют содержание уголовной политики КР в сфере защиты основ конституционного строя и безопасности республики. Несмотря на то, что количество зарегистрированных преступлений против конституционного строя и безопасности КР незначительное, в сравнении с другими видами общеуголовной преступности, однако эти преступления представляют серьезную угрозу для национальной безопасности.

Целенаправленная деятельность по выявлению и устранению причин, порождающих преступления против основ конституционного строя и безопасности КР, и условий, способствующих их совершению, складывается из множества взаимосвязанных мер, различающихся по объему, масштабам, конкретному содержанию и другим признакам.

Кроме предупредительных мер особое значение имеют меры по обеспечению неотвратимости ответственности за совершение преступлений, а также справедливого наказания виновных лиц, исключению давления на принятие решений правоприменительными органами.

Согласно законам Кыргызской Республики, органы национальной безопасности осуществляют оперативно-розыскные мероприятия для обнаружения, предотвращения, пресечения и раскрытия преступлений, которые могут угрожать безопасности государства, а также для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия деятельности незаконных вооруженных формирований, криминальных групп, отдельных лиц и общественных организаций, которые нацелены на насильственную смену конституционного строя КР.

По мнению диссертанта, актуальность исследования современной уголовной политики Кыргызстана обусловлена необходимостью анализа и мониторинга новых видов угроз, новых подходов к научному осмыслению конструкции норм уголовного закона, эффективности назначаемых судебными органами мер наказания в условиях глобализации. В этих условиях главным в деятельности государства является определение основных направлений развития правовой политики, уголовной политики в целом, а также уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, в частности. Реализация уголовной политики будет способствовать обеспечению национальной безопасности и нейтрализации внешних и внутренних угроз, содействовать созданию безопасных условий для реализации конституционных прав и свобод граждан, осуществлению устойчивого развития страны, сохранению территориальной целостности и су-

веренитета государства.

Рассматриваемая уголовная политика предусматривает уголовно-правовые средства воздействия на законотворческий процесс, служащий основой для правоприменительной деятельности органов государственной власти КР. Повышение эффективности данной политики предопределяется совершенствованием правового регулирования мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений.

Современное состояние доктрины уголовного права актуализирует научную обоснованность вводимых конструкций составов преступлений в уголовный закон. Повышению эффективности уголовно-правовых мер противодействия преступности содействует сбалансированность норм уголовного законодательства и технико-юридических ресурсов на уровне правоприменения.

Уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства является неотъемлемой частью отечественной правовой политики, которая определяет механизм реализации отраслевых правоотношений. Эффективность ее реализации предопределяется внутренней политикой государства в различных сферах жизнедеятельности общества, в которых формируются причины криминогенных факторов и возникают условия их негативной реализации.

На сегодняшний день, для успешного выполнения основных задач уголовной политики, становится актуальной необходимостью объединения усилий государственных и местных органов власти с предприятиями различных форм собственности, общественными организациями и другими институтами гражданского общества. Это необходимо для совместного использования ресурсов в целях устранения причин и условий, которые способствуют криминализации различных сфер общественной жизни.

В целях обеспечения безопасности личности, общества и государства требуется расширение мер правового воздействия, направленных на превенцию преступного, асоциального уголовно-наказуемого поведения лица.

Существенную роль играет нейтрализация негативных тенденций в экономической и социальной сферах, сопряженных с падением качества жизни, увеличением числа безработных, ростом правового нигилизма, сопряженного с нивелированием нравственных и культурных ценностей.

Совершенствование уголовно-правового регулирования должно сочетаться с оптимизацией практико-ориентационных методов и средств, обеспечивающих своевременное выявление и пресечение преступных посягательств со стороны правоприменительных органов и учреждений. В свою очередь, реализация перспективных направлений концепции развития уголовно-исполнительной системы ГСИН КР должна быть направлена на интенсификацию карательно-исправительного процесса, содействующего снижению уровня преступности.

Среди нормативных актов Кыргызской Республики, направленных на пресечение экстремизма, Конституция занимает особое положение. Она провозглашает человеческие права и свободы высочайшей ценностью (ч. 1 ст. 23). Ограничение этих прав и свобод допускается Конституцией и законами для обеспечения национальной безопасности, поддержания общественного порядка, а также для охраны здоровья, нравственности населения и защиты прав и свобод других лиц (ч. 2 ст. 23) [103]. Конституция закрепила положения о политическом многообразии и многопартийности (ч. 1, 2 ст. 8).

В то же время, Конституция устанавливает ряд ограничений: ни одна религия не может быть признана государственной или обязательной (ч. 1 ст. 9); деятельность политических партий, общественных и религиозных организаций, их представительств и филиалов запрещена, если она направлена на силовую смену конституционного порядка, угрозу национальной безопасности, разжигание социальной, расовой, межнациональной и религиозной нетерпимости, создание партий на основе религии или этничности, а также если религиозные организации преследуют политические цели (ч. 3 ст. 8); пропаганда ненависти по национальным, расовым, религиозным признакам, идеям гендерного или

иногo социального превосходства, призывающим к дискриминации, вражде или насилию (ч. 4 ст. 32); дискриминация на основе пола, расы, языка, инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, образования, происхождения, финансового или иного статуса, а также других факторов [103].

Нормы об ответственности за нарушение указанных запретов предусмотрены УК КР: ст. 331 («Создание и финансирование экстремистской организации»), ст. 332 («Изготовление, распространение экстремистских материалов»), ст. 330 («Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной межрегиональной вражды (розни)» [237].

Таким образом, уголовно-правовые запреты, связанные с экстремистской направленностью, представляют собой не только обобщенную группу уголовно наказуемых деяний, обусловленных специфическими мотивами - ненавистью (враждой), основанной на расовых, национальных, религиозных и иных социальных различиях, изготовление и распространение экстремистских материалов, но и само создание и финансирование такой организации.

В Законе КР «О противодействии экстремистской деятельности» также установлены правовые и организационные основы для борьбы с экстремизмом [174]. Так, в ст. 1 дается определение экстремизма как:

1) деятельности общественных объединений или религиозных организаций либо иных предприятий, организаций и учреждений, а также средств массовой информации независимо от форм собственности, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных:

- на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Кыргызской Республики;
- на подрыв безопасности Кыргызской Республики;
- на захват или присвоение властных полномочий;
- на создание незаконных вооруженных формирований;

- на осуществление террористической деятельности;
- на возбуждение расовой, национальной (межэтнической) или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
- на унижение национального достоинства;
- на осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной (этнической) или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной (этнической), религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

2-1) пропаганда атрибутики или символики экстремистской организации;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

Таким образом, анализ законодательства КР в сфере уголовной политики, направленной на предупреждение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, показал следующее:

1) разработка национальных стандартов в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР должна быть ориентирована на решение приоритетных прикладных задач научного обеспечения разработки Концепции национальной безопасности КР, Стратегии обеспечения национальной безопасности КР, а также Национальной программы обеспечения национальной безопасности КР;

2) необходимо разработать Концепцию уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР, которая предусматривает конкретные функции сотрудников соответствующих правоохранительных органов (например, ГКНБ);

3) Концепция уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР должна содержать основы Концепции национальной безопасности, Стратегии обеспечения национальной безопасности и национальной программы обеспечения безопасности КР.

В Концепции необходимо определить приоритеты и стратегические цели Кыргызстана на долгосрочную (15-20 лет), среднесрочную (10-15 лет) и краткосрочную (5-10 лет) перспективы.

4) отсутствие общепринятого определения экстремизма как в нормах международного права, так и в национальном законодательстве, должно компенсироваться принятием специальной Конвенции ООН.

ГЛАВА IV. ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА, УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

4.1. Конституционный строй и безопасность государства как основные объекты уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства

Уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР тесным образом связана с обеспечением национальной безопасности КР и такими ее важными составляющими как государственная и общественная безопасность. Она возникает из практической необходимости постоянно осуществлять и внедрять мероприятия по улучшению правоохранительных мер, направленных на обнаружение, предотвращение, пресечение и раскрытие актов терроризма, экстремизма, коррупции и других преступных действий, угрожающих основам конституционного порядка и безопасности государства.

Конституционный строй представляет собой не только правовую категорию, но и может быть изучен в социальном и политическом контексте, а также в иных аспектах. Уместно говорить о его многофункциональности, так как он выступает одновременно как цель, инструмент, процесс и результат[25, с.40].

Общественно-политические явления и процессы, протекающие в стране, во многом формируют конституционный строй. Поэтому действия, направленные на подрыв этого строя, представляют значительную общественную опасность. В этой связи особое значение в их пресечении имеют меры уголовно-правового воздействия.

В Уголовном Кодексе КР конституционный строй рассматривается как

один из ключевых объектов уголовно-правовой защиты. Данное нормативное положение находит дальнейшее развитие в определении категориального объекта преступлений, описанных в главе 41 «Преступления против основ конституционного строя и государственной безопасности» (часть 2 статьи 1).

Анализ советского конституционного законодательства показывает, что до 1990 года термин «конституционный строй» не употреблялся. Разделы конституций назывались иначе: в Конституции СССР 1977 года — «Основы общественного строя и политики СССР», а в Конституции СССР 1936 года — «Общественное устройство» и «Государственное устройство». В Конституции СССР 1924 года такие разделы отсутствовали, но были прописаны нормы о структуре и функциях властных органов на разных уровнях.

Советское уголовное законодательство также не содержало упоминаний о конституционном строе, однако использовались термины схожего значения:

- «Преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя...» (ст. 6 УК РСФСР 1922 г.) [241]; «Общественно-опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя...» (ст. 6 УК РСФСР 1926 г.) [242];

- «Уголовный кодекс Киргизской ССР имеет задачей охрану советского общественного и государственного строя...» (ст. 1 УК КССР 1960 г.) [235].

- «преступлением признается предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй...» (ст. 7 УК Киргизской ССР 1960 г.).

В этот период советский общественный и государственный строй признавался объектом особо опасных государственных преступлений. [76,с.11-12; 94, с.20-27;179, с.16].

Термин «конституционный строй» впервые появился в СССР в Законе от 14 марта 1990 года № 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР».

Этот закон касался запрета на создание и деятельность организаций, стремящихся к «насильственному изменению советского конституционного строя и целостности социалистического государства, подрыву его безопасности, разжиганию социальной, национальной и религиозной вражды». Упоминания данного термина можно также найти в других нормативно-правовых актах. [160] до принятия Конституции КР 1993 г. [101].

В действующей Конституции КР конституционному строю посвященный целый раздел «Основы конституционного строя», который включает главы «Политические основы конституционного строя» и «Социально-экономические основы конституционного строя» [103].

В теории конституционного права отсутствует единообразное определение понятия и содержания конституционного строя. Так, он понимается как: «Строй, закрепленный конституцией государства, становится его конституционным строем» [98,с.94].; «... совокупность экономических, социальных, политических, правовых, идеологических отношений, регулируемых главным образом нормами Конституции, возникающих по поводу организации высших органов власти и управления, государственного устройства и правовых связей между человеком, гражданским обществом и государством» [103].

Исследование различных методов в научной деятельности для определения термина «конституционный строй» показывает, что возможно выделить два главных подхода, которые можно условно назвать юридическим и аксиологическим.

Юридический подход опирается на нормативное закрепление основ конституционного строя и рассматривает его как совокупность базовых общественных отношений (политических, социальных, экономических и прочих), которые устанавливаются конституцией или иными государственными законами. [33,с.3].

Сторонники аксиологического (лат. «ахiа» – ценность) подхода рассматривают конституцию и сам государственный строй с ценностных позиций,

вернее их соответствие демократическим ценностям, а именно: справедливость, мораль, свобода, право и др. С этой точки зрения, конституционный строй является формой или методом государственного устройства, который гарантирует его подчинение закону и определяет его как государство с конституционными признаками. Это порядок, при котором обеспечиваются соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также функционирование государства в соответствии с конституцией. Такая структура организации государства основана на основных положениях конституции и защите важнейших ценностей, которые она закрепляет. Это также система общественно-правовых отношений и институтов, руководствующихся моральными и конституционными предписаниями. Иногда конституционный строй ассоциируется с понятием конституционализма[12,с.224] который воспринимается как совокупность взглядов на конституционное государство, их правовое закрепление и осуществление[24,с.138].

Как можно заметить, с аксиологической точки зрения, конституционный строй не ограничивается лишь существованием конституции и фиксированием в ней базовых принципов, так как главным признаком данного строя считается соблюдение конституции и ее демократическая природа[19,с.115] Подобное понимание конституционного строя встречается и в работах, посвященных вопросам уголовно-правовой охраны конституционного строя [264,с.101].

В научной литературе также выделяются два подхода к определению конституционного строя: широкий и узкий. Широкий подход совпадает с ранее упомянутым юридическим методом, тогда как узкий соответствует аксиологическому. [230,с.42].

В науке конституционного права различают юридически закрепленный конституционный строй и фактически существующий. Соответственно используются формулировки: «фактическая конституция»; «конституция факти-

ческая – конституция юридическая», «конституция реальная – конституция фиктивная. [216,с.31]

Существует точка зрения, что идентифицировать конституционный строй с государственным нельзя, так как последний не обязательно включает наличие конституции, народный суверенитет и разделение властей. [183,с,7-8].

Таким образом, анализ научных подходов к определению конституционного строя показал их многообразие, что свидетельствует о сложности и многогранности этой политико-правовой категории.

Проецирование данных теоретических позиций на уровень уголовно-правовой теории и практики продемонстрировало, что при установлении значения конституционного строя необходимо пользоваться исключительно юридическим подходом для его определения; то, что закреплено в Конституции, должно быть безусловно защищено уголовным правом.

Применение аксиологического метода при оценке преступности нападок на основы государственного строя приводит к исключению правовых критериев. В подобных обстоятельствах, любое действие, к примеру, публичные призывы к свержению власти или к ее насильственному захвату, можно хитро назвать выполненным «в интересах истинной демократии», одновременно провозглашая себя «справедливым защитником» этой демократии. Определение режима как недемократического не должно становиться самовольной «лицензией» на действия, направленные против государства и создающие общественную опасность.

Кроме того, чрезмерное использование аксиологического подхода может привести к созданию революционного законодательства, позволяющего захват власти. В научных кругах имеются попытки обосновывать такую возможность: в связи с вопросами власти и суверенитета целесообразно также включить в конституции положение о сопротивлении народа власти, не отвечающей его интересам... Только в некоторых обновленных конституциях африканских государств, которые были приняты после свержения диктатур, сей-

час мы видим положения о сопротивлении незаконной власти, причем только мирными способами. В современных конституциях подобные статьи необходимы, хотя бы в иной интерпретации. Они служат напоминанием о том, что каждый орган власти и должностное лицо должны отвечать перед обществом, что государство и его служащие должны служить народу, а не наоборот, и что народ имеет право противостоять неконституционной, тиранической власти и менять её... Важно разработать очень четкую формулировку, чтобы предотвратить злоупотребления этим исключительным правом.

Нормы, запрещающие захват власти и подобные действия, традиционно устоялись и их необходимость не подвергается сомнению. Однако, формулировки вызывают сомнения в своей целесообразности, так как под их прикрытием могут совершаться действия, не имеющие положительного характера. Довольно ясно по этому поводу выражается М. В. Баглай: «Право на сопротивление – это «палка о двух концах», а потому оно упоминается в конституциях довольно редко. Но такие случаи все же есть... Формула Конституции «захват власти преследуется по закону» в значительной мере утопична, ибо трудно себе представить, чтобы захватив власть, узурпатор не использовал эту власть для отмены законов, направленных против него» [18,с.124].

Е. П. Сергун использует термин «демократический скепсис» для обозначения недоверия общества к реальности демократии, даже если она провозглашена формально. Он считает это явление естественным в обществе и утверждает, что не следует путать его с экстремизмом. Тем не менее, автор признает, что четкое различие между мотивацией, связанной с демократическим скепсисом, и экстремистскими настроениями может быть затруднительным из-за недостаточной научной определенности понятия демократии. [210,с.53-54].

В любом случае, обсуждаемое «право на сопротивление» будет представлять аксиологический подход к определению конституционного устройства. В этом заключается основной недостаток такого подхода, который осно-

ываается на признаках соответствия конституционного строя определенным идеалам для его признания объектом уголовно-правовой защиты. Это может служить обоснованием социально опасных посягательств на власть, поскольку в действительности происходит отказ от единственного понятного – юридического – критерия. Существует угроза создания условий для еще одной «цветной революции», если кто-либо заявит, что действующий режим не соответствует определенным демократическим принципам и решит осуществить «задачу» по «освобождению» общества от него.

Поскольку невозможно юридически закрепить «право на сопротивление» без риска его неоднозначного толкования и разного использования, едва ли стоит вводить этот институт. Вместо этого, следует стремиться к реализации положений, изложенных в преамбуле Всеобщей декларации прав человека (1948 г.).⁴⁵: «Необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения».

Тема, касающаяся анализа потенциальных угроз для государства, связанных с законодательными процессами, является сама по себе весьма широкой и трудной. Например, Д. А. Шестаков пишет, что «использование внутреннего «законотворчества» для развала Советского Союза, помимо прочего, сигнализирует о наличии пробела в международном уголовном праве. В него требуется ввести соответствующие составы преступлений» [271,с.27].

Юридический подход к пониманию конституционного строя берет начало в функции конституции, которая заключается в высшем узаконивании основных принципов существующего общественного и государственного порядка. В этом контексте не имеет значения, является ли конституция «хорошей» или «плохой», так как любая из них придает высшую законность и обеспечивает конституционность как общественному, так и государственному строю.

Не вызывает сомнений, что понятие «конституционный строй» подходит для описания любого государства, в котором есть конституция [155, с.36]. Таким образом, каждое такое государство вправе принимать меры уголовной защиты конституционного порядка, и покушения на этот порядок будут считаться преступлениями, независимо от политического режима.

В этой связи важным является вопрос об определении понятия конституционного строя и безопасности государства как объектов уголовно-правовой охраны.

Понятия объект уголовно-правовой охраны и объект преступления можно считать схожими. Выбор термина определяется контекстом: если речь идет о ценностях, защищаемых уголовным законодательством, используется термин «объект уголовно-правовой охраны». Если акцент делается на ущербе, причиняемом деянием, то правильнее говорить «объект преступления» [262, с.16].

Общественные отношения, связанные с осуществлением интересов государственной власти, являются родовым объектом для преступлений, описанных в разделе IX УК КР «Преступления против государственной власти», включая главу 41 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Власть представляет собой руководство общественными делами, осуществляемое через сеть специализированных органов, обладающих определенными полномочиями для выполнения действий, принятия решений и норм, обязательных для исполнения. При необходимости исполнение этих норм обеспечивается через принуждение. Это ведет к объединению индивидуальных и коллективных субъектов под общей волей и едиными интересами. Источником власти служит народ.

Преимущественно эти признаки (в разном сочетании) рассматриваются в качестве свойств государственной власти [105, с.136].

Следовательно, видовым объектом преступлений против основ конституционного строя можно считать общественные связи, формирующиеся в процессе осуществления упорядоченного руководства государственными делами со стороны властей и их структур. Полноценное выполнение такой руководящей функции возможно лишь при должном обеспечении государственной безопасности и защите конституционных основ строя. Уголовно-правовое направление данного обеспечения проявляется в признании общественно опасных деяний преступными, что находит своё отражение в положениях главы 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», выделенной по критериям видового объекта преступлений.

В области уголовного права выделяются различные характеристики этого объекта. Некоторые ученые считают, что родовым (видовым) объектом таких преступлений выступает государственная безопасность, представляющая собой стабильность, прочность и защищенность личности, общества и конституционного строя от источников опасности, актуальных в современных условиях. Этот объект разделяется на три непосредственных объекта: внешняя безопасность, внутренняя безопасность и экономическая безопасность [77,с.25].

Иные ученые полагают, что объект преступлений в данной области – это безопасность государства, которая включает в себя внешние аспекты, такие как суверенитет, территориальная целостность и обороноспособность, а также внутренние, охватывающие основы конституционного строя. [204,х.22].

Выделяются основы безопасности государства, к которым относятся защищенность конституционного строя, суверенитета, территориальной неприкосновенности, обороноспособности и других жизненно важных интересов [200,с.85].

Вопросы государственной безопасности рассматриваются как часть общественной безопасности. [37,с.222,225].

Согласно положениям УК КР к преступлениям против внутренней безопасности относятся составы, предусмотренные ст. ст. 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332 УК КР [237].

Вопросы защиты конституционного строя рассматриваются в Концепции национальной безопасности КР, где она (защита) названа в качестве стратегической цели государственной и общественной безопасности и входит в содержание национальной безопасности как элемент безопасности государства [110].

В этом контексте автор диссертации подчеркивает, что категории «безопасность государства» и «состояние защищенности основ конституционного строя» схожи по смыслу, но различны по следующим причинам:

1) Конституция КР прямо устанавливает основы конституционного строя (глава 1);

2) при определении состава преступлений, направленных против основ конституционного строя, необходимо руководствоваться соответствующими положениями Конституции КР, а не просто понятием «безопасность государства»;

3) основы конституционного строя, как объект уголовной охраны, обладают собственной юридической природой, отличной от безопасности государства, и определяются нормами Конституции КР и УК КР (часть 3 статьи 1, статьи 326, 327, 329);

4) из названия гл. 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» видно, что понятия «конституционный строй» и «безопасность государства» - понятия не идентичные;

1) безопасность государства – понятие более широкое и включает защиту основ конституционного строя в качестве элемента, наряду, к примеру, с обороноспособностью и экономической безопасностью.

При разграничении государственных интересов и конституционного строя, необходимо классифицировать преступления по их объекту, которые упоминаются в главе 41 Уголовного кодекса КР. Соответственно, к преступлениям против государственной безопасности следует включить:

1) Государственную измену (статья 323) и шпионаж (статья 324), которые угрожают внешней безопасности государства;

2) Диверсию (статья 325), которая направлена против экономической безопасности и обороноспособности государства;

3) Разглашение государственных секретов (статья 333), потерю носителей информации, содержащих гос. секреты, незаконное получение таких сведений (статья 334), и передачу или сбор информации, составляющей служебную тайну, для иностранцев (статья 335) — эти деяния наносят ущерб общественным отношениям, связанным с секретностью информации и её защитой для безопасности Кыргызской Республики.

С учетом вышесказанного, среди преступлений, указанных в главе 41 УК КР, непосредственными угрозами для основ конституционного строя являются действия, предусмотренные статьями 326, 327, 329, 330, 331 и 332 УК КР. Всё это позволяет заключить, что объектом уголовно-правовой защиты для основ конституционного строя должна служить система общественных отношений. В юридической литературе под основами конституционного строя подразумеваются общественные отношения.[28, с.205]; или определенные принципы и нормы [276].

В этой связи диссертант отмечает, что признание основ конституционного строя в качестве принципов, положений и требований, является не совсем корректным, поскольку из названия гл. 41 УК КР можно сделать вывод о том, что нормы указанной главы охраняют принципы, положения и требования. Однако последние не являются объектом уголовно-правовой охраны, поскольку представляют собой нормативную фиксацию, описание, модель желаемых

общественных отношений, но не сами общественные отношения. Уголовное законодательство охраняет именно общественные отношения; это соответствует приведенному выше определению понятия конституционного строя как совокупности определенных общественных отношений.

В теории конституционного права существуют различные классификационные подходы к основам конституционного строя. Например, М. В. Баглай выделяет следующие категории: гуманистические принципы конституционного строя; ключевые характеристики государства; экономические и политические основы конституционной системы; принципы организации государственной власти. [18,с.116].

На взгляд диссертанта, А. Е. Постников дает достаточно полное описание основ конституционного строя, раскрывая их содержание следующим образом: 1) государство с демократическим устройством и республиканской формой правления; 2) суверенное государство; 3) народовластие; 4) правовое государство; 5) наивысшей ценностью признаются права и свободы человека; 6) разделение властей; 7) социальное государство; 8) принципы экономической системы страны; 9) автономность местного самоуправления; 10) разнообразие идеологий; 11) политическое многообразие, наличие множества партий, равноправие общественных организаций; 12) светское устройство государства. [111,с.53-74].

В Конституции КР содержатся схожие положения, закрепляющие принципы государственного и общественного устройства. Это позволяет утверждать, что основы конституционного строя охватывают общественные отношения, которые формируются и развиваются на основе реализации принципов государственного и общественного устройства.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение конституционных норм, в которых содержатся требования о равенстве граждан, недопустимости возбуждения гражданской ненависти и вражды, а также любых форм ограни-

чения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

В общем, эти положения можно назвать конституционными основами равенства граждан. Однако не все из них относятся к основам конституционного строя, так как закреплены не только в главе 1 Конституции КР. Например, статья 24, утверждающая принцип равенства, и статья 32, запрещающая пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, находятся в разделах 2 и 3 Конституции.

Тем не менее, нормы (включая запреты), которые определяют конституционные основы равноправия граждан и находятся в других главах Конституции КР, направлены на обеспечение основ конституционного строя, а именно стабильных общественных отношений. Это связано с тем, что многонациональный народ, выступающий единственным источником власти, существует в условиях равенства граждан, политического и идеологического разнообразия, а также свободы вероисповедания.

Важной частью основ конституционного строя выступает также обеспечение защищенности личности, общества и государства от экстремистских угроз, которое рассматривается как отдельный объект уголовно-правовой охраны. Правовой основой обеспечения охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности КР, как уже отмечалось ранее, является Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» (2005 г.) [178].

Таким образом, в системе уголовно-правовой защиты основ конституционного строя, как объекта преступных посягательств, значимыми являются общественные отношения, необходимые для поддержания: 1) ключевых принципов государственного и социального устройства; 2) равноправия граждан; 3) безопасности личности, общества и государства от экстремистских угроз.

Преступления, покушающиеся на основы конституционного строя, можно разделить на две категории. Первая категория охватывает преступле-

ния, направленные против конституционных основ государственной и общественной структуры (см. статьи 326, 327, 329, а также 333-335 УК КР). Вторая категория включает преступления, посягающие на равноправие граждан и безопасность в контексте экстремистских угроз, к этой категории относятся нормы из статей 328, 330, 331 и 332 УК КР, относящиеся к экстремистской деятельности.

Эта классификация условна, так как многие из рассматриваемых преступлений можно отнести к обеим категориям одновременно. Это связано с природой экстремизма: используя положения Закона КР «О противодействии экстремистской деятельности» и нормы УК КР, его можно определить как незаконные действия, причиняющие значительный ущерб общественным отношениям, регулируемым нормами конституционного права, которые устанавливают основы конституционного строя и равноправие граждан, а также вводят запреты на экстремистскую деятельность. Основными характеристиками экстремизма являются:

1) *деятельный характер* (экстремизм можно определить исключительно через деяния, в то время как приверженность радикальным идеям, убеждениям или оценкам не может считаться экстремизмом);

2) *противоправность* (данная деятельность запрещена законом именно как экстремистская и лицо, ее осуществляющее, тем самым нарушает правовой запрет);

3) *специальная вредоносность* (особый характер общественной опасности, выражающийся в причинении вреда названным общественным отношениям).

Как обоснованно утверждает А. П. Кузнецов, экстремизм способен проникать во все области общественной жизни, нарушать единство и безопасность государства, подрывать принципы равноправия людей. Поэтому оказать точную и ясную классификацию преступлений, направленных против основ конституционного строя, представляется сложным.

Анализ различных составов преступлений, касающихся основ конституционного строя, будет проведён ниже, где будет дана характеристика непосредственного объекта каждого преступления. Традиционно рассматривается, что такой объект представляет собой конкретное общественное отношение, защищаемое соответствующей нормой уголовного права и на которое нацелено преступное деяние.

Необходимо иметь в виду, что, по мнению В. С. Комиссарова, из-за разнообразия и переплетения общественных отношений их определенные элементы могут входить в состав других общественных связей. Тем не менее, это уже будут иные общественные отношения, которые обладают отличным содержанием и, вероятно, они станут объектом посягательств иных преступлений [120, с.28]. Некоторые принципы конституционного строя действительно защищены нормативами других разделов Особенной части УК КР, что указывает на другой объект преступления и соответствующую правовую квалификацию. Например, общественные отношения, касающиеся обеспечения равноправия граждан, защищены не только статьей 330 УК КР, но и статьей 189 УК КР «Нарушение равноправия человека», которая находится в главе 27 «Преступления против гражданских и иных прав человека».

Общеизвестно, что элементы, составляющие общественные отношения, включают в себя:

- 1) участников, то есть субъектов этих отношений;
- 2) предмет, вокруг которого формируются и продолжаются отношения;
- 3) социально важную деятельность или связь, являющуюся сутью этих отношений.

При изучении конституционного строя и его основных принципов как общественных отношений, охраняемых уголовным правом, мы неизбежно обращаем внимание на правоотношения. Они проявляются как результат применения правовых норм к уже существующим общественным отношениям, а

также как новые общественные связи, формируемые нормами конституционного права.

Субъектами конституционно-правовых отношений являются:

- 1) социальные группы, народ, нации, этнические общности;
- 2) социальные образования – КР, городские и сельские поселения, а также другие территории;
- 3) Президент КР, Жогорку Кенеш КР, Кабинет министров и другие государственные органы КР;
- 4) избирательные комиссии;
- 5) органы местного самоуправления;
- 6) общественные объединения, территориальные и трудовые коллективы граждан;
- 7) физические лица – граждане, иностранные граждане и лица без гражданства.

Основной критерий выделения данных субъектов заключается в применении к ним конституционно-правовых норм [38,с.8], поэтому полностью исчерпывающий список подобных субъектов составить невозможно.

Идентификация участников социальных взаимодействий способствует не только выявлению тех связей, которые охраняются соответствующими нормами уголовного законодательства, но и пониманию их основной сущности. Это объясняется тем, что саму природу связи можно исследовать через анализ поведения участников, мотивированного тем объектом, из-за которого они вступают в социальное взаимодействие.

Предметом общественных отношений, рассматриваемых как объект преступного посягательства, является то, что служит поводом или причиной существования этих отношений. Когда отношения возникают между субъектами, они возможны лишь по поводу общего для них объекта, который, в свою очередь, обоюдно определяет взаимодействующие стороны. Исходя из этого, в

научных кругах делается вывод, что объектом отношений выступает всё, что составляет круг человеческих потребностей, и именно это обстоятельство вызывает появление и поддерживает функционирование самих отношений.

В научной среде распространено мнение, что когда в общественных отношениях нет материального объекта, его роль занимает определенное социальное благо (ценность), относительно которого люди вступают в отношения [55,с.28]. Кажется, что этот подход можно трактовать более широко, при этом избегая смешения терминов «предмет преступления» и «предмет общественных отношений»: в общественных отношениях, которые охраняются уголовным правом, предметом выступает интерес. Такие отношения формируются вокруг достижения или сохранения некой значимой социальной ценности. Именно осознанная потребность в данной ценности и является интересом.

Интересы называют «детерминирующим фактором формирования и развития права» и базой, поставляющей «фактический материал для создания норм права» [267,с.5-6].

Вопросы защиты различных интересов часто отражаются в формулировках уголовного закона. Например, в части 2 статьи 17 и примечании к статье 323 УК КР упоминаются интересы КР, что официально подтверждает наличие интересов государства. Поэтому можно заключить, что конституционно-правовые отношения, охраняемые уголовным законодательством, касаются конкретных интересов.

Содержание общественных отношений, защищаемых уголовным законодательством, во многом определяется тем интересом, вокруг которого они формируются.

Реализация политики уголовного права связана с определением тех интересов, которые она защищает с помощью своих средств. Соответственно, исходя из нарушенных интересов, можно объяснить природу объекта преступления, поскольку всякое преступление представляет собой конфликт интересов индивида и общества. [132,с.159]. Эффективная криминализация тех или иных

действий предполагает, прежде всего, точное определение интересов, которым причиняется вред. Это напрямую влияет на выполнение важнейшего требования уголовного законодательства — его социальной обусловленности.

Ранее было дано определение основ конституционного строя как объекта уголовно-правовой защиты: это общественные отношения, формирующиеся вокруг обеспечения: а) соблюдения государственных и общественных принципов; б) равенства всех граждан; в) безопасности личности, общества и государства от экстремистских угроз. Эти интересы представляют собой общественное понимание необходимости соблюдения вышеупомянутых принципов, равенства граждан, отсутствия угроз экстремистского характера и защиты от них.

С одной стороны, государство выступает как носитель соответствующих интересов, занимаясь конституционно-правовым регулированием для гарантирования существования и защиты социальных ценностей. С другой стороны, это неопределённая группа лиц, также испытывающих потребность в данных социальных ценностях, таких как граждане, их объединения и общество в целом.

Социальные взаимодействия, устанавливаемые между указанными субъектами для реализации этих интересов, вместе с самими субъектами и соответствующими интересами формируют традиционную трёхэлементную структуру конституционно-правовых отношений, находящихся под охраной норм главы 41 УК КР.

Третьим элементом структуры общественных отношений является социальная связь. Взаимодействие и взаимосвязь субъектов составляют содержание таких отношений [55, с.58]. В силу того, что речь идет о правовых связях, основное значение в построении этих связей имеют соответствующие права и обязательства их участников. Важно принимать во внимание, что в конститу-

ционно-правовых отношениях присутствует особенность: воля хотя бы одной из сторон обладает государственно-властным характером [152,с.67]. Деятельностью субъектов этих правоотношений, значимой в качестве основы конституционного строя, защищаемой уголовным правом, является поведение, осуществляемое в рамках конституционно-правовых норм, которые устанавливают данные основы, а также права и обязательства субъектов.

Таким образом, исследование основ конституционного строя и безопасности государства в качестве объектов уголовно-правовой охраны и защиты привело к следующим выводам.

1) в юридической науке выделяются два подхода к определению понятия конституционного строя - юридический и аксиологический. Юридический подход – исследуемые категории рассматриваются с точки зрения их закрепления в законодательстве. Аксиологический подход позволяет определить соответствие исследуемого явления или категории демократическим ценностям;

2) основы конституционного строя – это основополагающие начала, составляющие идейную и нормативную базу всей системы конституционного права. Они представляют собой концентрированно выраженные и обобщенные общепризнанные нормы поведения субъектов конституционно-правовых отношений по поводу наиболее важных вопросов: определения формы правления, государственного устройства и политического режима;

3) общественные отношения, которые обеспечивают основу конституционного строя в качестве объекта уголовно-правовой защиты, формируются вокруг: а) соблюдения принципов конституционного устройства государства и общества; б) равенства всех граждан; в) защиты личности, общества и государства от экстремистских угроз;

4) родовым объектом преступлений против основ конституционного строя являются общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения государством жизнедеятельности общества, возможное при условии

надлежащего обеспечения безопасности государства и охраны основ конституционного строя;

5) уголовно-правовое обеспечение охраны и защиты основ конституционного строя и безопасности государства выражается в криминализации общественно опасных деяний, получивших нормативное закрепление в гл. 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»;

6) преступления против основ конституционного строя – это преступления против конституционных основ государственного и общественного устройства, равенства граждан и преступления экстремистской направленности.

4.2 Уголовно-правовые основы реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства

Как известно, Конституция является основным нормативным правовым актом, в котором закреплены цели, задачи, а также принципы деятельности государства по обеспечению безопасности народа. Ответственность за преступления, посягающие на конституционные ценности, как уже отмечалось, предусмотрена в главе 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Особенность этих положений заключается в следующем.

Во-первых, изменено местоположение указанных преступлений в Особенной части УК КР. Для сравнения, в УК КССР 1960 г. нормы, предусматривающие ответственность за государственные преступления, были расположены в начале Особенной части уголовного закона. Реформа уголовного законодательства привела к пересмотру иерархии демократических ценностей, в результате чего в новом УК данные преступления помещены в гл. 41, подтверждая тем самым конституционный принцип приоритета общечеловеческих ценностей – жизни, прав и свобод человека и гражданина;

Во-вторых, УК КССР 1960 г. в главе о государственных преступлениях объединил два раздела - об особо опасных государственных преступлениях и об иных государственных преступлениях (всего шесть составов преступлений). Фактически последние посягали не на интересы государства, а на основы государственного управления в различных сферах (например, в области обороноспособности, неприкосновенности государственных границ, нормальной работы железнодорожного, водного и воздушного транспорта, денежной и кредитной системы и т.д.).

В связи с этим указанные преступления в новом УК КР расформированы по другим главам Особенной части в зависимости от их направленности на

тот или иной объект уголовно-правовой охраны. К примеру, нормы об ответственности за бандитизм (ст. 230) была только в УК 1997 г. и не вошла в УК КР 2017 и 2021 гг.; массовые беспорядки находились в УК КР 1997 г. (ст. 233), в УК КР 2017 г. (ст. 264) и в УК КР 2021 г. (ст. 278) помещены в главу «Преступления против общественного порядка»; уголовная норма, предусматривающая ответственность за незаконное пересечение государственной границы КР (ст. 378) помещена в главу «Преступления против порядка управления», а норма о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного (ст. 311) в главу «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта и магистральных трубопроводов» и т.д.

В-третьих, УК КР 1997, 2017 и 2021 гг. вводит понятие преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства (13 составов преступлений).

В-четвертых, формулировка статей об ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства лишена идеологизированности, которая была характерна для соответствующих составов УК КССР.

В-пятых, этап формирования уголовного законодательства по борьбе с государственными преступлениями сопровождался процессами криминализации и декриминализации деяний. Введена уголовная ответственность за насильственный захват или удержание власти (ст.326 УК КР) и за вооруженный мятеж (ст.329 УК КР), а исключена ответственность за вредительство и две формы измены Родине – бегство за границу и отказ возвратиться из-за границы.

№	Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2021 года (период действия с 28 октября 2021 года по настоящее время)	
Глава 41. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства		
1.	Ст. 323	Государственная измена

2.	Ст. 324	Шпионаж
3.	Ст. 325	Диверсия
4.	Ст. 326	Насильственный захват власти
5.	Ст. 327	Публичные призывы к насильственному захвату власти
6.	Ст. 328	Сепаратистская деятельность
7.	Ст. 329	Вооруженный мятеж
8.	Ст. 330	Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной межрегиональной вражды (розни)
9.	Ст. 331	Создание и финансирование экстремистской организации
10.	Ст. 332	Изготовление, распространение экстремистских материалов
11.	Ст. 333	Разглашение государственных секретов
12.	Ст. 334	Утрата носителей сведений, содержащих государственные секреты
13.	Ст. 335	Передача или собирание с целью передачи иностранным сведений, составляющих служебную тайну
Итого:		13 составов

Необходимо отметить, что данные изменения не имеют никакой связи с уменьшением общественной опасности данных преступлений. Как было указано ранее, они обусловлены тем, что среди задач нового УК КР на первом месте стоит защита интересов личности и гражданина, его прав и свобод, что является высшей ценностью для общества и государства.

Как уже отмечалось, в основу выделения главы 41 УК КР положен общий родовой объект посягательства этих преступлений, который включает две составные части – основы конституционного строя и безопасность государства.

Конституционный строй как объект уголовно-правовой охраны и защиты подробно рассмотрен в предыдущей главе. Что касается основных объектов безопасности применительно к комментируемой группе преступлений, то к ним относятся: конституционный строй, суверенитет, обороноспособность и территориальная целостность государства.

Суверенитет подразумевает главенство государственной власти внутри страны и её независимость в международных отношениях. Суверенитет представляет собой ключевую характеристику автономии и независимости как власти, так и государства в целом.

Обороноспособность определяется состоянием экономического, военного и социального потенциала, который способен обеспечить защиту суверенитета и территориальной целостности государства от внешней агрессии.

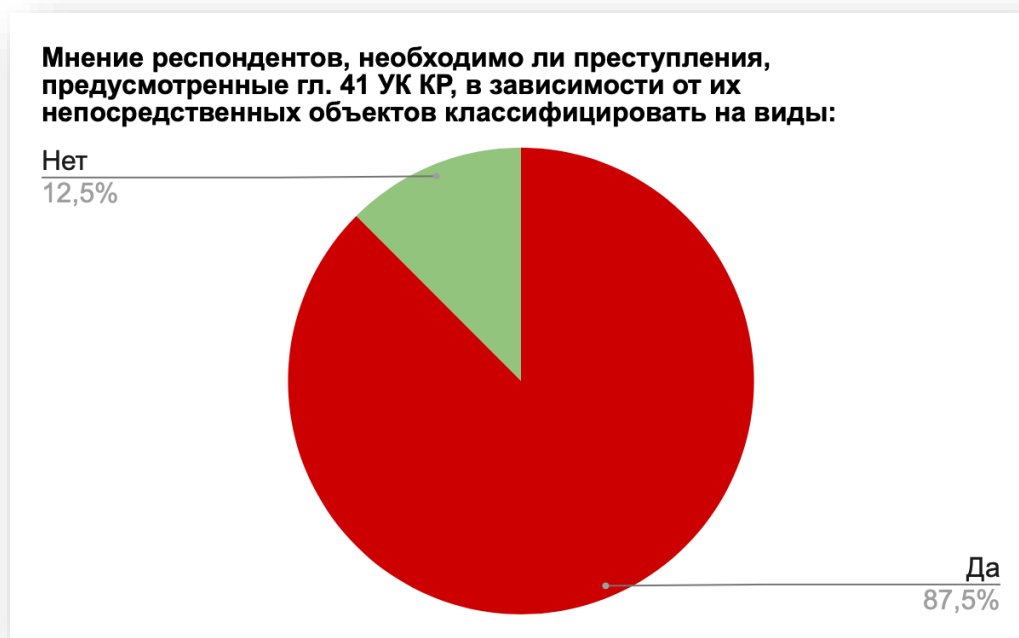
Территориальная неприкосновенность означает неделимость, неотчуждаемость территории Кыргызской Республики и нерушимость её государственных границ — как сухопутных, так и воздушных.

Предмет посягательства выступает самостоятельным признаком только в некоторых составах преступлений. Так, при шпионаже (ст. 324 УК КР) предметом являются сведения, составляющие государственные секреты, а при определенных условиях (задание иностранной разведки) - и иные сведения. В диверсии (ст.325 УК КР) предметом преступления выступают предприятия, сооружения, пути и средства сообщения, средства связи и объекты жизнеобеспечения населения. Предметом могут быть документы, содержащие государственные секреты, а также предметы, сведения о которых составляют государственные секреты (ст.333 УК КР).

Объективная сторона почти всех преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства характеризуется действиями. И только разглашение государственных секретов (ст.333 УК КР), утрата носителей сведений, содержащих государственные секреты (ст.334 УК КР) с объективной стороны могут характеризоваться как действиями, так и бездействием. Квалифицированный состав разглашения государственных секретов и состав утраты носителей сведений, содержащих государственные секреты, а также три формы диверсии законодателем сконструированы как материальные, а остальные составы являются формальными, т.е. преступления считаются оконченными с момента совершения описанных в законе действий, независимо от наступления каких-то вредных последствий.

Субъективная сторона рассматриваемой группы преступлений характеризуется умышленной формой вины, причем умысел может быть только прямым. Исключение составляют такие составы как разглашение государственных

секретов, которое может быть совершенно как умышленно, так и по неосторожности и утрата носителями сведений, содержащих государственные секреты, для которой характерна только неосторожная форма вины. В материальных составах виновный создает общественно опасный характер совершаемых действий, предвидит возможность или неизбежность общественно опасных последствий, и желает их наступления, а в формальных - достаточно осознание лицом общественно опасного характера совершаемого действия и желания его совершить.

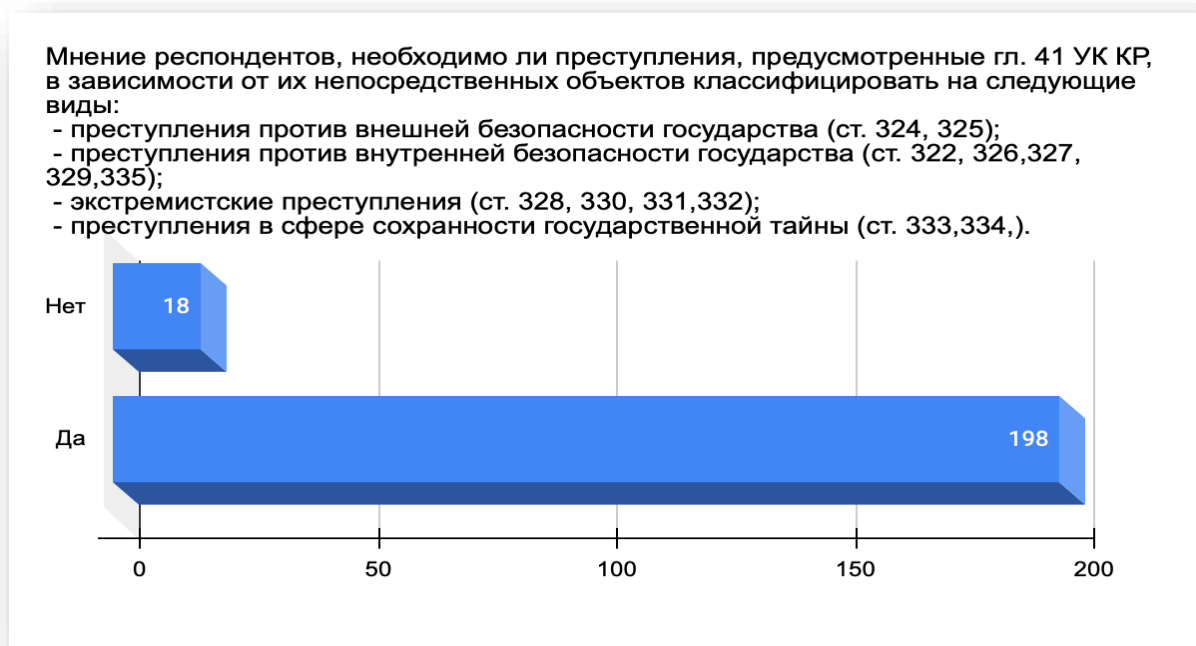

Диссертант считает, что преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, в зависимости от непосредственного объекта, следует классифицировать следующим образом:

- 1) преступления против внешней безопасности государства (ст. 324, 325);
- 2) преступления против внутренней безопасности государства (ст. 323, 326,327, 329,335);
- 3) экстремистские преступления (ст. 328, 330, 331,332);

4) преступления в сфере сохранности государственных секретов (ст. 333,334,).

Данную классификацию поддержали респонденты, принявшие участие в анкетировании (89 % - за, 11 % - против,).

Преступления против внешней безопасности государства (ст. 324, 325 Уголовного кодекса Кыргызской Республики)

Шпионаж (ст. 324 УК КР).

Система мер, направленных на защиту национальной безопасности КР, представлена также средствами уголовно-правового реагирования на преступные посягательства в рассматриваемой сфере.

Шпионаж - одно из древнейших преступлений. Всякая зарубежная разведка имеет своей задачей не только собирать определенные сведения, но и вербовать граждан другой страны для оказания разведке такой помощи. Но УК не сводит шпионаж лишь к связи с иностранными разведслужбами. Согласно УК, шпионаж как «Передача, собирание, хищение или хранение с целью передачи иностранному государству, иностранной организации или их представи-

телям сведений, составляющих государственные секреты, а равно передача, соби́рание или хищение по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб безопасности Кыргызской Республики, совершенные иностранным гражданином или лицом без гражданства передачу» [237].

Анализ официальных статистических данных показывает, что случаи осуждения за его совершение единичны и, в основном, на них наложен гриф секретности. По мнению диссертанта, даже незначительное их количество наносит существенный вред государству. Такое положение дел свидетельствует, прежде всего, о высоком уровне превентивной работы органов национальной безопасности по предупреждению совершения рассматриваемого преступления.

Так, некоторые факты шпионажа освещались в средствах массовой информации. Так, в газете «Дело №» в номере за 19 сентября 2018 года была опубликована статья под заголовком «Офицеры МВД Кыргызстана шпионили на посольство США». Там указано, что бывшие сотрудники МВД, ныне работающие в охране Посольства США Самат Шерипбеков и Кумарбек Чалданбаев, и действующие офицеры МВД Мирлан Тойчиев и Эмилбек Карачев были признаны виновными в «передаче или собирании с целью передачи иностранным организациям сведений». В Верховном суде сообщили, что дело рассматривалось в Первомайском районном суде, но на него наложен гриф секретности. В Посольстве США информацию не комментируют.

Анализ признаков данного состава преступления показывает, что непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие внешнюю безопасность государства.

Нормативно-правовую основу обеспечения национальной безопасности КР составляет Конституция, законы, а также подзаконные акты органов национальной безопасности. В современных условиях национальная безопасность является категорией многоплановой, ценностной и социально-философской.

Предмет шпионажа в диспозиции анализируемой ст. 324 УК КР представлен сведениями, которые в соответствии с законодательством и иными нормативными правовыми актами отнесены к государственным секретам, а также сведениями, которые могут быть использованы в ущерб национальной безопасности КР.

Поскольку определение иных сведений не закреплено на законодательном уровне, к ним представляется возможным отнести различные карты, схемы местности, данные о составе воды на определенной территории страны, информация о конкретных лицах, сведения об объектах, имеющих стратегическое значение, и др. При этом следует уточнить, что собирание или передача сведений, не составляющих государственные секреты, считаются шпионажем при наличии двух условий: а) когда эти действия совершены по заданию иностранной разведки; б) они предназначены для использования в ущерб внешней безопасности.

К иным сведениям могут также относиться: морально-психологическое состояние населения, нравственные устои, предпочтительные ценности, реакция на определенные события в стране, уровень заболеваемости и многие другие. Важно, что для состава шпионажа их собирание и передача должны формировать возможность причинения вреда интересам государства.

Объективная сторона шпионажа выражается в активных действиях. По своему характеру диспозиция - альтернативная. Установление в действиях лица действий по собиранию сведений предполагает доказательство фактов любых способов незаконного изъятия добываемых сведений у их владельца. Исключение составляет их похищение, образующее самостоятельно закрепленный способ оборота со сведениями, указанными в диспозиции ст. 324 УК КР. Владельцами таких сведений может быть неограниченный круг лиц как физических, так и юридических. Их организационно-правовая форма значения для квалификации не имеет. Среди наиболее распространенных способов являются про-

слушивание (подслушивание), копирование, фотосъемка, информационное пиратство и др.

Хищение как частный случай собирания – это самостоятельное действие шпионажа по аналогии с хищениями чужой собственности, похищением сведений, являющихся предметом шпионажа, может быть по своему характеру тайным или открытым, сопровождающимся нападением. Предметом хищения, как правило, становятся носители информации - технологическая брошюра, образец изделия, деталь, чертеж, материалы и др.

Правовым значением для квалификации по ст. 324 УК КР будет обладать хранение самостоятельным действием субъекта шпионажа, если, например, он сам их не добывал, но получил от третьих лиц на сохранение. Место хранения квалификационного значения не имеет. Это может быть или личное жилище, или производственные помещения, или специально оборудованный тайник.

Диверсия (ст. 325 УК КР). Стоит отметить, что в связи со сложившимися историческими событиями само понятие «диверсия» толкуется не всегда так, как предусмотрено УК КР. Чаще всего под диверсией принято понимать военные операции, проводимые специальными группами с целью отвлечения внимания противника или же его дезориентации.

Согласно ст. 325 УК КР, под диверсией следует понимать «Совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности или обороноспособности либо с целью дестабилизации деятельности государственных органов или общественно-политической обстановки Кыргызской Республики».

Объективная сторона данного состава преступления выражена в форме активных действий в виде совершения взрывов, поджогов и иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объ-

ектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, а также средств жизнеобеспечения населения. Под повреждением и разрушением следует понимать приведение объектов в частичную или же полную негодность. Состав данного состава является формальным, преступление считается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона выражается в прямом умысле и наличии определенной цели, а именно подрыв экономической безопасности и обороноспособности КР.

В связи с напряженной геополитической обстановкой в мире, связанной с проведением Специальной военной операции в Украине, усилением радикальных исламских настроений в центрально-азиатском регионе, особое внимание уделяется возможным проявлениям диверсии. В первую очередь, это касается таких стратегических объектов как Туннель «Тоо-Ашуу» длиной 3 км, который проходит сквозь Кыргызский хребет по дороге на юг страны, ТЭЦ г. Бишкек и т.д. Полный перечень стратегических объектов КР, утвержденный постановлением Правительства КР от 17 февраля 2014 г. за № 99 [182] представлен в ниже указанной таблице.

Перечень стратегических объектов КР

Объекты, имеющие значение для управления государством	Объекты жизнеобеспечения	Объекты, имеющие значение для экономики, и объекты повышенной опасности
Категория «А» (особо важные объекты)		
1. Здания, сооружения и прилегающая к ним территория, в которых временно или постоянно размещены объекты государственной охраны Кыргызской Республики.	1. Фонд государственных материальных резервов при Правительстве Кыргызской Республики. 2. ГП «Кыргызавионавигация». 3. ОАО «Международный	1. ОАО «Электрические станции»: Токтогульская ГЭС Таш-Комурская ГЭС Шамалды-Сайская ГЭС Курпсайская ГЭС Уч-Коргонская ГЭС

<p>2. Имущество, в том числе военная техника и оборудование, используемые Вооруженными Силами Кыргызской Республики.</p> <p>3. Национальный банк Кыргызской Республики.</p> <p>4. ГП «Правительственная связь».</p> <p>5. Объекты Кыргызской Республики, находящиеся за рубежом</p>	<p>аэропорт «Манас» в городе Бишкек и его филиал в городе Ош.</p> <p>4. Центр диспетчерского управления энергосистемами Кыргызской Республики.</p> <p>5. Республиканское производственное объединение радиорелейных магистралей телевидения и радиовещания.</p> <p>6. Системные подстанции ОАО «НЭС Кыргызстана» напряжением 500 кВ и выше.</p> <p>7. Водохранилища: Кировское Орто-Токойское Папанское</p>	<p>Ат-Башинская ГЭС Камбаратинская ГЭС-1 Камбаратинская ГЭС-2 ТЭЦ города Бишкек ТЭЦ города Ош.</p> <p>2. ЗАО «Кумтор опереитинг компани»</p>
Категория «Б» (важные объекты)		
<p>1. Административные здания и сооружения центральных аппаратов государственных органов Кыргызской Республики.</p> <p>2. Областные филиалы Национального банка Кыргызской Республики.</p> <p>3. Общественная телерадиовещательная корпорация Кыргызской Республики.</p> <p>4. Телерадиовещательная компания Кыргызской Республики «Общественное телевидение – ЭлТР».</p> <p>5. Исправительные и воспитательные колонии, следственные изоляторы, тюрьмы и колония-поселение № 52 (г.Токтогул)</p>	<p>1. Организации здравоохранения, имеющие статус «национальный», областные объединенные больницы, склады хранения вакцин и оборудования.</p> <p>2. ОАО «Авиакомпания «Кыргызстан».</p> <p>3. Филиал ОАО «Международный аэропорт «Манас» в городе Джалал-Абад, городе Баткен и селе Тамчи.</p> <p>4. Железнодорожные вокзалы, мосты, пути и иное недвижимое имущество ГП «НК «Кыргыз темир жолу», обеспечивающее железнодорожные перевозки.</p> <p>5. ОАО «Кыргызтелеком».</p> <p>6. Операторы мобильной сотовой связи с абонентской базой свыше 1 млн. человек.</p> <p>7. ОАО «Кыргызгаз».</p> <p>8. ГП «Кыргызпочтасы» и его сеть.</p> <p>9. ОАО «РСК Банк».</p> <p>10. ОАО «Айыл Банк».</p> <p>11. ОАО «Северэлектро».</p> <p>12. ОАО «Востокэлектро».</p> <p>13. ОАО «Ошэлектро».</p> <p>14. ОАО «Жалалабатэлектро».</p>	<p>1. ОАО «Кара-Балтинский горнорудный комбинат».</p> <p>2. ОАО «Кыргызалтын».</p> <p>3. «Айдаркенское ртутное акционерное общество».</p> <p>4. ОАО «Бишкекский машиностроительный завод».</p> <p>5. ГП «Бишкекский штамповочный завод».</p> <p>6. ОАО «Транснациональная корпорация «Дастан».</p> <p>7. ОсОО «СП «Озеро».</p> <p>8. ОАО «Улан».</p> <p>9. ЗАО «Полигон».</p> <p>10. ОАО «Кыргызнефтегаз».</p> <p>11. ОАО «Кыргызский химико-металлургический завод».</p> <p>12. Торгово-рыночный комплекс «Дордой».</p> <p>13. Торгово-рыночный комплекс «Тураталы эл базары».</p> <p>14. Хвостохранилища горно-металлургического производства</p>

	<p>15. Системные подстанции ОАО «НЭС Кыргызстана» напряжением от 220 кВ до 500 кВ.</p> <p>16. Водозаборные сооружения с резервуарами питьевой воды.</p> <p>17. Водохранилища: Базар-Коргонское Сокулукское Нижне-Ала-Арчинское Ала-Арчинское русловое Спартак Кара-Бууринское Торт-Гульское Найманское</p>	
Категория «В» (значимые объекты)		
<p>1. Административные здания и сооружения аппаратов полномочных представителей Правительства Кыргызской Республики, мэрий городов Бишкек и Ош, и территориальных подразделений государственных органов Кыргызской Республики.</p> <p>2. Национальная академия наук Кыргызской Республики и ее научные лаборатории и станции.</p> <p>3. Национальный архивный фонд и объекты историко-культурного наследия международного значения.</p> <p>4. Имущество, используемое гидрометеорологической, сейсмологической и экологической службами</p>	<p>1. Филиал ОАО «Международный аэропорт «Манас» в городах Каракол, Талас и Нарын.</p> <p>2. ГП «Бишкекский автовокзал».</p> <p>3. ГП «Чыгыш автовокзалы».</p> <p>4. ОАО «Бишкектеплосеть».</p> <p>5. КП «Бишкектеплоэнерго».</p> <p>6. МП «Ошское Теплоснабжение».</p> <p>7. ГП «Кыргызжилкоммунсоюз».</p> <p>8. Системные подстанции ОАО «НЭС Кыргызстана» напряжением от 110 кВ до 220 кВ.</p> <p>9. Мост на 120 км автодороги Бишкек-Нарын-Торугарт.</p> <p>10. Мосты на 316 км, 427 км, 435км и 452 км автодороги Бишкек-Ош.</p> <p>11. Тоннели на 132 км (им. К.Кольбаева), 409 км, 411 км, 427 км и 453 км автодороги Бишкек-Ош.</p> <p>12. Ледники, реки и естественные озера.</p> <p>13. Лесной фонд, объекты лесного хозяйства, имеющие статус национальных заповедников,</p>	<p>1. ОАО «Кантский цементный завод».</p> <p>2. ЗАО «Южно-Кыргызский цементный завод».</p> <p>3. ОАО «Кадамжайский сурьмяный комбинат».</p> <p>4. ОАО «Завод «Айнур».</p> <p>5. ОАО «Завод «Нур».</p> <p>6. ОсОО «Майлуу-Сууйский ламповый завод».</p> <p>7. ОАО «Чакан ГЭС».</p> <p>8. Имущество, используемое санитарно-эпидемиологической и карантинной службами.</p> <p>9. Склады нефтепродуктов объемом свыше 2000 м³.</p> <p>10. Месторождения полезных ископаемых: Талды-Булак Левобережный Джеруй Алтын Джилга Бозымчак Куру-Тегерек Трудовое</p>

	заказников, природных парков, особых биосферных территорий	Учкошкон Кенсу Джетымское Кутессай-2 Калесай Сандык Зардалек Тегене Туюк-Каргаша Минкуш Кара-Кече Сулюкта (поле 11) Кок-Янгак Кок-Кия
--	--	--

Среди последних примеров диверсии, совершенной на территории КР, следует отметить аварию на ТЭЦ г. Бишкек, произошедшую 2 февраля 2024 г. По данному факту возбуждено уголовное дело. Государству причинен ущерб в особо крупном размере [3].

Преступления против внутренней безопасности государства (ст. 323, 326, 327, 329, 335 УК КР)

Государственная измена (ст. 323 УК КР). Согласно диспозиции ст. 323 УК КР «Государственная измена, то есть выдача государственных секретов, шпионаж либо иное оказание помощи иностранному государству или иностранной организации в проведении деятельности в ущерб внешней безопасности Кыргызской Республики, совершенная гражданином Кыргызской Республики» [237].

Учитывая повышенную общественную опасность государственной измены, законодатель расположил данную норму в самом начале гл. 41 УК КР; остальные составы располагаются в порядке уменьшения общественной опасности преступных деяний.

Анализируя данную норму, диссертант отмечает, что само определение преступного деяния вызывало дискуссию среди ученых. Во-первых, сам термин свидетельствует об измене гражданина КР государству, т.е. КР, что приво-

дит к выводу о том, что название ст. 323 УК «Государственная измена» не соответствует содержанию диспозиции анализируемой нормы.

На это обращали внимание многие ученые, отмечая, что в термине «государственная измена», слово «государственная» - это относительное прилагательное, которое определяет существительное «измена», и в данном случае имеет значение «относящаяся к государству или принадлежащая государству».

В.И. Даль термин «государственный» трактовал как «до государства относящийся», т.е. «государственная» собственность – это собственность государства, «государственная» безопасность – это безопасность государства, «государственная» измена – это измена государства, а не государству. Руководствуясь приведенным, можно констатировать, что в названии ст. 232 УК КР речь шла об измене государства, а в диспозиции данной статьи говорилось об измене государству – КР.

В связи с этим диссертант отмечает, поскольку ст. 323 УК КР устанавливала ответственность именно за измену КР как государству, а не за измену государства, то «государственная измена» – это измена государства. Подобное в уголовном праве называется уголовно-правовой фикцией. Во изменение ситуации верным виделось следующее название нормы «Измена Кыргызской Республики».

Анализ проведенного исследования позволяет обозначит ряд выводов, при которых, во-первых, историография свидетельствует о том, что впервые термин «государственная измена» получил законодательную регламентацию в дореволюционный период в декрете ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об ответственности за государственную измену». В декрете СНК от 23 сентября 1919 г. «Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царском и буржуазном строе» содержалось предписание подвергать «конфискации и каре» уличенных в государственной измене.

Во-вторых, анализ литературы свидетельствует, что понятие «государственная измена», как правило, включает в себя посягательство на безопасность страны. Между тем, внешняя безопасность неразрывно связана с ее внутренним политическим положением. В условиях советского периода понятие государственной измены неизбежно получало «иное и более широкое значение, охватывая не только посягательства на внешнюю безопасность Союза, но и посягательства на его внутреннее политическое устройство, поскольку эти посягательства осуществляются при помощи внешних сил».

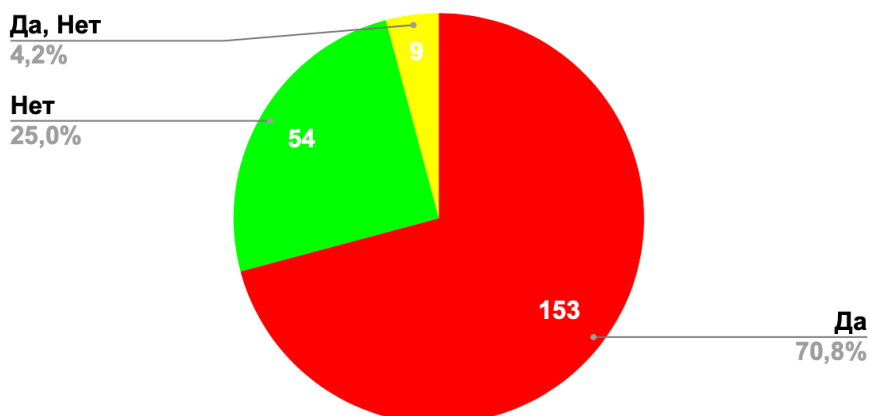
В-третьих, действующая редакция ст. 323 УК КР раскрывает государственную измену как «... выдача государственных секретов, шпионаж либо иное оказание помощи иностранному государству или иностранной организации в проведении деятельности в ущерб внешней безопасности Кыргызской Республики, совершенная гражданином Кыргызской Республики».

Из опубликованных источников известно, что в КР есть примеры привлечения к уголовной ответственности за совершение данного преступления [116].

Результаты проведенного диссертантом социологического исследования показали, что на вопрос «Считаете ли вы правильным введение новой статьи в главу 41 УК КР (ст. 323) «Измена Отечеству»: «Шпионаж, совершенный гражданином Кыргызской Республики, а равно оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении деятельности в ущерб внешней безопасности Кыргызской Республики - наказывается лишением свободы от 5 до 10 лет», - 70,8 % респондентов дали положительный ответ.

Высочайшая степень общественной опасности государственной измены требует тщательного исследования объективных и субъективных признаков данного состава преступления, что, в конечном счете, явится основой реализации правового механизма привлечения к уголовной ответственности виновных в совершении данного преступления.

Мнение респондентов о правильности введения новой статьи в главе 41 УК Кыргызской Республики Статья 323.1. Измена Отчеству «Шпионаж, совершенный гражданином Кыргызской Республики, а равно оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении деятельности в ущерб внешней безопасности Кыргызской Республики - наказывается лишением свободы от 5 до 10 лет»:

Насильственный захват власти (ст. 326 УК КР). Власть воплощает государственные структуры и является символом суверенитета страны.[40,с.98]. Ее эффективное функционирование обеспечивает устойчивость всего государства, что подчеркивает важность защиты власти от насильственных атак, нацеленных на захват или удержание. Такие действия зачастую вызваны так называемыми «цветными революциями», организация которых требует значительных ресурсов. Борьба с этой разрушительной деятельностью требует применения самых строгих законодательных мер ввиду ее чрезвычайно высокой социальной опасности.

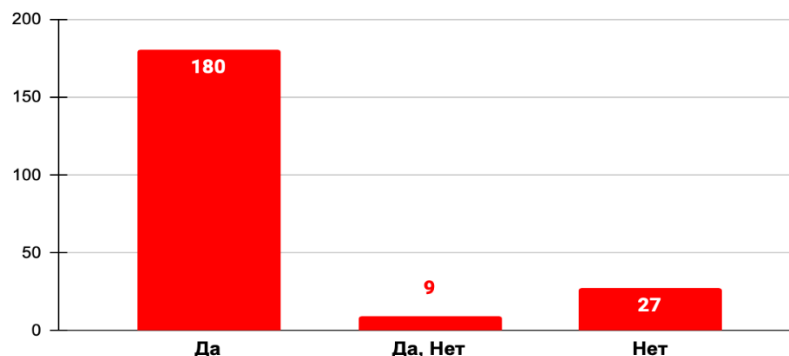
В этом контексте стоит отметить точку зрения министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, который утверждает, что «цветные революции» «... вроде бы происходят изнутри, но самым активным образом подогреваются извне. Когда они состоялись, и внутри страны произошли некие изменения (большей частью это смена режима), то эти события оказывают серьезнейшее дестабилизирующее влияние на международную политику» [47].

Генеральный секретарь ОДКБ Н. Бордюжа в своем докладе отметил, что нет сомнений в том, что практически все недавние события в мире, связанные с насильственной сменой правительств, были тщательно спланированы и управляемы: «Все так называемые «цветные революции» тщательно готовятся, прежде всего, в плане заблаговременного создания и обучения «лидеров» и специальных групп, способных организовывать протестные акции населения для оказания мощного информационно-психологического давления на власть... Характерным в последнее время стал неприкрытый циничный характер внешнего управляющего воздействия на «революционную активность масс», а также скоординированная мощная информационная поддержка, не гнушающаяся масштабного применения так называемых двойных стандартов, использования криминала и различных экстремистских движений для достижения целей» [35].

Объектом рассматриваемого преступления выступают политические основы конституционного строя в той части, в которой определяется порядок формирования и функционирования органов власти, легитимного получения соответствующих полномочий и их прекращения. Этот вывод сделан на основании характера деяний, описанных в ст. 326, 327 УК КР, и с учетом расположения этой нормы в разделе X УК КР «Преступления против государственной власти».

К незаконному получению полномочий во власти могут привести и фальсификация избирательных документов или документов референдума, а также искажение результатов голосования. Тем не менее, такие посягательства классифицируются как преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 199 УК КР).

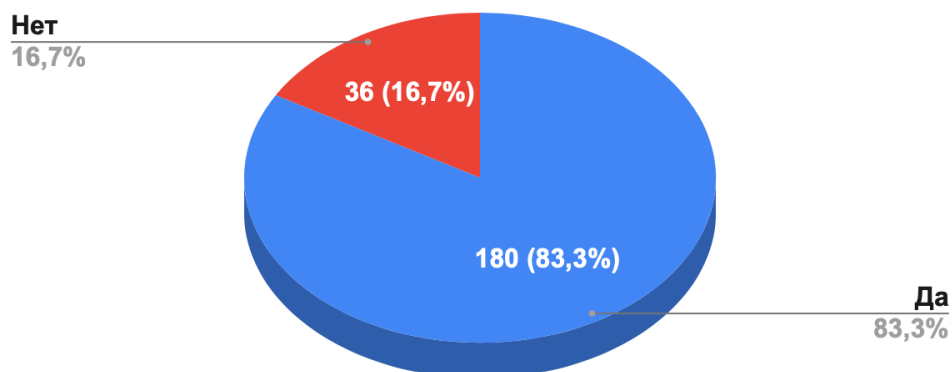
Мнение респондентов является ли фальсификация избирательных документов или документов референдума (ст. 199 УК КР), а также заведомо неправильное установление результатов выборов действиями, направленными против основ конституционного строя и безопасности государства:

В результате проведенного диссертантом анкетирования респондентов по вопросу «Подпадают ли фальсификация избирательных документов или документов референдума, а также итогов голосования под преступления, предусмотренные ст. 326, 327 УК КР», 216 респондентов утвердительно ответили «да».

На вопрос о том, признается ли фальсификация избирательных документов (ст. 199 УК КР) действиями, направленными против основ конституционного строя и безопасности государства», 83,3 % респондентов дали утвердительный ответ.

Мнение респондентов о необходимости включить в статью фальсификацию избирательных документов или документов референдума (ст. 199 УК КР) – фальсификацию итогов голосования и признать их действиями, направленными против основ конституционного строя и безопасности государства:

В качестве основного непосредственного объекта данного преступления являются также общественные отношения, «... обеспечивающие охрану основ конституционного строя, его экономических и социальных основ, политической системы и безопасности государства», а равно государственную безопасность, признаваемую одной из составляющих общественной безопасности [214,с.43].

Как отмечает Л. Л. Кругликов, «... насилие свидетельствует о наличии дополнительного или факультативного объекта уголовно-правовой охраны» [125,с.72]: Дополнительным объектом насильственного захвата власти или насильственного удержания власти выступает здоровье.

Объективная сторона выражается в совершении действий, альтернативно направленных на:

- 1) насильственный захват власти;
- 2) насильственное удержание власти;
- 3) насильственное изменение конституционного строя.

Попытки завладеть властью через насилие, прежде всего, связаны с влиянием на лиц, обладающих легитимными полномочиями. Это влияние может проявляться через применение физического насилия или угроз его использования, причинение вреда здоровью с целью вынудить отказаться от выполнения обязанностей, захват и насильственное перемещение этих людей, их изоляцию или, наоборот, препятствие их доступу к рабочим местам, блокирование зданий соответствующих инстанций. Возможны также посягательства на жизнь таких лиц. Такие действия чаще всего происходят в зданиях органов федеральной и другой государственной власти.

Действия, связанные с насильственным удержанием власти, характеризуются следующими признаками:

- а) полномочия были получены на законных основаниях;
- б) появились предусмотренные законом условия (например, окончание срока полномочий или избрание новых лиц), обязывающие сложить полномочия и передать их законным субъектам;
- в) данная обязанность не выполняется, и принимаются меры по её противодействию с использованием силы или угрозы её использования.

А. И. Рарог описывает удержание власти как нежелание передать власть, несмотря на итоги выборов, референдума или другого законного акта, основанного на Конституции. [246,с.563].

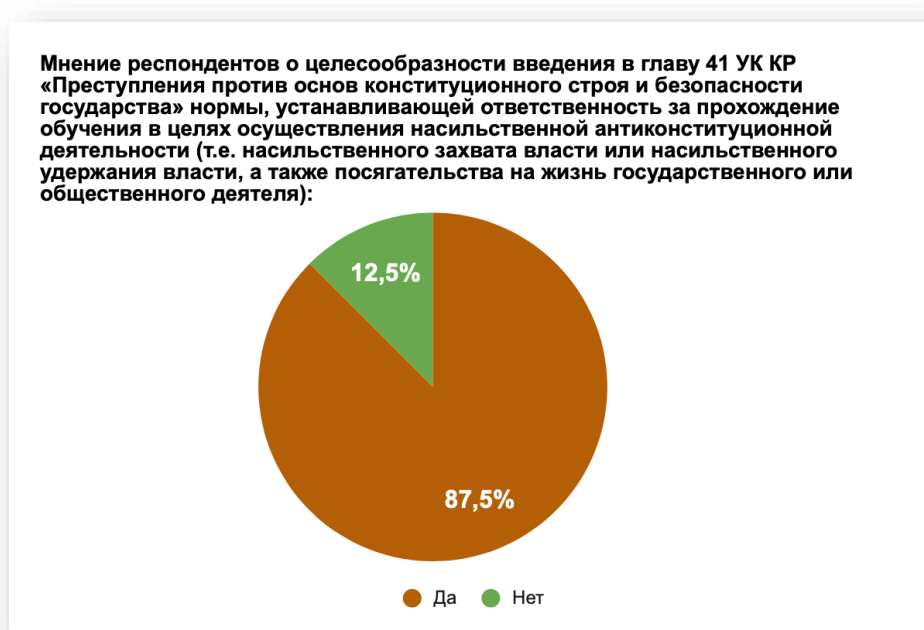
В самом описании действия в диспозиции как насильственного удержания власти подразумевается, что должны быть совершены насильственные акты по отношению к другим лицам, а не просто отказ сложить властные полномочия. Кажется, что успешный захват власти и последующее удержание её виновными не представляют собой эту отдельную форму указанного преступления, так как насильственный захват предполагает также и насильственное её удержание впоследствии.

Теоретически признаётся, что усилия по насильственному переустройству конституционного порядка представляют собой последующий шаг после

захвата или нелегитимного удержания власти, когда создаётся новая структура государственной власти и изменяется конституционный строй[187,с.52]. Это отражается в трансформации основных характеристик его основ, которые определяют общественный порядок, структуру государственной власти, тип правления, государственное и территориальное устройство, политический уклад и так далее.

Тем не менее, вызывает сомнения обоснованность включения этого действия в диспозиции ст. 326, 327 УК КР, поскольку изменение конституционного строя неразрывно связано с захватом власти или её насильственным удержанием, что само по себе образует состав данного преступления.

На вопрос «Считаете ли вы целесообразным введение в главу 41 УК КР норму, устанавливающую ответственность за прохождение обучения в целях осуществления насильственной антиконституционной деятельности (т.е. насильственного захвата власти или насильственного удержания власти, а также посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, 87, 5% респондентов дали положительный ответ [140].

Все три деяния, формирующие объективную сторону рассматриваемого преступления, обязательно включают в себя насилие. Это насилие может быть как физическим, так и психическим. Физическое насилие подразумевает воздействие на человеческое тело и его биологическую целостность, тогда как психическое насилие связано с влиянием на психику человека, чаще всего посредством различных угроз. При этом в теории психическое насилие делится на разные категории, включая угрозу физического насилия, угрозу уничтожения или изъятия имущества, а также шантаж[273,с.35]), в связи с этим следует определить, что психическое насилие при захвате или удержании власти должно быть связано исключительно с угрозой физического воздействия. Применение других методов негативного информационного влияния на человека не может быть рассмотрено в рамках статей 326 и 327 УК КР, так как они не подпадают под определение насилия (например, угрозы физической расправы и угрозы уничтожения или повреждения собственности).

Так, Р. Д. Шарапов утверждает, несмотря на то, что в доктрине уголовного права насилие подразделяется на физическое и психическое, тем не менее, согласно единой позиции участников дискуссии, в уголовном законе термином «насилие» обозначается только физическое насилие, ответственность за угрозу применения насилия оговаривается отдельно [274,с.112].

А. И. Рарог предлагает оптимальным решением унификацию терминов в уголовном законе, а также четкое разграничение на три категории: а) угроза применения насилия; б) насилие, не представляющее опасности для жизни или здоровья; в) насилие, ставящее под угрозу жизнь или здоровье. [198,с.86].

С учетом данного юридико-технического приема и в целях устранения возможных сомнений и затруднений в правовой оценке захвата власти и удержания власти термин «насильственный», используемый в диспозиции ст. 326, 327 УК КР, необходимо рассматривать как обозначающий захват власти или ее удержание с применением физического насилия или с угрозой его применения.

На квалификацию не влияет характер насилия, использованного или обещанного к применению (опасное или не опасное для жизни и здоровья). Это может быть учтено при вынесении приговора.

Результаты социологического опроса, в котором на вопрос «Считаете ли вы необходимым установить наказание в виде пожизненного лишения свободы (в качестве альтернативного) за насильственный захват власти или насильственное удержание власти?», 66,7% респондентов дали положительный ответ; 33,3 % - отрицательный [140].

Определение квалификации рассматриваемых действий обусловлено целями, которых преступники намерены достичь. Преступление считается законченным с момента совершения действий, направленных на принудительный захват власти, удержание власти с применением силы или насильственное изменение конституционного порядка, независимо от достижения конечного результата. Попытка совершить данное преступление вряд ли возможна: согласно части 1 статьи 37 УК КР, «Покушением на преступление считается действие с прямым умыслом, направленное непосредственно на совершение преступления, указанного в соответствующей статье Особенной части настоящего

Кодекса, если реализовать преступление до конца не удалось по независимым от лица причинам». Если попытаться применить это определение к описанию покушения на вышеуказанное преступление, получится фраза «действия (или бездействие), направленные на совершение действий, которые направлены на...», что противоречит нормативному описанию стадий совершения преступлений.

Обеспечение соответствующих условий для выполнения этих действий позволяет оценить совершенное как подготовку к преступлению.

Так, Х., А., Р. и другие члены «Партии исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») были осуждены по ч. 1 ст. 36 и ст. 326 УК КР за приготовление к совершению действий, направленных на насильственный захват власти и на насильственное изменение конституционного строя КР путем приискания соучастников и создания условий для совершения указанных действий. Как указал суд, Х., воздействуя на религиозные чувства и подменяя традиционное в Исламе понятие идеями подстрекательства мусульман к организованной антиконституционной деятельности, основанными на доктрине неременного поэтапного создания теократического унитарного государства – Всемирного Халифата, объединился с А., Р. и другими лицами в целях организации экстремистской деятельности созданного в г. Ош структурного подразделения международной террористической организации «Хизб ут-Тахрир».

Исследованные в судебном заседании доказательства подтвердили, что «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») для достижения своей конечной цели (создание «Всемирного исламского Халифата») предполагает прохождение трех этапов: первый – скрытый призыв к Исламу, второй – открытый призыв к Исламу, третий – захват власти (мирным или насильственным путем, в зависимости от политики государства), и что все подсудимые – члены этой организации – проводили на территории КР скрытый призыв, т.е. скрытно рассказывали о данной организации, призывали и вовлекали граждан Кыргызстана к вступлению в их организацию. Поскольку

наступление третьего этапа невозможно без прохождения первого и второго этапов, следует признать, что подсудимые совершали действия, направленные на приготовление к наступлению третьего этапа, а их действия охватывались скрытым призывом, т.е. дальнейшему изменению конституционного строя КР, основ ее политической системы и государственного устройства и к дальнейшему формированию новой системы органов власти насильственным путем. [140]

С другой стороны, если рассматривать действия «Партии исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), которые для достижения своей конечной цели предполагали прохождение трех этапов, то в этом случае, при совершении ими действий, связанных с открытым призывом, – то их действия следовало бы квалифицировать не по ч. 1 ст. 36 и ст. 326 УК КР за приготовление к совершению действий, направленных на насильственный захват власти и на насильственное изменение конституционного строя, а в соответствии с ч. 1 ст. 327 УК «Публичные призывы к насильственному захвату власти».

В этой связи диссертант отмечает, что при скрытом призыве действия виновных следует квалифицировать как приготовление к совершению противоправных действий, т.е. по ч. 1 ст. 37 и ст. 326 УК КР, а при открытых, то есть публичных призывах, как оконченное преступление по ст. 327 УК КР.

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом и специальной целью захвата или удержания власти, либо изменения конституционного строя, вытекающей из характера указанных в диспозиции обязательных признаков действий, образующих объективную сторону.

Если целью какой-либо преступной группировки являлся силовой захват власти или удержание её насильственными методами, а также радикальное изменение конституционного строя КР, то по статье 326 Уголовного кодекса КР квалифицироваться могут только действия тех членов объединения, которые осознавали эту цель и действовали с её учётом. Это также включает

лиц, которые не являются непосредственными участниками группировки, но оказывают ей содействие, что подтверждается судебной практикой[140].

Действия, имеющие политическую мотивацию, могут интегрировать и религиозные элементы. Например, в период с января по декабрь 2010 года в Ошской области было создано незаконное вооружённое формирование. Оно включало в себя жителей нескольких населённых пунктов, объединённых радикальными религиозно-экстремистскими убеждениями. Это незаконное вооружённое формирование преследовало следующие ключевые цели и задачи: посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов в целях воспрепятствования их законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также из мести за такую деятельность, осуществление давления на государственные органы для принятия решений, направленных на прекращение борьбы с религиозным экстремизмом, создание условий для свободного распространения радикального ислама, насильственный захват власти и изменение государственного строя КР, а также всего Северо-Кавказского региона с последующим формированием на его территории государства, управляемого по законам шариата, и организация действий, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывных устройств.

Лидер этого незаконного вооружённого формирования Б., вместе с вошедшими в ее состав Б. А., Ш. и Г., которые разделяют цели группы и придерживаются экстремистских религиозных взглядов, включая необходимость ведения войны «джихада» с «неверными», в том числе против представителей правоохранительных органов, предприняли все меры, чтобы подготовиться к захвату власти силой и изменению государственного строя КР.

Суд считает, что ведение войны (джихада) с людьми, исповедующими другие религии или не имеющими религиозных убеждений (неверными), противоречит положениям ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 5, ч. 1, 2, 3 ст. 9 Конституции КР. Установление шариатской формы правления противоречит основам конститу-

ционного строя КР, которые могут изменяться только в порядке, установленном Конституцией КР. Действия этих лиц были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 264, 267 УК КР, а также по ч. 1 ст. 36 и ст. 326 УК КР как подготовка к насильственному захвату власти. [140].

Публичные призывы к насильственному захвату власти (327 УК КР).

Диссертант придерживается позиции, согласно которой специфика каждого состава преступления находит свое выражение главным образом в объективной стороне, и здесь чаще всего проходит грань, отделяющая одно преступление от другого.

Составы преступлений, находящихся в главе 41 УК КР, могут быть как формальными, так и материальными. Составы преступлений, в которых уголовный закон считает объективной стороной состава сам факт совершения действия или бездействия, независимо от дальнейших последствий, принято называть формальными, а те составы, в которых для наличия объективной стороны состава требуется наступление определенных преступных последствий, - материальными.

Для признания каждого из преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства окончательным деянием необходимо либо совершение действия, либо наступление преступного результата в результате совершенного действия или бездействия.

Статья 327 УК КР конкретизируют, что должен быть именно публичный призыв к насильственному захвату или насильственному удержанию власти, а равно к насильственному изменению конституционного строя. В этой случае возникают два уголовно-правовых признака: публичность и насилие (применение физического и/или психического насилия). Публичность означает призывать посредством общественного собрания, митинга, группой лиц, группой лиц

по предварительному сговору, либо с использованием СМИ или информационно-коммуникационных сетей.

В этой связи очень важно понимать, что если бы отсутствовала данная норма в УК КР, то действия, совершенные публично или скрытно, квалифицировались бы только по ст.ст. 36, 37 УК КР как приготовление или покушение, как это сделано, например в УК РФ, поскольку в УК РФ отсутствует такая норма. В связи с тем, что в УК КР присутствует данная норма необходимо понимать ее исключительно в соответствии с ее правовым смыслом.

Так, диспозиция нормы предусматривает публичный призыв к насилию как способу захвата власти, ее удержания или изменения конституционного строя, к которым стремится преступник или группа лиц. Причем степень насилия не конкретизирована. Такие действия скорее всего должны сопровождаться угрозами применения и фактическим применением огнестрельного оружия. Для того, чтобы понять к чему обращен сам призыв, необходимо уточнить, что насильственный захват власти представляет собой завладение ею насильственным (вероятнее всего вооруженным) путем лицами, которым власть не принадлежала. Действия, направленные на такой захват, могут выражаться в физическом устранении лиц, осуществляющих предоставленные им по закону властные полномочия, нанесении им побоев, причинении вреда здоровью различной степени тяжести и самопровозглашении на их месте кого-либо без законных оснований. Направленные на захват власти действия могут сопровождаться прямым блокированием работы законодательных органов власти путем изоляции депутатов, предъявления ультиматумов и иных противоправных требований, недопущения их в рабочие помещения, угроз физической расправы и т.д.

Насильственное же удержание власти представляет собой ее насильственное сохранение лицами, которым она ранее принадлежала по закону. При этом субъекты законной власти лишены возможности осуществлять свои полномочия, а те, кто ею незаконно обладает, контролируют принятие и исполнение своих решений с помощью насильственных методов и средств. Фактиче-

ски, действия, направленные на насильственное удержание власти, представляют собой отказ уступить власть другому лицу (лицам) вопреки результатам выборов, референдума или иному законному акту. Указанные действия должны быть сопряжены с применением насилия, например, к представителям политических партий, движений, к которым в соответствии с Конституцией должна перейти государственная власть.

Думается, что если ст. 326 УК КР предусматривает, что преступление признается оконченным с момента совершения действий, направленных на насильственный захват или насильственное удержание власти, либо действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя, независимо от того, удалось ли виновным осуществить преступные планы: применить насилие, захватить или удержать власть, изменить конституционный строй КР, то в отношении публичных призывов момент окончания преступления связан с моментом доведения этих призывов до адресата вне зависимости удалось ли виновным осуществить преступные планы, т.е. довести до виновных лиц через проведение митингов, собраний, обращений в СМИ, через информационные платформы и социальные сети в сети интернет.

Подобные преступления неоднократно совершались до 2021 г. Так, в 2006 г. Генеральной прокуратурой КР возбуждено уголовное дело по ст. 295 (насильственные захват и удержание власти) и 297 (публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя) по факту, предъявленной в Жогорку Кенеш аудиозаписи совещания лидеров митинга. Все материалы переданы в СИБ (ГКНБ КР) для проведения технической экспертизы и вынесения заключения.

Заместитель главы Службы национальной безопасности Эльмурза Сатыбалдиев сообщил на пресс-конференции, что милиционеры Аламудунского и Исыккатынского РОВД дали показания о попытках захвата 3 ноября акиматов этих районов. Показания получены в рамках расследования уголовного дела, возбужденного по признакам ст. 295 и ст. 297 УК КР на основании передан-

ной в Генпрокуратуру аудиозаписи совещания лидеров движения «За реформы!» в ночь со 2 на 3 ноября 2006 года.

Приговором Джалал-Абадского областного суда от 22 ноября 2023 г. гр. Таштанова С. была признана виновной по п. 1 ч. 2 ст. 327 («Публичные призывы к насильственному захвату власти») УК КР [209].

По мнению диссертанта, решение Джалал-Абадского суда было законным и обоснованным. Однако исходя из санкции, предусмотренной ч 2 ст. 327 УК КР, следственный судья превысил свои полномочия, принимая решение о вынесении постановления о заключении под стражу в СИЗО, поскольку санкция по ч. 2 ст. 327 УК максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы и признается менее тяжким. Следственный судья при избрании меры пресечения по преступлениям, относящимся к гл. 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», должен руководствоваться требованиями уголовного, уголовно-процессуального законодательства, а также решениями Пленума Верховного суда КР, несмотря на то, что составы этих преступлений расследуются следователями органов национальной безопасности.

В последнее время, уголовных дел, возбужденных по ст.ст. 327, 330 УК КР становится все больше, что подтверждает необходимость тщательного исследования данного вопроса. Актуальной является задача разработки и принятия Концепции уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, определяющей основные направления совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также полномочия сотрудников правоохранительных органов в свете научно-обоснованных решений и перспектив принятия тех или иных законодательных и/или процессуальных решений в перспективе на ближайшие 5-10 лет и т.д.

Вооруженный мятеж (ст. 329 УК КР) понимается как «Организация вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя» [237].

Объект данного преступления идентичен объекту ст. 326 УК КР; непосредственным объектом является территориальная целостность КР.

В общем, это верное утверждение, полагает автор работы, поскольку цель данного нарушения описана в диспозиции статьи. Однако в рассматриваемом случае речь идет о политических основах конституционного строя, так как неизбежно возникнет противодействие расширению суверенной власти на определенной территории. Основным непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, которые «... обеспечивают национальную безопасность, суверенитет и территориальную неприкосновенность Кыргызской Республики» [75, с.97] а также незыблемость конституционного строя.

На фоне усиления политической борьбы и стремления некоторых групп изменить положение в стране способами, допускающими свержение текущей власти через вооруженное сопротивление с поддержкой зарубежных государств и неправительственных организаций, становится особенно важной защита основ конституционного строя от таких действий. Это особенно актуально, учитывая, что подобная деструктивная практика уже была испытана в ряде стран, в том числе находящихся в географической близости друг к другу.

Главная угроза вооруженного мятежа заключается в том, что он дестабилизирует политическую систему, от которой зависит стабильное и законное функционирование государства в целом. Помимо этого, такие действия несут реальную опасность для жизни и здоровья граждан, ставят под угрозу работу органов государственной власти, местного самоуправления, а также различных организаций, предприятий и учреждений.

Объективная сторона данного преступления проявляется через совершение таких альтернативных действий, как: а) организация вооруженного мятежа и активное участие в этом вооруженном мятеже.

Вооруженный мятеж представляет собой коллективное массовое сопротивление, направленное против существующей законной власти и конституционного устройства. В процессе этого сопротивления для достижения незаконных целей используются огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатка и взрывные устройства. Под вооруженностью понимается наличие у значительного числа участников конфликта указанных средств, а также военной техники с вооружением, включая бронетранспортеры, танки, боевые вертолеты и самолеты. Использование оружия подразумевает действия, основанные на его поражающих способностях, а также угрозы его применением. Вооруженность также включает использование холодного, газового (револьверы и пистолеты) и пневматического оружия. Специалисты подчеркивают, что общественная угроза от пневматического оружия значительно выше по сравнению с газовым, гражданским огнестрельным оружием для самообороны и холодным оружием. Указываются данные, что некоторые модели пневматических винтовок могут поражать цели на расстоянии свыше 50 метров[278,с.1308].

Организация может осуществляться через вовлечение участников восстания, обращаясь как к конкретным лицам, так и к неопределенной аудитории; обучая их тактике ведения боевых действий и проводя другую подготовку; распределяя их по отдельным отрядам; разрабатывая тактику атак; устанавливая порядок управления создаваемыми силами; ставя задачи группам и индивидуально; снабжая оружием, транспортом, средствами связи, одеждой и другим снаряжением.

В статье 329 УК КР не описывается такое действие, как управление вооруженным мятежом. В рамках теории уголовного права предложено выделить это деяние в отдельную норму[108,с.9-10].

Полагаю, что толкование диспозиции этой статьи должно быть более широким, и к организации мятежа следует отнести также лидерство в нем.

П. В. Агапов указывает на то, что организационный характер действий, указанных в данной статье, предполагает создание определённых структур, необходимых для подготовки и совершения столь сложной антигосударственной акции, как вооружённый мятеж. [4,с.66-67].

Деяние, связанное с организацией вооруженного восстания, завершается с момента проведения соответствующих организационных мероприятий, вне зависимости от того, было ли впоследствии реализовано это восстание. Это исключает возможность попытки совершения данного преступления. Точный момент окончания данного преступления точнее всего определяет А. И. Рарог, обращая внимание на начало первого вооруженного выступления мятежников[246,с.548].

Участие в вооруженном восстании считается завершённым с момента выполнения вышеупомянутых действий, вне зависимости от того, достигли ли мятежники своих целей.

С субъективной точки зрения, это преступление совершается с прямым умыслом и с определенной целью — смещение или насильственное изменение конституционного порядка либо нарушение территориальной целостности государства. Организатор восстания и его участники должны осознавать данные цели. Это правило распространяется и на случаи, когда такие действия совершаются членами какой-либо криминальной группы.

Передача или собирание с целью передачи иностранным сведений, составляющих служебную тайну (ст. 335 УК КР). В ст. 335 УК КР говорится, что «Передача или собирание с целью передачи иностранным организациям или их представителям экономических, научно-технических или иных сведений, составляющих служебную тайну, лицом, которому эти сведения были доверены по службе или работе или стали известны иным путем, повлекшие по неосторожности тяжкий вред».

Закон «О защите государственных секретов Кыргызской Республики» от 15 декабря 2017 г. № 210 регулирует правовые основы работы системы охраны государственных секретов в любых видах деятельности государственных органов, предприятий, объединений, организаций, независимо от форм собственности, воинских подразделений и граждан КР на всей территории страны и за её пределами в зарубежных учреждениях.

В соответствии со ст. 5 данного Закона, государственные секреты подразделяются на три категории: государственная, военная и служебная тайны. К служебной тайне относится информация, разглашение которой может оказать отрицательное воздействие на обороноспособность, безопасность, экономические и политические интересы КР. Такая информация имеет характер отдельных сведений, относящихся к государственной или военной тайне, и не раскрывает их полностью. Информации, составляющей служебную тайну, присваивается ограничительный гриф «секретно». Порядок установления ограничительных грифов секретности на информацию определяется Кабинетом министров КР.

Преступление считается оконченным с момента передачи иностранным организациям или их представителям экономических, научно-технических или иных сведений, составляющих служебную тайну, лицом, которому эти сведения были доверены по службе или работе или стали известны иным путем.

Объективная сторона преступления характеризуется действием по передаче иностранным организациям или их представителям экономических, научно-технических или иных сведений, составляющих служебную тайну, или действий по сбору с целью передачи иностранным организациям или их представителям экономических, научно-технических или иных сведений, составляющих служебную тайну.

За нарушение рассматриваемой нормы в 2007 г. Генеральной прокуратурой КР гр. Ж.А. было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 302 УК КР «Передача или сбор сведений, составляющих служебную тайну, с целью передачи ино-

странным организациям», наказание по которой предполагает до трех лет лишения свободы. Позднее обвинение переквалифицировано на ст. 292 УК КР «Государственная измена». Следствие по данному делу было закрытым, поскольку носило гриф «секретно».

Экстремистские преступления (ст. 328, 330, 331, 332 УК КР). Во всех проявлениях экстремизм ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную, территориальную целостность государства, создает реальную угрозу сохранению основ

Экстремизм является одной из самых сложных проблем современности, так как проявляется в разных формах и включает в себя разнообразные экстремистские группы, угрожающие национальной безопасности Кыргызской Республики. В последние годы в средствах массовой информации стало появляться больше материалов, посвящённых как внешним, так и внутренним экстремистским угрозам. К внешним угрозам относятся действия иностранных государственных структур и организаций, поддерживающих экстремизм для дестабилизации общественно-политической ситуации в стране, а также деятельность международных террористических и экстремистских группировок. Внутренние угрозы связаны с радикальными общественными и религиозными движениями, неформальными объединениями, а также некоторыми некоммерческими организациями и отдельными личностями.

Определение уголовной ответственности за те или иные негативные проявления в обществе является результатом криминализации. Криминализация выступает одним из главных инструментов уголовно-правовой политики, направленной на создание упорядоченной системы норм, устанавливающей ответственность за общественно опасные действия. Одним из важнейших критериев криминализации в уголовно-правовой доктрине является общественная опасность действия. [84,с.102-119].

Что касается четкого определения понятия криминализации, следует

отметить, что в уголовно-правовой науке существуют различные подходы. Общим является понимание содержания данного метода уголовно-правовой политики – это включение деяний в круг преступлений, установление уголовной ответственности за них [65,с.95].

Наиболее точное описание криминализации заключается в следующем: «Криминализация представляет собой обобщённое понятие, включающее в себя как процесс, так и конечный результат признания определённых актов незаконными и наказываемыми уголовным образом. Процесс криминализации подразумевает обнаружение целей, оснований и условий для установления уголовной ответственности за определённые действия и создание уголовного законодательства, закрепляющего эти решения. Конечный результат криминализации — это набор норм уголовного права, в которых содержится перечень преступлений и наказаний за них, а также основания и условия для привлечения нарушителей закона к уголовной ответственности». [113,с.59].

Законотворчество составляет один из ключевых инструментов управления, на который оказывают влияние, во-первых, обязанность государства выполнять функции, исходя из общественного договора; во-вторых, нужды этого общества; в-третьих, правила осуществления правовой политики в тех или иных областях с учетом их особенностей.

Поскольку обсуждается криминализация экстремистских деяний, стоит отметить, что термин экстремизм происходит от латинского "extremus", означающего "крайний, чрезмерный", и подразумевает приверженность радикальным взглядам и методам действий. [213].

В соответствии со статьей 1 Закона КР «О противодействии экстремистской деятельности» (2005 г.), экстремистская деятельность (экстремизм) включает:

1) Действия групп общественных объединений или религиозных организаций, а также иных учреждений и СМИ, независимо от форм собственности, или же отдельных лиц, направленные на:

насильственное изменение конституционных основ и нарушения территориальной целостности КР;

- подрыв безопасности КР;
- захват или незаконное присвоение власти;

- создание нелегальных вооружённых формирований;
- ведение террористической деятельности;
- провоцирование расовой, национальной (межэтнической) или религиозной ненависти, а также социального противостояния, сопровождающегося насилием или призывами к нему;
- унижение национальной чести;
- участие в массовых беспорядках, хулиганских акциях и актах вандализма на почве идеологической, политической, расовой, национальной (этнической) или религиозной ненависти, а также по отношению к определённой социальной группе;
- пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан по критериям их религиозной, социальной, расовой, национальной (этнической) или языковой принадлежности.

2) Реклама и публичное демонстрирование нацистской символики или её аналогов;

3) Пропаганда символики экстремистских организаций;

4) Открытые призывы к осуществлению подобных действий или деятельности;

5) Финансирование описанной деятельности или иная поддержка её осуществления, включая предоставление финансов, имущества, учебной и материально-технической базы, а также средств связи и информационных услуг[178].

Преступления экстремистской направленности охватывают деяния, со-

вершенные под влиянием политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, либо вражды к определенной социальной группе. Экстремизм характеризуется стремлением к политическому насилию, а также реализации политики, нацеленной на насильственное изменение существующего порядка или захват власти, установление фашизма или другой диктаторской формы правления. Призыв к систематическим нарушениям прав человека и дискриминации по шовинистическим, национальным, расовым или религиозным признакам является проявлением экстремизма.

Автор работы считает важным обсуждение вопроса криминализации экстремизма в КР. Криминализация, как способ легитимации принуждения и легализации насилия, определяет рамки и границы такого воздействия, предъявляя специфические требования для включения действий в категорию преступлений. Основным требованием остается социальная обоснованность подхода к криминализации.

Отмечается особая роль криминализации в определении государством тех деяний, за которые человек может быть наказан в уголовно-правовом контексте, устанавливая границы допустимого поведения и тем самым защищая от необоснованных мер принуждения. Криминализация выполняет двойственную роль, так как, с одной стороны, она защищает интересы личности, общества и государства, а с другой — ограничивает действия граждан.

Это подчеркивает необходимость изучения научных основ уголовно-правового запрета с целью установления условий, при которых общественная безопасность обеспечивалась бы с минимальными социальными издержками и ограничениями. Ошибки в этом процессе могут привести к негативным социальным последствиям, так как неумелое применение уголовного закона может спровоцировать нежелательные социальные явления и процессы, что в теории называется его провокационной ролью [17, с.73-90]. Криминализация характеризуется определенным переходом от общего к частному.

Проводя сравнительный анализ уголовного законодательства КР, начи-

ная с 1997 г. по настоящее время, автор отмечает, что преступления экстремисткой направленности стали закрепляться в нем постепенно, поскольку экстремизм в разных его формах стал проявляться не только как социально-правовое, как это понималось ранее, но и как уголовно-правовое явление. В последнее время оно стало проблемой для ограниченного числа субъектов, так как само его существование затрагивает многие общественные интересы. По этой причине автор предлагает следующие этапы криминализации общественно-опасных действий экстремистской направленности в контексте эволюции уголовного законодательства КР.

В этих целях автором составлена таблица, отражающая периодизацию криминализированных общественно-опасных деяний экстремисткой направленности в развитии уголовного законодательства КР, начиная с УК 1997 г.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики 1997 года (период действия с 1 октября 1997 года по 31 декабря 2018 года)		
Глава 29. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства		
1.	Ст. 299	Возбуждение национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды
2.	Ст. 299 ¹	Организованная деятельность, направленная на возбуждение национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды
3.	Ст. 299 ²	Приобретение, изготовление, хранение, распространение, перевозка и пересылка экстремистских материалов, а также умышленное использование символики или атрибутики экстремистских, или террористических организаций
4.	Ст. 299 ³	Финансирование экстремистской деятельности
Итого:		4 состава преступлений

Таблица №1. Преступления экстремисткой направленности по УК КР 1997 года

Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2017 года (введен в действия с 1 января 2019 года по 27 октября 2021 года)	
Глава 43. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства	
№	

1.	Ст. 313	Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни)
2.	Ст. 314	Создание экстремистской организации
3.	Ст. 315	Изготовление, распространение экстремистских материалов
4.	Ст. 315 ¹	Финансирование экстремистской деятельности
Итого:		4 состава преступлений

Таблица №2. Преступления экстремисткой направленности по УК КР 2017 года

№	Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2021 года (период действия с 28 октября 2021 года по настоящее время)	
Глава 41. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства		
1.	Ст. 328	Сепаратистская деятельность
2.	Ст. 330	Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной межрегиональной вражды (розни)
3.	Ст. 331	Создание и финансирование экстремистской организации
4.	Ст. 332	Изготовление, распространение экстремистских материалов
Итого:		4 состава преступления

Таблица № 3. Преступления экстремисткой направленности по УК КР 2021 года

Сепаратистская деятельность (ст. 328 УК КР). Сепаратизм представляет собой актуальную угрозу целостности государства. Почти в каждой крупной стране существует хотя бы 2-3 этнические группы, от имени которых с большей или меньшей интенсивностью провозглашаются требования о предоставлении им той или иной степени самостоятельности вплоть до суверенитета.

Л. Снайдер характеризует сепаратизм как концепцию, деятельность, принцип или практику, предназначенные для полного разрыва с централизованной политической системой. Он акцентирует внимание на том, что радикальные активисты отвергают автономию или полуавтономию как недостаточные меры и настаивают на отделении. Взгляд сепаратистов состоит в том, что

они сами — освободители, тогда как власти централизованного государства рассматривают их действия как измену [221].

Л. Белозерова включает в объем понятия «сепаратизм» стремления как к отделению части государства, так и к автономизации [21]. Д.И. Щербинин выделяет «два качественно отличных уровня современного сибирского сепаратизма – автономистский (республиканский) и сецессионистский» [275]. Аналогичного взгляда придерживается и Д.А. Домарева [73].

По мнению диссертанта, представленные подходы выглядят некорректными, поскольку в их основе смешение сепаратизма и регионализма. Если население конкретного государства недовлетворено взаимоотношениями центра и периферии, само по себе это не делает людей сепаратистами. Наоборот, разрешение подобных вопросов с соблюдением законодательства способствует укреплению государственности. Слияние конструктивных и деструктивных видов региональной политической активности в одном понятии ведет к усилению последних и создает искаженное представление о масштабе их социальной поддержки.

Также стоит отметить, что грамотно реализованная автономизация может служить способом решения межэтнических и межрегиональных конфликтов, что, в свою очередь, способствует укреплению единства страны и противостоянию сепаратистским тенденциям. [16].

Вместе с тем практика демонстрирует, что на начальном этапе сепаратистские намерения могут маскироваться под умеренные требования автономии. Тем не менее, социальная маскировка, свойственная сепаратизму, вовсе не причина путать его с конструктивными формами социальной активности. Так, за сепаратистскую деятельность и организацию массовых беспорядков на юге Кыргызстана в июне 2010 г. на пожизненное лишение свободы был осужден организатор столкновений гр. К.Б. [16].

В Кыргызстане национализм и сепаратизм выступили как идеологический инструмент в политической борьбе, что отражено в Концепции нацио-

нальной безопасности, созданной в ГКНБ КР: «нацелить государственную политику защиты светского характера».

«После трагедий 2010 года на юге страны национализм и сепаратизм стали основным средством идеологической мобилизации населения, которое активно используется в политическом противоборстве. Это привело к международным конфликтам, наблюдаемым в регионах с компактным проживанием различных этнических групп. Анализ межэтнических отношений показывает, что обстановка в некоторых частях республики остается сложной, противоречивой и трудно предсказуемой, особенно в таких областях, как Ошская, Баткенская, Джалал-Абадская и Чуйская», - говорится в документе[44].

Согласно Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.) сепаратизм понимается как «... какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [268].

По утверждению диссертанта, сепаратистская деятельность может выражаться как в насильственных действиях, так и в информационно-психологическом и гуманитарно-технологическом воздействии.

Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной межрегиональной вражды (розни) (ст. 330 УК КР). Объектом данного преступления являются социальные отношения, которые складываются в связи с обеспечением гражданского равенства и безопасности личности, общества и государства от экстремистских угроз. В научной сфере указанную статью причисляют к нормам, «... наказывающим за поведение, которое нарушает границы цивилизованных отношений и может привести к непредсказуемым последствиям». [95,с.35].

В Конституции КР установлены основы равенства граждан и предусмотрены запреты на экстремистскую деятельность. Нарушение этих основ представляет собой не просто атаку на сами нормы, а на общественные отношения, сформированные в соответствии с ними.

Основным объектом преступления, предусмотренного статьей 330 УК КР, выступают общественные отношения, защищающие конституционные права граждан и обеспечивающие равенство вне зависимости от национальности, расы или религии в политической и социальной сферах жизни [183], общественные отношения также поддерживают безопасность общества (в том числе государства), препятствуя нарушению конституционного запрета на разжигание расовой, национальной и религиозной ненависти, что составляет основу конституционного строя [37, с.240-241]. Также конституция запрещает провоцирование ненависти или вражды на основе пола, расы, национальности, происхождения, языка, вероисповедания, принадлежности к социальной группе и другим [206,с.16].

Как можно заметить, в вышеупомянутых определениях в каком-либо виде отражены конституционные основы равенства граждан и запреты на экстремистскую деятельность.

Этот способ понимается в юридической практике следующим образом: объектом данного преступления считают общественные отношения, которые поддерживают конституционный запрет на пропаганду или агитацию, провоцирующую национальную, расовую, религиозную или социальную вражду, а также дискриминацию или унижение людей по признакам политической, этнической, социальной принадлежности и другим характеристикам.

В юридической практике подчеркивается, что угроза этого деяния заключается в том, что действия, направленные на провокацию ненависти или вражды, влияют на общественное сознание. Они формируют идейную основу для ультрарадикальных социальных, религиозных и национальных стремлений, создавая условия для появления негативных стереотипов и предрассудков

по отношению к различным этническим, расовым, религиозным или социальным группам. Это усиливает враждебные и неприязненные чувства к ним, оправдывая и обосновывая законность применения силы в межэтнических, межрасовых, религиозных и социальных конфликтах.

Теоретические исследования акцентируют внимание на том, что экстремистские и террористические действия чаще всего связаны с этническими или религиозными столкновениями [11, с.3; 89, с.32]. Действительно, возбуждение ненависти или вражды нередко сопровождается обоснованием необходимости совершения в отношении представителей определенных расовых, этнических и иных групп противоправных деяний, в том числе – насильственных преступлений.

Объективная сторона данного преступления выражается в совершении публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

А. И. Рарог характеризует данное деяние как действия, в результате которых «может возникнуть стойкое отношение неприязни или длительное состояние враждебности между значительными группами людей в зависимости от перечисленных признаков» [246, с.563].

По мнению диссертанта, совершение данных действий публично или с использованием СМИ либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет может выражаться, например, в выступлении на собраниях, митингах, распространении листовок, плакатов, размещении соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, в сети Интернет, и

иных подобных действиях, в том числе рассчитанных на последующее ознакомление с информацией других лиц.

Диссертант считает, что под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

Вражда характеризуется как отношения и поступки, которые наполнены неприязнью и ненавистью. Последняя, в свою очередь, определяется как испытываемое чувство сильной неприязни и злобы. Видимо, будет правильным считать ненависть одной из разновидностей вражды, особенно учитывая, что любые различия между ними не влияют на квалификацию данного преступления.

Разжигание ненависти или вражды подразумевает негативное отношение к представителям определенной нации, расы, религиозным группам или иным сообществам и создание в отношении них отрицательной установки.

По мнению диссертанта, несмотря на достаточно четко изложенную диспозицию и санкцию статьи, тем не менее существуют определенные проблемы в их применении. Так, за последнее время количество уголовных дел, возбужденных по ст. 330 УК КР «Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной межрегиональной вражды (розни)», значительно увеличилось. Конечно, в каждом конкретном случае необходимо подходить отдельно, учитывая всю совокупность доказательств, позволяющую говорить о достаточности данных, подтверждающих факты. Вместе с тем, следует отметить, что санкция по

ч. 1 ст. 330 предусматривает - штраф от 1000 до 2000 расчетных показателей или лишение свободы на срок до пяти лет. Однако на практике бывают случаи, что к подозреваемым применяют меру пресечения в виде заключения под стражу, хотя данное преступление считается менее тяжким; санкция предусматривает до 5 лет лишения свободы. Что касается ч. 2 ст. 330, санкция предусматривает лишение свободы от 5 до 7 лет при условии совершения преступления с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, или угрозой его применения; с использованием своего служебного положения; группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или в составе преступного сообщества.

Однозначно, при расследовании данных уголовных дел следователям до вынесения постановления о заключении под стражу необходимо обосновать свои выводы и решения. К примеру, провести комплексную религиоведческо-лингвистическую экспертизу и только по ее заключению выдвигать обвинения.

Особого внимания заслуживает вопрос привлечения к ответственности за так называемые лайки, дислайки или функцию «поделиться» в социальных сетях интернет (FACEBOOK, INSTAGRAMM и т.д.), который подробно будет рассмотрен в следующем разделе диссертационного исследования.

Одна из наиболее полных и детальных классификаций признаков разжигания ненависти и вражды, предложенная по данной теме автором диссертации, выглядит следующим образом:

– ошибочная идентификация – создание и укрепление негативного стереотипа или отрицательного образа народа, расы, вероисповедания. Это может проявляться в перенесении негативных качеств отдельных индивидов на всю социальную группу, или в утверждении, что все члены этнической или религиозной группы склонны следовать обычаям и традициям, негативно воспринимаемым современной культурой. Также это может быть заявление о врожденном или историческом превосходстве одних наций и неполноценности других;

– ложная атрибуция – приписывание агрессивных действий и опасных намерений представителям определенной нации или расы по отношению к другим. Это выражается в обвинении всей этнической, расовой или религиозной группы в деяниях отдельных лиц, заявлениях о их изначальной агрессивности, предположениях о существовании заговоров против других, а также объяснении трудностей (прошлых, настоящих и будущих) наличием и деятельностью данных групп;

– мнимая оборона – побуждение к агрессии против определенной нации, расы, религии, которое может выражаться в оправдании геноцида представителей данных групп, призывах к их вытеснению из различных областей либо ограничению их прав и свобод по национальному, расовому или религиозному признаку.

Создание и финансирование экстремистской организации (ст. 331 УК КР): «Создание, руководство экстремистской организацией, деятельность которой сопряжена с возбуждением национальной, этнической, расовой, религиозной или межрегиональной вражды (розни), унижением национального достоинства, пропагандой исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, места проживания».

Следует отметить, что количество уголовных дел, возбужденных по данной статье, значительно увеличилось. Так, по информации ГКНБ КР была пресечена деятельность подпольной ячейки религиозно-экстремистского течения «Йакын Инкар», действовавшей в Джалал-Абаде, на территории Чуйской области и г. Бишкек; члены этой организации были привлечены к уголовной ответственности за создание и финансирование экстремистских организаций (ч. 2 ст. 331) [42].

Как видно, практика применения мер уголовной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 331 УК КР, свидетельствует об эффективной работе сотрудников органов национальной безопасности КР.

Изготовление, распространение экстремистских материалов (ст. 332 УК КР): «Изготовление, распространение, перевозка или пересылка экстремистских материалов либо их приобретение или хранение с целью распространения, использование символики или атрибутики экстремистских организаций, а также посредством сети Интернет».

Так, за изготовление и распространение указанных материалов сторонниками запрещенной в КР религиозно-экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир» в рамках уголовного дела по ст. 332 ч.1 были задержаны граждане КР О.А. и С.Т., подозреваемые в причастности к деятельности медиа-крыла данной религиозно-экстремистской организации (РЭО) [58].

За распространение материалов запрещенной религиозно-экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир» был задержан гр. М., пользователь Facebook, который распространял аудио- и видеоматериалы, атрибутику запрещенной в Кыргызстане религиозно-экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир». Возбуждено уголовное дело по ст. 332 УК КР (изготовление, распространение экстремистских материалов) [46].

Несмотря на поэтапную криминализацию преступлений экстремистской направленности, право на идеологический, расовый и политический плюрализм гарантируется Конституцией КР. Так, ст. 23 Конституции определяет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью; они могут быть ограничены Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц [103]. Появление в отечественной правовой системе ряда конституционных ограничений и запретов связано с международными обязательствами КР, в которых провозглашено право каждого человека на свободное выражение своего мнения.

Вместе с тем предусматривается, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование, всякая дискриминация на основе религии или убеждений должны быть запрещены законом.

Таким образом, взятые КР обязательства по выполнению принятых международных правовых актов, были имплементированы в национальное законодательство, нормы которого гарантируют и обеспечивают равноправие. Вместе с тем оно содержит нормы, запрещающие любые формы дискриминации и экстремизма.

Возвращаясь к выше представленным таблицам, автор отмечает, что криминализация норм об ответственности за преступления экстремистской направленности раскрывались, изменялись и дополнялись исключительно исходя из требований правоприменительной и судебной практики, поскольку время, ситуация и оперативная обстановка менялась исходя из общемировой и региональной обстановки, в связи с чем законодателю приходилось искать наиболее подходящие и раскрывающие суть экстремизма признаки.

К примеру, нововведением является обязательный признак преступления, предусмотренного ст. 331 УК КР, - «создание экстремистской организации», которого не было в предыдущем законодательстве.

Так, уголовная ответственность за создание экстремистской организации наступает с момента фактического образования указанной организации, т.е. с момента объединения нескольких лиц в целях подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности и осуществления ими

умышленных действий, направленных на создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности или свидетельствующих о готовности экстремистской организации реализовать свои преступные намерения, независимо от того, совершили ли участники такого сообщества запланированное преступление экстремистской направленности [237].

Другим примером, представляющим определенную сложность в рассмотрении дел, связанных с изготовлением, распространением экстремистских материалов либо возбуждением расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни) является необходимость проведения комплексной экспертизы с участием лингвистов, психологов, религиоведов и социологов. В случае, если по результатам рассмотрения дел материал будет расценен или признан экстремистским, необходимо направлять судебный акт и наименование материала в Министерство юстиции КР для включения в базу данных экстремистских материалов и их опубликования.

В этой связи диссертант отмечает, что включение в базу данных экстремистских материалов и опубликование осуществляется путем вынесения решения суда о признании той или иной организации экстремистской. Так, по данным Министерства юстиции КР на декабрь 2020 г. экстремистскими на территории КР были признаны организации, чей список не является исчерпывающим:

№	Наименование	Основание
1.	«Хизбут-Тахрир-аль-Ислами»	Постановлением Верховного Суда Кыргызской Республики от 20 августа 2003 года признана экстремистской организацией, деятельность на территории Кыргызской Республики запрещена
2.	«Акромия»	14 марта 2014 года Первомайский суд г. Бишкек признал религиозное движение «Акромия» экстремистской организацией и запретил на территории Кыргызской Республики.
3.	«Агитационно-пропагандистские мате-	14 марта 2014 года Октябрьским судом г. Бишкек признаны экстремистскими агитационно-пропагандистские

	риалы и пропагандистская деятельность Тихомирова А.А.-Саида Бурятского»	материалы и пропагандистская деятельность Тихомирова А.А. – Саида Бурятского.
4.	«ИГИЛ»	13 февраля 2015 года Октябрьским судом г. Бишкек ИГИЛ признана террористической и экстремистской организацией, ее деятельность на территории страны запрещена.
5.	«Катибат аль-Имам аль-Бухари» (Батальон Имама Бухари)	13 мая 2015 года решением Ошского городского суда организация «Катибат аль-Имам аль-Бухари» (Батальон Имама Бухари) признана террористической и экстремистской организацией и ее деятельность запрещена на территории КР.

Таким образом, относительно преступлений экстремистской направленности следует отметить, что проявления ненависти или вражды к лицу в силу его половой, национальной, расовой, языковой, социальной, политической принадлежности в обществе существовали всегда. Однако уголовная ответственность за их совершение была установлена только в 1997 г., что до сих пор вызывает споры о целесообразности их включения в уголовное законодательство со стороны неправительственных организаций.

Автор соглашается с Г.А. Злобиным, который пишет, что «... установление уголовной ответственности за то или иное негативное проявление в обществе есть результат процесса криминализации. Криминализация является одним из основных методов уголовно-правовой политики, цель которой состоит в создании упорядоченной системы норм, устанавливающих ответственность за совершение общественно опасных деяний. Из множества предложенных в уголовно-правовой науке критериев криминализации почти все в качестве одного из них либо в качестве основного называют общественную опасность деяния [84,с.102-119].

Уголовное законодательство выделяет в общественной опасности качественную сторону – характер и количественную – степень. Характер общественной опасности определяется совокупностью признаков объекта посягательства, последствий, формы вины, способа совершения преступления. Сте-

пень общественной опасности представляет собой ее количественную характеристику. Она зависит от размера, причиненного или потенциального ущерба, степени выраженности вины лица, его мотивов и целей, и др [184,с.666].

Руководствуясь сформулированным понятием, определим характер общественной опасности преступлений экстремистской направленности.

Результаты проведенных автором исследований, личных наблюдений и своей правоприменительной практики в органах национальной безопасности КР позволили констатировать, что общественная опасность рассматриваемых преступлений, во-первых, проявляется в посягательствах на основы конституционного строя и безопасности государства, во-вторых, заключается в проникновении в общество идеологии нацизма, расизма, ксенофобии, в социальном заражении общества преступными обычаями и традициями, что приводит к общему низкому уровню культуры.

Автор делает вывод о том, что преступления экстремистской направленности обладают повышенной общественной опасностью в связи с тем, что носят не только региональный, но и международный характер. Экстремистская идеология, используемая иностранными государствами в целях вторжения во внутренние дела КР, создает внутривнутриполитическую напряженность в стране и способствует совершению населением различных насильственных действий в отношении органов государственной власти. Это опасно не только для политической силы, находящейся у власти, но и для демократической государственности Кыргызстана в целом, поскольку ведет к нарушению деятельности государственных институтов, которые обязаны обеспечивать права человека.

На сегодняшний день среди национальных правовых инструментов, связанных с борьбой с экстремизмом, автор особо выделяет Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. [268], Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности (2005 г.) [178], Концепцию национальной безопасности КР 2021 г.[110], Программу Правительства КР по противодействию экстремизму и терроризму на 2017-

2022 гг. [190] и УК КР 2021 г. [237].

В связи с чем автор считает, что в связи с расширением данного негативного явления, необходимо разработать и принять такие важные документы как Политика и Стратегия национальной безопасности, в которых в числе основных направлений государственной политики по противодействию экстремизму будет предусмотрено:

- обеспечение эффективного применения норм законодательства КР в сфере противодействия экстремизму;
- реализация принципа неотвратимости наказания за осуществление экстремистской деятельности;
- координация действий правоохранительных органов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, политических партий, общественных и религиозных объединений по пресечению экстремистских проявлений.

Диссертант солидарен с мнением о том, что «Все три документа - концепция, политика и стратегия национальной безопасности - должны быть взаимосвязаны и работать на национальные цели, опираться на имеющиеся ресурсы (материальные и интеллектуальные). Национальные цели должны служить реализации национальных интересов. Каждой цели должны соответствовать сформулированные политика и стратегия обеспечения национальной безопасности. Некоторые цели могут служить для удовлетворения нескольких национальных интересов, а определенные ресурсы могут поддерживать несколько стратегий. Политика и стратегия обеспечения национальной безопасности должны быть легитимными, вызывать доверие у народа, а также доверие и понимание у наших партнеров и союзников, у мировой общественности. Разработка научных методов исследования национальной безопасности особенно актуальна для КР в условиях ее реформирования, выбора путей развития, усиливающих угроз самому существованию нации» [145].

Итак, полагаем, что основными средствами формирования и осуществ-

ления уголовно-правовой политики продолжают быть Постановления Пленума Верховного Суда КР. Они имеют значение не только для применения права, но и с научно-концептуальной точки зрения. В юридическом смысле они не являются источниками уголовного права, однако разъяснения, которые они содержат, играют значимую роль в формировании корректной практики использования уголовного законодательства, а также в устранении его недостатков, включая пробелы.

Преступления в сфере сохранности государственной тайны: «Разглашение государственных секретов» (ст. 333 УК КР), «Утрата носителей сведений, содержащих государственные секреты» (ст. 334 УК КР).

В ст. 333 УК КР говорится, что «Разглашение сведений, составляющих государственные секреты, лицом, которому эти сведения были доверены или стали известны по службе или работе, при отсутствии признаков государственной измены или шпионажа» и ст. 334 УК Кыргызской Республики «умышленное или неосторожное нарушение установленных правил обращения с носителями сведений, составляющих государственные секреты, повлекшее по неосторожности утрату таких носителей, лицом, которому они были доверены по службе или работе либо по иным предусмотренным законом основаниям».

Закон Кыргызской Республики от 15 декабря 2017 года № 210 защищает правовые основы функционирования системы защиты госстраниц в различных сферах деятельности государственных учреждений, предприятий, организаций, независимо от форм их собственности, а также воинских формирований и граждан на территории КР и в ее внешних представительствах. Этот закон определяет государственные секреты как информацию, хранящуюся и перемещаемую любыми средствами, которая затрагивает оборонные способности, безопасность, а также экономические и политические интересы КР, находящуюся под контролем государства и ограничиваемую особыми перечнями и правилами, установленными на основании и в соответствии с Конституцией КР.

Классификация информации как государственной тайны опирается на принципы законности - следование установленным законом процедурам засекречивания; обоснованности - вынесение решения о засекречивании на основе экспертной оценки, отталкивающейся от интересов государства и граждан; и своевременности - введение ограничений на распространение информации сразу после ее появления.

Государственные тайны Кыргызстана делятся на три вида: государственная, военная и служебная тайны. Государственная тайна включает информацию, разглашение которой может вызвать серьезные последствия для оборонных возможностей, безопасности, а также экономических и политических интересов КР. Этой информации присваиваются грифы «особой важности» и «совершенно секретно».

Военная тайна охватывает сведения военного характера, раскрытие которых может нанести ущерб Вооруженным силам и интересам КР. Для военной тайны предусмотрены грифы «совершенно секретно» и «секретно»

Служебная тайна включает информацию, разглашение которой может негативно повлиять на обороноспособность, безопасность, экономические и политические интересы КР. Такие данные не содержат исчерпывающую информацию, относящуюся к государственной или военной тайне, но могут содержать их компоненты. Для служебной тайны используется гриф «секретно».

Установление уровня секретности определяет Кабинет министров КР. Использование других ограничительных грифов, не предусмотренных законодательством, не допускается.

Законом определены ограничения на засекречивание информации. Не подлежат засекречиванию сведения:

- о стихийных бедствиях и чрезвычайных происшествиях, угрожающих здоровью граждан;
- о катастрофах и их последствиях;

- о положении дел в экологии, использования природных ресурсов, здравоохранения, санитарии, культуре, сельском хозяйстве, образовании, торговли и обеспечения правопорядка;

- о фактах нарушения законности государственными органами и должностными лицами;

- о фактах, посягающих на права и законные интересы граждан, а также создающих угрозу их личной безопасности.

Основными элементами системы защиты государственных секретов являются:

- правила определения и установления степени секретности информации, содержащейся в работах, документах, изделиях и нетрадиционных носителях информации;

- порядок допуска к государственным секретам;

- ограничения для лиц, работающих с государственными секретами;

- порядок обращения с государственными секретами;

- контроль за обеспечением сохранности государственных секретов;

- органы обеспечения защиты государственных секретов;

- ответственность за невыполнение требований по защите государственных секретов.

Отнесение информации к государственным секретам осуществляется в соответствии с Положением «О порядке определения и установления степени секретности сведений, содержащихся в работах, документах и изделиях, на основании Перечня главнейших сведений, составляющих государственные секреты, и Перечня сведений, подлежащих засекречиванию, утверждаемых Правительством Кыргызской Республики». Указанные Положение и Перечни являются документами для служебного пользования, доступ к которым ограничен.

Итак, исследование правовых основ реализации уголовной политики КР в сфере предупреждения преступлений против конституционного строя и безопасности государства позволило диссертанту сделать следующие выводы.

1. Одним из самых приоритетных направлений внешней и внутренней политики КР является противодействие дальнейшему экспорту «цветных революций» и оптимизация их негативных последствий. Поскольку этот феномен в международной практике появился сравнительно недавно, он заслуживает пристального внимания отечественных исследователей и политиков.

2. Необходимо развивать уголовно-правовую теорию и криминологический внешнеполитический анализ и прогнозирование, с тем чтобы иметь возможность заранее предвидеть развитие негативных криминальных тенденций в рамках мировой и региональной политики и своевременно предпринять необходимые шаги для предотвращения нежелательных для КР общественно-опасных явлений в виде насильственного изменения конституционного строя.

3. В учебные программы по криминологии необходимо включить новый раздел – «Предупреждение преступлений в сфере конституционного строя и безопасности государства», в котором следует уделять особое внимание противодействию «цветных революций» и оптимизации деятельности общества и государства в лице уполномоченных государственных органов.

4. Необходимо разработать и принять Концепцию уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, которая обоснована увеличением количества уголовных дел по ст.ст. 327, 330 УК КР.

5. Сепаратизм представляет собой активность, направленную на разрушение целостности страны через отторжение какой-либо её части. Это может выражаться как в форме насильственных действий, так и через информационно-психологическое и гуманитарно-технологическое влияние

6. Наиболее полной является классификация признаков возбуждения ненависти и вражды, которая включает: ложную идентификацию; ложную атрибуцию; мнимую оборону.

7. В целях совершенствования уголовно-правового обеспечения основ конституционного строя и безопасности государства предлагается:

– внести в главу 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» норму, устанавливающую ответственность за прохождение обучения в целях осуществления насильственной антиконституционной деятельности (т.е. насильственного захвата власти или насильственного удержания власти, а также посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля;

– включить в главу 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» положение, которое устанавливает ответственность за «Фальсификацию избирательных документов или документов референдума (ст. 199 УК КР)» – искажении результатов голосования, и считать это деянием, направленным против основ конституционного строя и безопасности государства.

– внести в главу 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» норму, и изложить ее в следующей редакции: «Статья 323¹. Измена Отчеству: «Шпионаж, совершенный гражданином Кыргызской Республики, а равно оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении деятельности в ущерб внешней безопасности Кыргызской Республики - наказывается лишением свободы от 5 до 10 лет».

4.3. Криминологические основы реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства

Уголовная политика представляет собой совокупность принципов, политических, политико-правовых и других социальных норм, направленных на борьбу с преступностью, а также криминологических программ и программ ресоциализации правонарушителей, разработанных на научной основе и реализуемых государством в сотрудничестве с гражданским обществом для обеспечения правопорядка, предупреждения и противодействия преступности, защиты личности, а в некоторых случаях – обеспечения национальной безопасности.

Основы уголовной политики определяются внутренними и международными условиями борьбы с преступностью и терроризмом; она проявляется в создании и реализации всеобъемлющей системы государственных директивных указаний, норм уголовного права, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также ряда других социальных предписаний; базируется на принципах предупреждения преступности и борьбы с ней на национальном и международном уровнях, а также на подходах к правонарушителям. [2,с.30;1 ,с.23-27].

Основными субъективными факторами, определяющими преступность и уголовную политику являются: интересы, потребности субъектов уголовной политики и субъектов правоотношений; личностные качества, психические процессы, свойства, состояния и образования общественно-политических и государственных лидеров, субъектов правоотношений; политические решения и действия субъектов уголовной политики; общественное сознание, его уровни и формы, включая правосознание, правовую психологию и правовую идеологию. Ключевым субъективным фактором, определяющим преступность и уголовную политику, является идеология и её правовая форма – правовая идеология. Последняя в силу её сущности и социально незаменимых функций высту-

пает необходимой теоретической базой, составной частью доктринальной стороны уголовной политики, правовой системы, права и законодательства.

На современном этапе существенно изменилась юридическая база уголовной политики, ее главная часть – уголовное законодательство, во многом вобравшая в себя непоследовательность мировоззренческой и методологической основ права. С одной стороны, принятый в 1997 г. УК КР устранил многие противоречия УК КССР, провозгласил демократические и гуманные социальные приоритеты – защиту прав и свобод личности. С другой стороны, УК не обеспечил достойную защиту человека от преступных посягательств.

В этой связи основной задачей правоведов является приведение уголовно-правовых норм в соответствие с международными нормами и принципами, ставящие перед собой главную цель - борьбу с преступностью.

Как уже упоминалось, Конституция Киргизии провозгласила, что человек, его права и свободы представляют собой наивысшую ценность; признание, соблюдение и защита прав и свобод личности и гражданина являются обязанностями государства, которое является демократическим и правовым. Власть в государстве осуществляется на основе принципа разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви. В качестве стратегии своего развития Киргизия выбрала создание рыночной экономики, построение общества на демократических основах и создание правового государства. Всё это, в конечном счёте, требует разработки новой политики в сфере уголовного правосудия и совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства в рамках проводимой судебной реформы.

По мнению многих юристов и представителей государственных и правоохранительных органов, современный Кыргызстан переживает сложный процесс демократических изменений во всех аспектах общественной жизни: экономическом, политическом, социальном, правовом и идеологическом, который начался в период перестройки в середине 1980-х годов.

Процесс реформирования общества весьма противоречив: с одной стороны, создаются основные институты правового государства, законодательство приближается к качественному уровню, с другой – наблюдается рост преступности, в том числе и организованной, изменяются ее качественные параметры. Все это требует совершенствования законодательной базы уголовного права и уголовного процесса, которая гарантировала бы права и свободы личности и в то же время способствовала бы эффективному противодействию преступности.

Следует отметить, что тенденция роста преступности в КР не только сохраняется, но и ускоряется. Кыргызстан оказался в списке стран с самым высоким уровнем преступности. В исследовании World Population Review наша страна указана на 31-м месте из 136. Отмечается, что индекс преступности в Кыргызстане в 2023 г. составляет 56,87.

Так, по данным Национального статистического комитета КР всего зарегистрировано в 1990 г. – 29654, в 1991 – 32061, в 1992 – 43944, в 1993 – 42495, в 1994 году – 41255, в 1995 году – 41008, в 1996 году – 39623, в 1997 году – 37262, в 1998 году – 34287, в 1999 году – 39951, в 2000 – 38620, в 2001 – 39986, в 2002 – 37193, в 2003 – 35606, в 2004 – 36616, в 2005 – 33277, в 2006 – 31392, в 2007 – 29151, в 2008 – 29519, в 2009 – 29715, в 2010 – 35528, в 2011 – 30520, в 2012 – 28847, в 2013 – 27214, в 2014 – 27070, в 2015 – 29100, в 2016 – 27481, в 2017 – 27706, в 2018 – 29718, в 2019 – 41622, в 2020 – 31211, в 2021 – 37784, в 2022 – 45096, и в 2023 году – 41961 преступлений [66].

Данная ситуация сложилась вследствие того, что преобразование экономики осуществлялось без разработки соответствующего механизма защиты государства и честного предпринимательства от незаконных действий. Процесс криминализации сопровождается усилением союза между экономической и общеуголовной преступностью, включая и самые опасные ее формы. В небольшой степени этому способствовали незаконная передача государственной собственности в ходе приватизации и корыстные злоупотребления при ее реализации, а также незаконное перераспределение созданного валового внутреннего

продукта в пользу преступных элементов через мошеннические операции в кредитно-финансовом и внешнеэкономическом секторах, на валютных и потребительских рынках.

Уголовную политику можно определить как направление деятельности правотворческих и правоприменительных органов государственной власти по выработке общих положений уголовного законодательства, установлению круга преступных деяний и системы наказаний, разработке санкций в конкретных составах преступлений и избранию справедливых и целесообразных мер воздействия в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений [211,с.23-26].

При анализе реализации правовой реформы, направленной на законодательное оформление борьбы с преступностью, необходимо выделить основополагающее значение новых законодательных документов, таких как Уголовный кодекс и Уголовно-исполнительный кодекс (УИК). Эти акты заменили прежние кодексы, которые не только утратили современность, но и во многом противоречили социально-политическим, экономическим и криминологическим условиям, возникшим в 90-х годах XX века, и призваны способствовать эффективной работе правоохранительных органов в противодействии преступности.

Отсутствие четко определённой концепции государственной уголовно-правовой политики вовсе не означает, что уголовное законодательство развивается хаотично в текущих условиях. Наоборот, на его формирование влияют мировоззренческие и идеологические установки, а также правовые принципы, которые определяют цели, задачи и средства борьбы с преступностью в рамках уголовного права. В большинстве случаев представители законодательной инициативы, в первую очередь депутаты Жогорку Кенеша КР, а также специалисты, участвующие в разработке законодательных актов, сходятся во мнении относительно стратегии уголовно-правовой политики и ключевых направлений совершенствования уголовного законодательства.

На законодательный процесс значительное воздействие оказывают положения Конституции КР, направленные на защиту прав и свобод граждан, а также международные правовые нормы. Тем не менее, общие взгляды на приоритеты уголовно-правовой охраны интересов личности, общества, и государства, а также их балансировка при разработке конкретных институтов и норм уголовного законодательства могут значительно отличаться. Это обстоятельство в конечном итоге способствовало формированию новой редакции УК и, безусловно, влияет на процесс подготовки его изменений и дополнений.

Хотелось бы отметить, что на сайте Национального статистического комитета в разделе «Количество преступлений совершенных по видам преступлений» обычно не включена глава «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» в силу того, что дела данной категории носят гриф секретности. Тем не менее, в работе представлены некоторые из них.

Так в период с 2012 по 2022 гг. по ст. 293 «Шпионаж» в редакции УК 1997 г. в 2012 г. был осужден 1 человек, по ст. 294 «Посягательство на жизнь или здоровье государственного или общественного деятеля» (УК КР 1997 г.) в 2016 и в 2017 гг. были осуждены 2 человека, по ст. 309 «Насильственный захват власти» (УК КР 2017 г. в первом полугодии 2022 г. был оправдан с вынесением приговора 1 человек, по ст. 295 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» (УК КР 1997 г. ; в 2012 г. было осуждено 8 человек, в 2013 г. – 12, в 2016 г. – 1, в 2017 г. - 1.

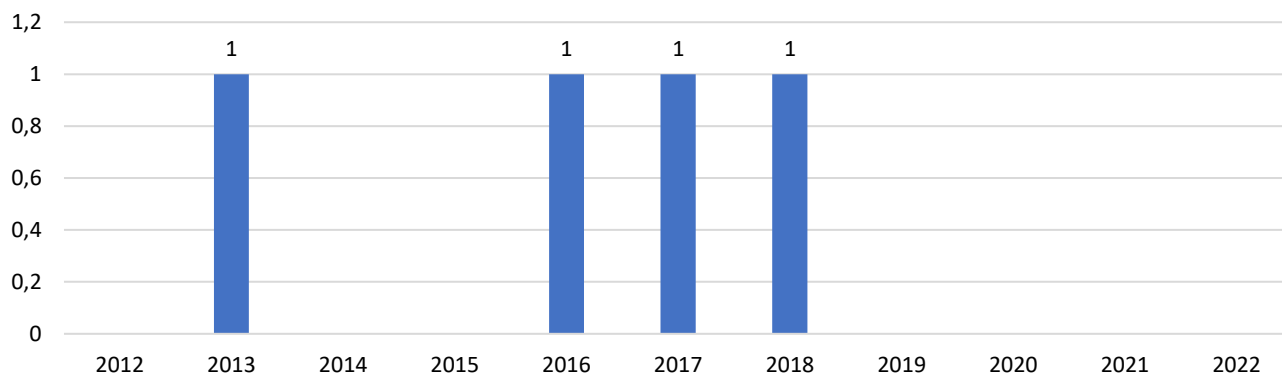

Согласно статистическим данным в период с 2012 по 2022 гг. по ст. 310 «Публичные призыву к насильственному захвату власти» (УК КР 2017 г.) в 2019 г. был осужден 1 человек, в 2021 г. – 1 и в первом полугодии 2022 г. – 1.

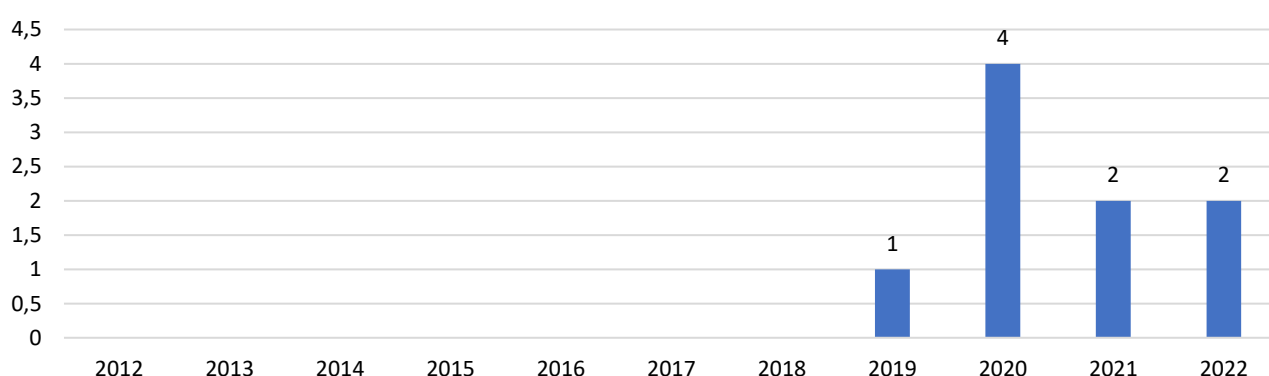
В период с 2012 по 2022 гг. по ст. 297 «Публичные призыву к насильственному изменению конституционного строя» (УК КР 1997 г.) в 2013 г. был осужден 1 человек, в 2016 г. – 1, в 2017 г. – 1 и в 2018 г. - 1.

Публичные призывы к насильственному изменению
конституционного строя
- статья 297 УК Кыргызской Республики
в редакции УК КР 1997 года

В период с 2012 по 2022 гг. по ст. 313 «Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни)» (УК КР 2017 г.) в 2019 г. был осужден 1 человек, в 2020 г. – 4, в 2021 г. – 2 и в первом полугодии 2022 г. - 2.

Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной
или межрегиональной вражды (розни)» - статья 313 УК
Кыргызской Республики
в редакции УК КР 2017 года

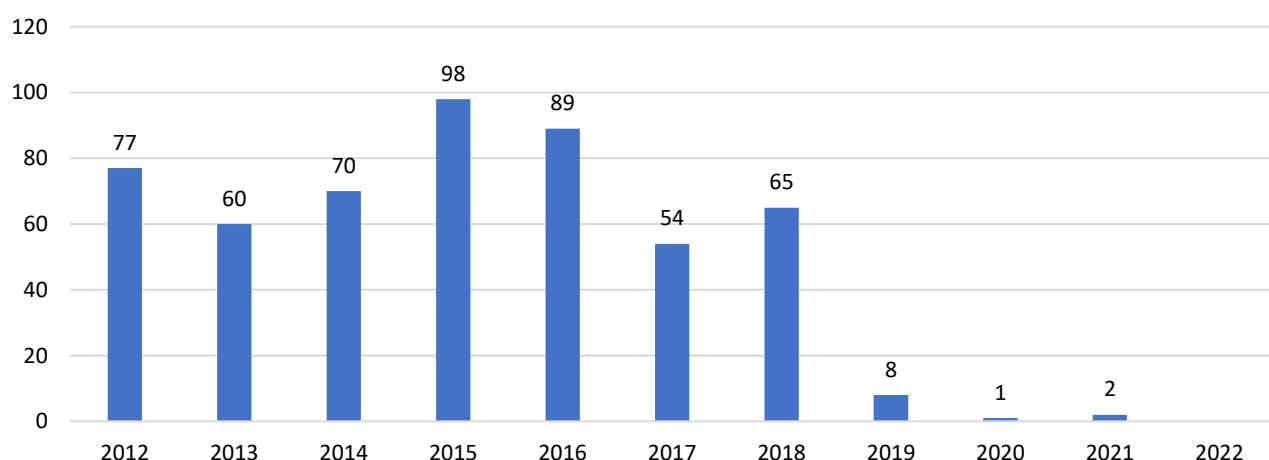
В период с 2012 по 2022 гг. по ст. 314 «Создание экстремистской организации» (УК КР 2017 г.) в 2019 г. были осуждены 15 человек, в 2020 г. – 14, в 2021 г. – 18 человек.

**Создание экстремисткой организации
- статья 314 УК Кыргызской Республики
в редакции УК КР 2017 года**

В период с 2012 по 2022 гг. по ст. 299 «Возбуждение национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды» (УК КР 1997 г.) в 2012 г. были осуждены 77 человек, в 2013 г. – 60, в 2014 г. – 70, в 2015 г. – 98, в 2016 г. – 89, в 2017 г. – 54, в 2018 г. – 65, в 2019 г. – 8, в 2020 г. – 1, в 2021 г. – 2.

**Возбуждение национальной (межэтнической), расовой,
религиозной или межрегиональной вражды - статья 299 УК
Кыргызской Республики в редакции УК КР 1997 года**

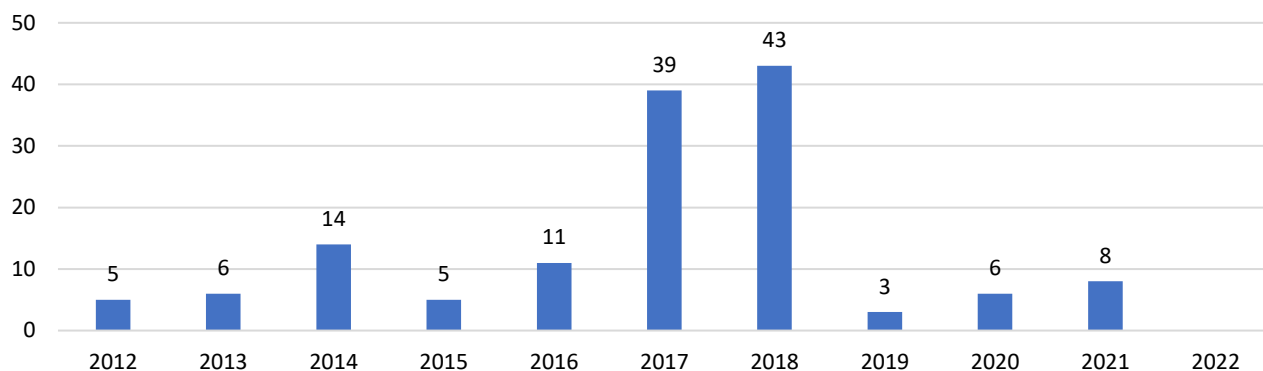

В период с 2012 по 2022 гг. по ст. 315 «Изготовление, распространение экстремистских материалов» (УК КР 2017 г.) в 2019 г. были осуждены 24 человека, в 2020 г. – 69, в 2021 г. – 110, а в первом полугодии 2022 г. – 16 человек.

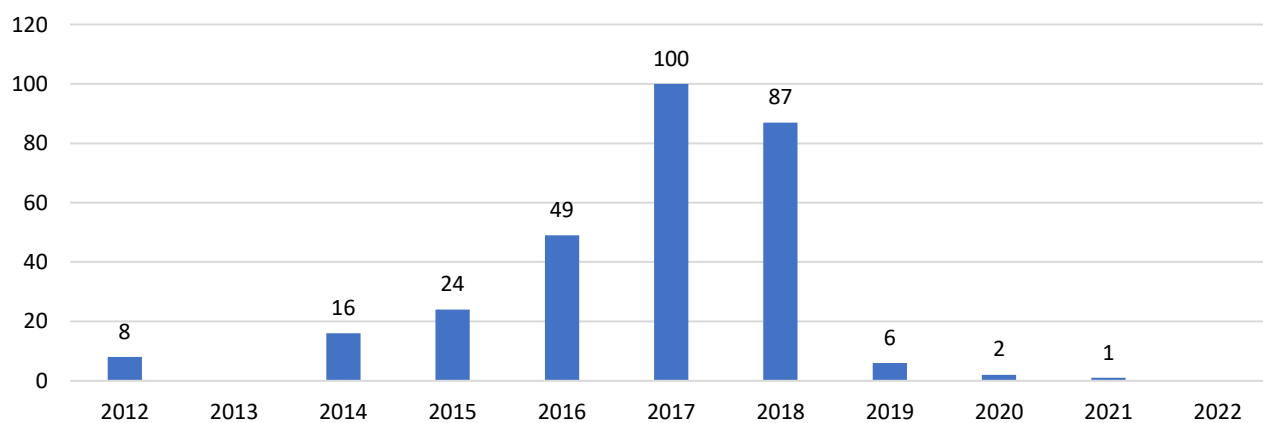
В период с 2012 по 2022 гг. по ст. 299-1 «Организованная деятельность, направленная на возбуждение национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды» (УК КР 1997 г.) в 2012 г. были осуждены 5 человек, в 2013 г. – 6, в 2014 г. – 14, в 2015 г. – 5, в 2016 г. – 11, в 2017 г. – 39, в 2018 г. – 43, в 2019 г. – 3, в 2020 г. – 6, в 2021 г. – 8.

Организованная деятельность, направленная на возбуждение национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды - статья 299-1 УК Кыргызской Республики в редакции УК КР 1997 года

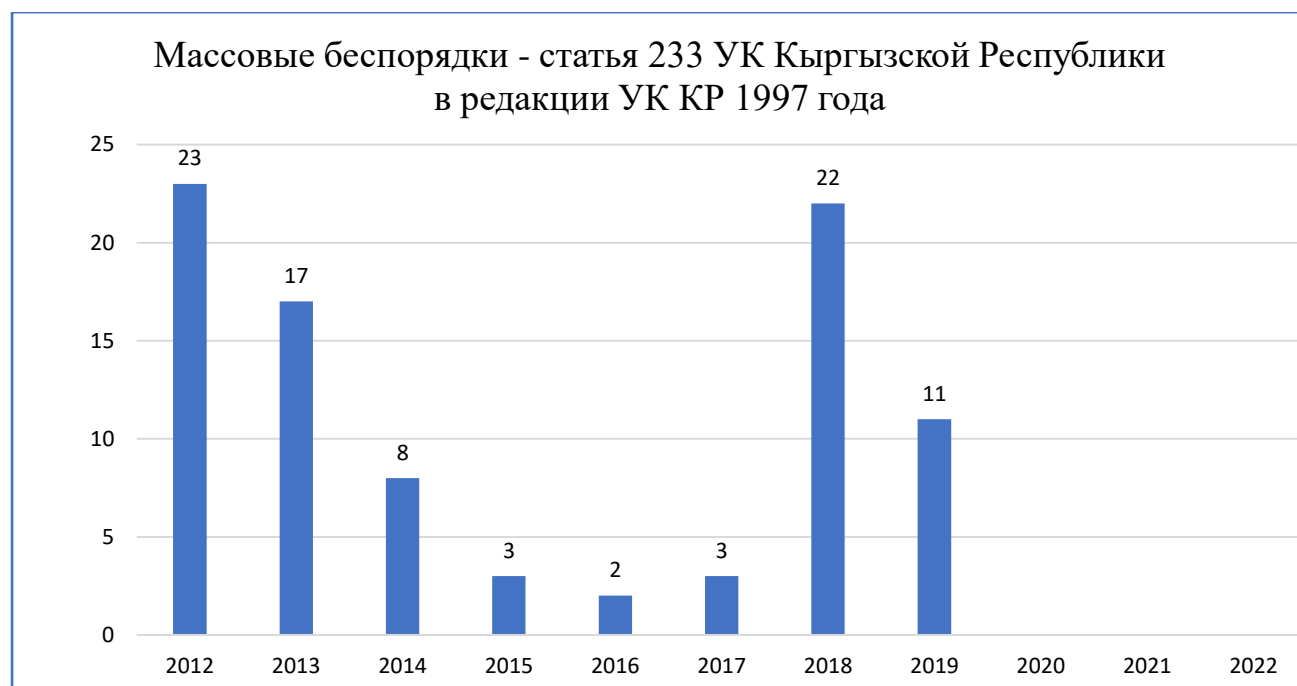

В период с 2012 по 2022 гг. по ст. 299-2 «Приобретение, изготовление, хранение, распространение, перевозка и пересылка экстремистских материалов, а также умышленное использование символики или атрибутики экстремистских или террористических организаций» (УК КР 1997 г. в 2012 г. были осуждены 8 человек, в 2014 г. – 16, в 2015 г. – 24, в 2016 г. – 49, в 2017 г. – 100, в 2018 г. – 87, в 2019 г. – 6, в 2020 г. – 2 в 2021 г. – 1.

Приобретение, изготовление, хранение, распространение, перевозка и пересылка экстремистских материалов, а также умышленное использование символики или атрибутики экстремистских или террористических организаций - статья 299-2 УК Кыргызской Республики

В связи с тем, что такие преступления как пр. ст. ст. 326. 327 УК КР, в основном сопровождаются массовыми беспорядками, диссертант также охватил этот период с 2012 по 2022 гг. по ст. 233 «Массовые беспорядки» (УК КР 1997 г.) в 2012 г. были осуждены 23 человек, в 2013 г. – 17, в 2014 г. – 8, в 2015 г. – 3, в 2016 г. – 2, в 2017 г. – 3, в 2018 г. – 22, а в 2019 г. – 11.

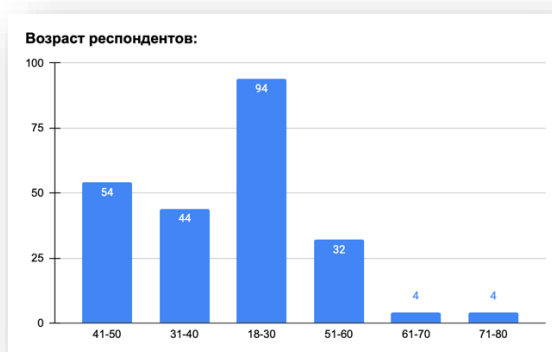
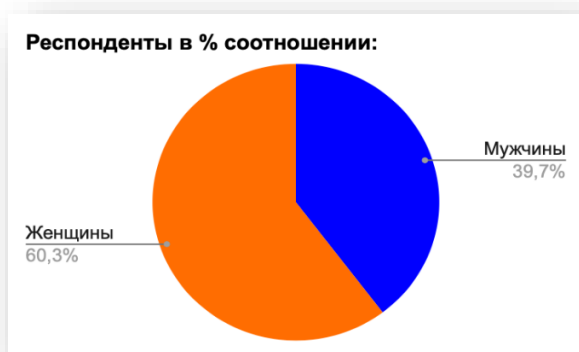

Как отмечают ученые, «...В настоящее время уголовная политика Кыргызстана переживает кризис, который в значительной степени обусловлен проблемами с правопорядком. Рост преступной деятельности в сочетании с отсутствием наказания для правонарушителей стал значимым фактором, влияющим на социальные и психологические аспекты жизни общества. В результате, такие условия неизбежно усиливают чувство страха и тревоги за безопасность и благополучие, что приводит к увеличению недоверия к государственным органам и правоохранительным структурам.» [175,с.75].

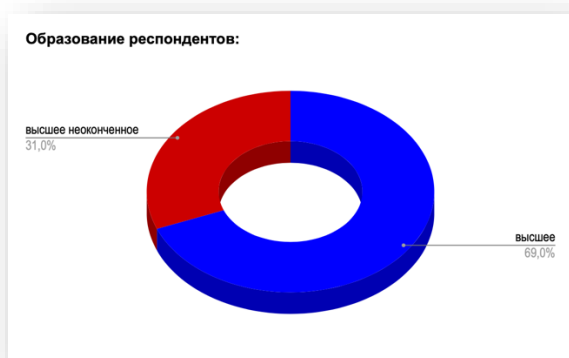
Результаты проведенного анализа также подтверждают заключение, что нынешняя ситуация уголовной политики КР действительно имеет кризисный

характер. Основной причиной является кризис в сфере правопорядка, так как увеличение преступности и отсутствие наказания для правонарушителей стали значимыми аспектами в социально-психологической жизни общества.

В этой связи диссертант провел 2 социологических исследования, в котором приняли участие 216 человек (сотрудники правоохранительных органов, представители других профессий, студенты и т.д.).

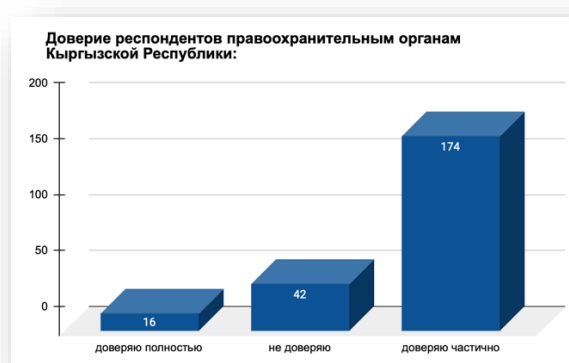
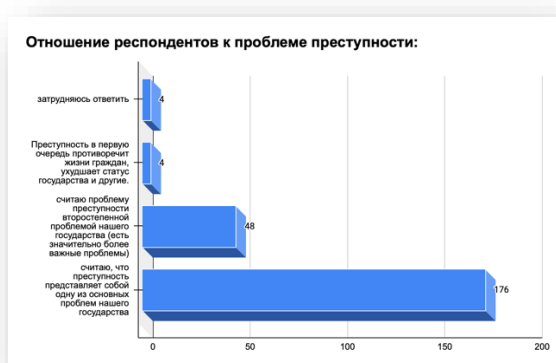
Среди принявших участие в опросе: 60, 3 % составили женщины, 39,7 % мужчины; 94 респондента в возрасте 18-30 лет; 54 респондента в возрасте 41-50 лет, 44 в возрасте 31-40 лет. По уровню образования: с высшим образованием составило 69%, с высшим неоконченным - 31%.

Несмотря на то, что статистика демонстрирует некоторые признаки стабилизации, а в отдельные годы даже фиксируется уменьшение количества пре-

ступлений, в последние годы криминальная сфера продолжает демонстрировать неблагоприятные тренды. Эти тенденции проявляются в социально опасных качественных (структурных) изменениях, как в области насильственных и экономических преступлений, так и в преступлениях против основ конституционного строя и государственной безопасности.

Сказанное подтверждается результатами проведенного социологического исследования. Так, 176 из 216 опрошенных респондентов считают, что преступность (насильственная, экономическая, против основ конституционного строя и безопасности государства) представляет собой одну из основных проблем нашего общества.

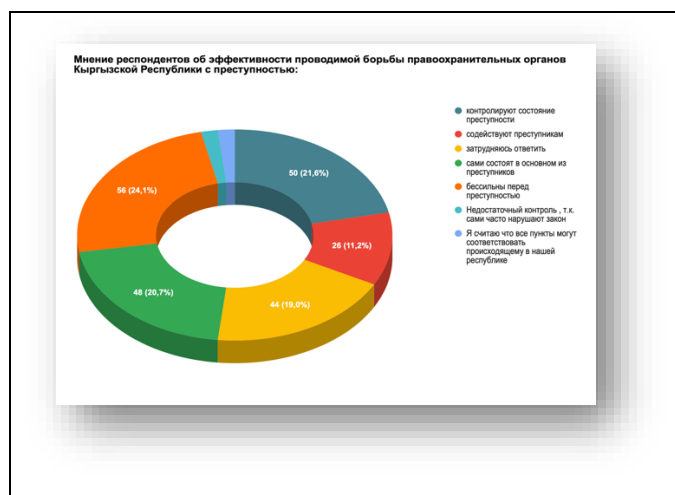

Так, по мнению диссертанта, преступные действия служащих органов уголовного юстиции достигли невиданных масштабов; правоохранительные структуры наряду с увеличивающимся числом заключённых становятся источником для возрастания организованной и профессиональной преступности. Потерпевшие и свидетели не всегда обращаются в органы внутренних дел, поскольку не ожидают от них законной и доброжелательной реакции или результативного расследования. Не имея возможности защитить свои права, жизни и собственность законными средствами, они всё чаще обращаются к криминальным группировкам или выбирают самозащиту.

При этом, согласно данным исследования 174 из 216 доверяют правоохранительным органам КР частично, а 42 из них не доверяют вообще.

Кризис правопорядка главным образом возник из-за того, что объективные признаки крупной социальной дезорганизации, неизбежные в процессе разрушения старой системы и установления новой, усугубились значительными субъективными ошибками и просчетами, допущенными на начальном этапе реформ. Это сопровождалось ослаблением механизмов государственного надзора и контроля, недостатками в правовой системе, отсутствием мощной социальной политики и снижением духовно-нравственного потенциала общества.

На вопрос «Насколько эффективно идет борьба правоохранительных органов КР с преступностью?» 24,1 % респондентов ответили, что они бессильны перед преступностью; 21,6% - они контролируют преступность, 20,7% - сами состоят в основном из преступников; 11% - они содействует преступникам.

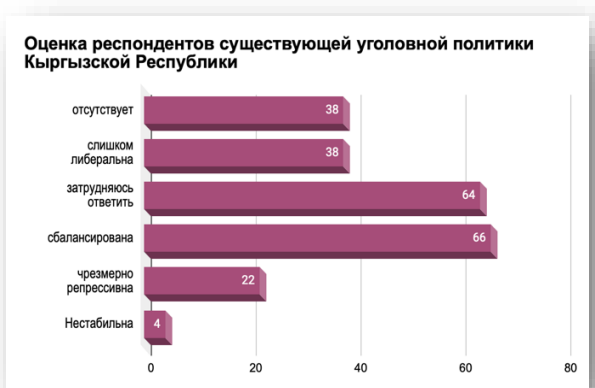

Диссертант солидарен с мнением о том, что борьба с преступностью становится объективно затруднённой на фоне системного экономического спада и периодических политических кризисов, а также из-за высокого уровня криминальности среди правящих, политической и экономической элиты и коррупции в государственных структурах. К этому добавляются факторы, способствующие

преступности, такие как увеличение разрыва между богатыми и бедными, рост уровня бедности и безработицы, а также сопутствующие явления, которые включают пьянство, наркоманию, психические расстройства, самоубийства, распад семей и детскую безнадзорность и т.д.).

Таким образом, автор диссертации заключает, что общая ситуация в уголовной политике определяется следующими основными факторами: ухудшением социально-экономической обстановки; недостаточностью законодательства; неэффективностью деятельности государственных, включая правоохранительные, органов в области борьбы с преступностью в целом; высоким уровнем коррупции.

В связи с чем перед респондентами был поставлен следующий вопрос: «Укажите основные, на ваш взгляд, причины недостаточной эффективности проводимой государством уголовной политики».

На поставленный вопрос 130 из 216 респондентов ответили и указали на коррумпированность правоохранительных органов и судов, 36 указали на экономическую слабость.

На вопрос: «Укажите возможные, на ваш взгляд, пути повышения эффективности борьбы с преступностью в нашем государстве?» - 29,3 % респондентов указали на ужесточение уголовной ответственности, 23,3% указали на принятие специального закона, регламентирующего меры профилактики пре-

ступности и отдельных ее видов, а 16,4 % указали на увеличение оплаты труда сотрудников правоохранительных органов и судов.

Кроме организованной, экономической преступности и коррупции в республике обозначились так называемые новые угрозы безопасности и стабильности республики: религиозный экстремизм, терроризм, а также преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. ст. 326, 327, 330, 331 и т.д.). Распространению этих неблагоприятных взаимосвязанных процессов способствуют внутренние проблемы в областях социума, экономики, политики, демографии, экологии, технологий, межэтнических отношений, психологии и других сферах. Кроме того, отсутствие должного сотрудничества и согласованности в борьбе с этими угрозами среди правоохранительных структур, органов исполнительной власти, в том числе местных администраций и органов самоуправления, а также представителей традиционных религиозных конфессий, принимающих участие в профилактике правонарушений, перечисленных в законе КР «О профилактике правонарушений в Кыргызской Республике», также способствует этой ситуации.

Показателями отсутствия должного внимания к вопросам предупреждения преступлений в целом, и преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, в частности, являются следующие примеры.

Так, Государственная программа по укреплению общественного порядка и борьбы с преступностью в КР на 1995-1996 гг., утвержденная постановлением Правительства КР от 17 мая 1995 г. №172 [63], была разработана на основе анализа криминогенной ситуации в республике, прогноза роста преступности, учета зарубежного и отечественного опыта разработки подобных программ, результатов научных исследований, анализа развития социально-экономической и политической ситуации в республике, включая анализ изменения законодательства республики.

Основные направления данной программы включают в себя: усиление мер и повышение профессиональной подготовки в борьбе с организованной

преступностью; совершенствование уголовного законодательства; ускорение судебной реформы, включающей разработку организационно-правовых гарантий для обеспечения правоохранительной деятельности, улучшение системы профилактики правонарушений, создание механизмов социальной и правовой защиты молодежи, предотвращение преступлений среди несовершеннолетних, повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений, поиск беглых преступников, оперативное рассмотрение дел в судах; защита личных и имущественных прав граждан от преступной деятельности, предотвращение незаконного оборота наркотиков, усиление борьбы с экономической преступностью, реформирование системы исполнения уголовных наказаний.

Как показал анализ реализации указанных задач, до настоящего времени нерешенными остались многие вопросы, в том числе проблемы совершенствования правовых основ борьбы с преступлениями, посягающими на основы конституционного строя и безопасности государства. Это свидетельствует об отсутствии должного внимания к объектам уголовно-правовой охраны, напрямую относящимся к национальной безопасности страны.

Далее, аналогичная ситуация сложилась и с реализацией Государственной программы по борьбе с преступностью в КР на 2006-2007 гг., разработчиками которой были Министерство юстиции, МВД, Генеральная прокуратура, СНБ и Верховный суд КР [64]. Данная программа предусматривала: удержание контроля над криминальной ситуацией; сосредоточение всех сил и средств правоохранительных органов и других ведомств на борьбе с преступностью в сфере экономики и коррупцией, снижение темпов прироста и доли тяжких и особо тяжких преступлений, повышение раскрываемости преступлений, создание обстановки спокойствия на улицах и в других общественных местах; качественное обновление правовой базы правоохранительной деятельности; устранение пробелов и противоречий, приведение в соответствие с законодательством нормативных правовых актов; повышение эффективности управленческой деятельности и ответственности за состояние правопорядка всех уровней исполнительной

власти и всех звеньев правоохранительной системы, более полное задействование местного потенциала; сохранение и закрепление кадрового профессионального ядра правоохранительных органов, восстановление доверия общества к ним; поэтапное формирование действенной системы профилактики правонарушений.

Выполнение задач программы предусматривало повышение уровня общественной безопасности и результативности борьбы с преступностью, надежную защиту общественного порядка и различных форм собственности, жизни, здоровья, свободы и достоинства граждан. В главе «Организационные меры и нормативно-правовое обеспечение» предусматривалось проведение анализа состояния преступности и практики выявления, расследования, раскрытия и предупреждения и пресечения преступности, привлечение международной и консультативно-технической помощи и т.д. Особое внимание уделялось борьбе с экономической преступностью, предупреждению и снижению незаконного оборота наркотических веществ, совершенствованию уголовного законодательства, профилактике правонарушений и преступлений, усилению борьбы с преступлениями против личности и имущественными преступлениями, борьбе с организованной преступностью, должностными преступлениями, содержанию заключенных в местах лишения свободы, а также международному сотрудничеству.

Вместе с тем, по заключению диссертанта, вопросам анализа предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства не было уделено должного внимания. В период с 1995 по 2007 гг., Правительство страны решало вопросы общего предупреждения преступлений; основное внимание уделялось профилактике, раскрытию и расследованию экономических преступлений, преступлениям, совершенным организованной преступностью, незаконному обороту наркотических средств и т.д., поскольку их рост повлиял на криминальную статистику.

В настоящее время актуальными, по мнению диссертанта, являются задачи практической реализации разработанных программ, предусматривающих, в первую очередь, процедуру отчетности органов государственной власти, ответственных за реализацию задач указанных программ. Речь идет о разработке новой формы отчетности ГКНБ и МВД о результатах реализации государственных программ, представляемый Кабинетом министров КР.

В целях общего предупреждения преступлений в 2021 г. принят Закон КР «Об основах профилактики правонарушений» и Концепция государственной политики в сфере профилактики правонарушений на 2022-2028 гг., утвержденную Постановлением Кабинета Министров КР от 23 августа 2022 г. № 469.

Под профилактикой правонарушений понимается система правовых, социально-экономических, психологических, информационных, организационных и иных мер, предпринимаемых субъектами профилактики правонарушений, прямо или косвенно направленных на повышение уровня защищенности граждан, снижение уровня преступности, выявление, устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений (ст. 2 Закона).

Основными задачами документов являются: 1) развитие системы профилактики правонарушений через правовое регулирование, принятие концепций, программ и планов в сфере профилактики правонарушений, координация усилий государственных органов, органов местного самоуправления, некоммерческих организаций, юридических и физических лиц, гражданского общества и граждан в сфере профилактики правонарушений; 2) развития системы учета, анализа и прогнозирования правонарушений; 3) внедрения современных информационных систем и технологий в сфере профилактики правонарушений, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности; 4) совершенствования механизмов взаимодействия субъектов профилактики правонарушений с населением в целях повышения доверия к государственным органам и органам местного самоуправления; 5) привлечения внимания общественности и граждан к профилактике.

Как показал анализ положений Закона «Об основах профилактики правонарушений», термин «правонарушение» - это не только правонарушения, предусмотренные Кодексом о правонарушениях КР; оно имеет довольно расширенное понятие.

Так, согласно п. 1 ст. 2 Закона, правонарушение – это противоправное деяние (действие или бездействие) объектов правонарушения и преступления, за совершение которого предусмотрена ответственность в соответствии с Кодексом КР о правонарушениях и УК КР. В связи с чем считается, что данный Закон полностью охватывает все признаки как правонарушений, так и преступлений, в том числе и предусмотренных гл. 41 УК КР. Это также подтверждает и то, что МВД, ГКНБ, Прокуратура и другие правоохранительные органы являются субъектами профилактики, т.е. они обязаны проводить профилактическую работу с объектами профилактики - гражданами, организациями, должностными лицами с помощью профилактических бесед и применения актов прокурорского реагирования.

Представляется, что реализация данного Закона будет способствовать снижению количества преступлений, таких как «Публичные призывы к насильственному захвату власти» (ст. 327), «Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной межрегиональной вражды (розни)» (ст. 330). Увеличение количества указанных преступлений подтверждается официальными сообщениями СМИ о проводимых судебных процессах в отношении ряда журналистов и блогеров.

Исходя из целей рассматриваемого Закона, основной задачей является создание системы профилактики правонарушений и переориентирование государственных органов от борьбы с последствиями преступлений к профилактике правонарушений. Реализация этой задачи позволит сократить бюджетные расходы (материальные, человеческие ресурсы и т.д.) и построить эффективную систему профилактики (предупреждения) преступлений против основ консти-

туционного строя и безопасности КР, в которой основное внимание уделяется актам прокурорского реагирования и официальному предупреждению.

Субъектами профилактики правонарушений являются: Кабинет министров КР, органы прокуратуры, органы местного самоуправления, координационные комиссии, общественно-профилактические центры, коммерческие, некоммерческие организации, представители гражданского общества и граждане, средства массовой информации.

Система профилактики правонарушений включает: 1) общую профилактику правонарушений; 2) специальную профилактику правонарушений; 3) пробационный надзор; 4) виктимологическую профилактику правонарушений (ст. 15 Закона).

Общая профилактика правонарушений осуществляется субъектами профилактики путем: 1) утверждения и реализации совместных планов по профилактике правонарушений, внутриведомственных планов и мероприятий по информированию общественности о деятельности в сфере профилактики правонарушений; 2) проведения мониторинга и оценки реализации программ и планов; 3) проведения исследований в сфере общественной безопасности и борьбы с преступностью, ведения криминологической статистики и анализа; 4) совершенствования законодательства в сфере общественной безопасности и профилактики правонарушений.

Специальная профилактика правонарушений – это деятельность субъектов профилактики правонарушений по разработке и реализации мероприятий, направленных на профилактику отдельных видов правонарушений, устранение причин и условий их совершения, выявление отдельных категорий лиц и оказание на них профилактического воздействия по: 1) предупреждению нарушений прав и свобод человека со стороны государственных органов, органов местного самоуправления и других субъектов профилактики правонарушений; 2) профилактике семейного насилия и насилия в отношении детей; 3) предупреждению торговли людьми, трудовой эксплуатации, рабства и неза-

конной миграции; 4) проведению профилактических мероприятий по снижению радикализации, предупреждению экстремизма и терроризма; 5) профилактике алкоголизма, наркомании, токсикомании; 6) противодействию коррупции и профилактике должностных преступлений; 7) осуществлению профилактических мероприятий в сфере пожарной и экологической безопасности.

К мерам профилактического воздействия относятся: 1) проведение профилактической беседы; 2) вынесение официального предупреждения; 3) включение объекта профилактики правонарушений в реабилитационные программы, программы по социальной адаптации и коррекционные программы.

Специальная профилактика правонарушений может включать и иные меры, не противоречащие законодательству КР, и не нарушающие основные права человека и гражданина.

Меры профилактического воздействия принимаются субъектами специальной профилактики правонарушений, к которым относятся: 1) органы внутренних дел; 2) органы национальной безопасности; 3) органы прокуратуры; 4) органы исполнения наказаний; 5) органы в области гражданской защиты; 6) органы санитарно-эпидемиологического надзора; 7) органы здравоохранения; 8) органы образования; 9) органы в сфере труда и социальной защиты.

Профилактическая беседа представляет собой устное объяснение, в ходе которого объекту профилактики преступлений разъясняется общественная опасность подготовки и совершения преступлений, а также правовые последствия, наступающие после совершения преступлений. Кроме того, она включает убеждение в том, что совершение таких действий недопустимо. Эта беседа проводится с человеком, чье поведение и поступки в общественных местах, по месту жительства, работы или учебы, а также образ жизни могут привести к осуществлению противоправных действий.

Возвращаясь к анализу Закона по созданию системы профилактики правонарушений и переориентирование государственных органов от борьбы с последствиями преступлений к профилактике правонарушений необходимо отметить, что предусмотренные УК КР ст. 327 «Публичные призывы к насильственному захвату власти» и ст. 330 «Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной межрегиональной вражды (розни)», стали объектом пристального внимания СМИ. В связи с чем предлагается следующий алгоритм действий ГКНБ КР, которые, по мнению диссертанта, будут способствовать эффективному применению Закона о профилактике правонарушений в части предупреждения совершения указанных преступлений.

Итак, следователь ГКНБ КР до проведения доследственной проверки либо принятия решения о вынесении постановления о возбуждении уголовного дела по ст. 327 и ст. 330 УК КР, должен соблюсти все требования, предусмотренные Законом КР о профилактике правонарушений. Речь идет о том, что следователь должен: вызвать объект профилактики, осуществивший умышленно или по неосторожности публичный призыв на профилактическую беседу и оформить его в письменной форме; разъяснить объекту профилактики правонарушения его права и обязанности в присутствии адвоката или любого другого лица, определяемого объектом, вызванным на беседу, не превышая трех часов и не в ночное время в здании органа национальной безопасности (например, ГКНБ КР, УГКНБ по городу Бишкек и т.д.), по месту жительства или по месту пребывания, учебы, работы объекта профилактики правонарушений, составив протокол с выдачей копии объекту с которым проведена беседа. В случае, если лицо, с которым проведена профилактическая беседа, отказалось подписать протокол, должностное лицо, проводившее профилактическую беседу, делает об этом запись в протоколе. По итогам беседы лицу, с которым была проведена беседа, может быть вынесен один из актов прокурорского реагирования или выдано официальное предупреждение.

В связи с чем предлагается внести в Закон о профилактике правонарушений норму, предусматривающую ответственность за несоблюдение мер профилактического воздействия, в следующей редакции:

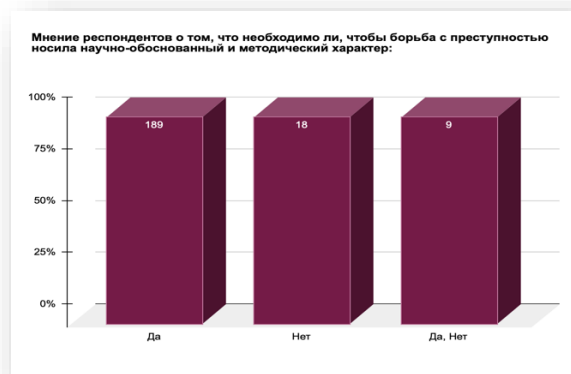
««Статья 21¹ «Последствия игнорирования мер профилактического воздействия»».

В случае неоднократного более 2-х раз повторения публичных призывов к насильственному захвату или насильственному удержанию власти с использованием средств массовой информации или информационно-коммуникационных сетей, а равно к насильственному изменению конституционного строя, а равно действий, направленных на возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни), унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, а также посредством сети Интернет к одному и тому же объекту профилактики правонарушений (призыв в СМИ, распространение в сети интернет), материалы примененных мер профилактического воздействия передаются в орган специальной профилактики (ГКНБ Кыргызской Республики) для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. ст. 327 и 330 УК Кыргызской Республики»».

Как уже ранее отмечалось, неэффективность борьбы с преступностью в республике за последние десять лет объясняется отсутствием продуманной и целенаправленной уголовной политики в целом, и уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Так, результаты социологического опроса среди лиц, имеющих юридическое образование и опыт работы в правоохранительных органах, показал, что 91,7% опрошенных считают, что уголовная политика в целом, и уголовная политика в сфере предупреждения преступлениям против основ конституционно-

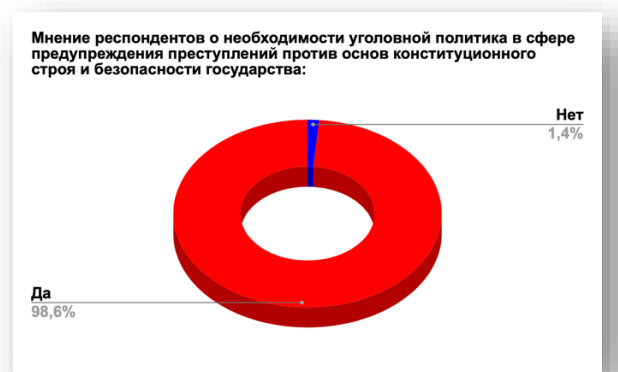
го строя и безопасности государства, в частности, является частью внутренней политики государства; 189 из 216 опрошенных респондентов уверены, что уголовная политика в КР должна носить научно-обоснованный характер.

Кризис в области верховенства закона в Кыргызстане нередко связывают с объективными сложностями переходного периода, такими как продолжающееся сокращение ВВП, безработица, увеличение числа преступлений и политическая нестабильность. Впрочем, можно подумать, что нынешняя уголовная политика как раз и способствует усугублению экономического кризиса.

В связи с чем назрела необходимость разработки комплексной программы противодействия преступности в целом, где особое место должна занимать Национальная программа противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства как части уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Проводимые в связи с этим социологические опросы показывают, что на вопрос: «Обращают ли внимание правоохранительные органы КР на концепции, стратегии или государственные программы по борьбе с преступностью?», 180 из 216 респондентов дали отрицательный ответ; вопрос: «Как вы считаете, необходима ли уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства?» - 98,6 % респондентов ответили положительно.

Как отмечает диссертант, эффективность комплексной программы противодействия преступности предусматривает необходимость разработки целенаправленной, основанной на среднесрочном прогнозе деятельности, которая предусматривает конкретные направления деятельности соответствующих органов государственной власти.

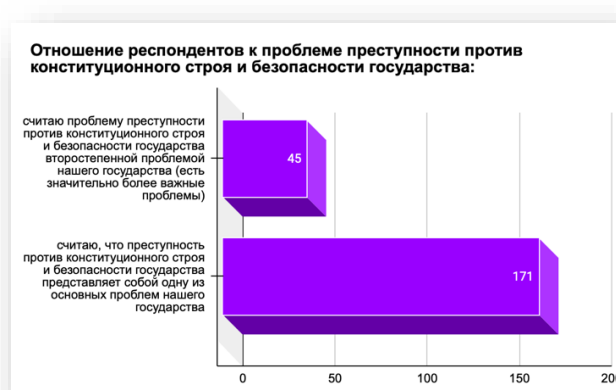
Справедливо мнение ученых о том, что «главными показателями этих стратегий усиления борьбы являются число новых законов и иных нормативных правовых актов, рост количества и численности силовых структур, число проведенных проверок, операций и т.п., когда борьба, в конечном итоге, превращается в самоцель. Настало время признания на высоком политическом уровне неэффективности одних мер уголовной репрессии в противодействии преступности, необходим переход от уголовных репрессий в борьбе с преступностью к ее предупреждению, как приоритету государственной политики в этой области. Поэтому принципиальная корректировка целей при формировании политики борьбы с преступностью - требование времени» [79,с.247].

На сегодняшний день важным остается вопрос о значении превентивных аспектов в правоохранительной сфере в целом. Исследование действующего правового регулирования профилактики преступлений в рамках различных правовых отраслей указывает на то, что единая и завершенная система такого регулирования еще не сформирована; она остается разрозненной. Закон «О профилактике правонарушений» практически не реализуется, что ведет к уве-

личению числа уголовных дел, где основными признаками являются публичные выражения или распространение в интернете, совершенные по неосторожности, случайные «лайки» или небезопасное использование соцсетей, недостаточный уровень компьютерной грамотности и прочее.

В рамках проводимого социологического опроса на вопрос: «Необходима ли уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства?» 189 из 216 респондентов ответили, что ее разработка необходима для принятия закона, предусматривающего ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

На вопрос: «Укажите Ваше отношение к проблеме преступности против конституционного строя и безопасности государства?», 171 респондент из 216 считают, что преступность против конституционного строя и безопасности государства представляет одну из основных проблем нашего государства.

Справедливо отмечал А.Б. Сахаров, когда писал о том, что в юридических кругах уже давно установилось убеждение, что необходимо перекрыть источник, который питает эту преступность. В противном случае мы будем, с переменным успехом, бороться с уже существующими преступлениями и личностями, погрузившимися в это криминальное «болото», в то время как оно будет продолжать пополняться[207,с.47].

Вместе с тем, нельзя не согласиться с К.М. Осмоналиевым, когда он пишет, что «сложившееся положение с профилактикой преступности можно назвать ситуацией «политики двойных стандартов», т.к. во всех упомянутых ранее программных документах по усилению борьбы с преступностью предупреждение преступности признано главным, магистральным направлением государственной политики рассматриваемой сферы. Однако на практике предупредительная работа свернута или игнорируется, приоритет отдается карательно-репрессивным моделям противодействия преступности, что связано с оценкой эффективности деятельности правоохранительных органов, ориентированных на увеличение процента раскрываемости преступлений, а не на увеличение показателей профилактической работы. Следует также добавить, что на профилактику преступности финансирование выделяется по остаточному принципу. Такое положение также усугубляет кризис правопорядка и уголовной политики, провозглашающей правильные принципы, но реализующей совершенно иные» [175,с.90-91].

Примерами упущений в предупредительной работе стали так называемые «Ошские события» 1990 г., когда в результате проявленной беспечности и равнодушия партийно-государственным руководством страны возникло противостояние жителей кыргызской и узбекской национальности[15,с.415-418].

Похожие события произошли в марте 2005 г., когда недовольные проводимой в стране социально-экономической политикой государства, нарушениями избирательного законодательства, граждане захватывали здания областных администраций и УВД в Джалал-Абаде и Оше, областной Нарынской администрации, Правительства в Бишкеке.

По мнению диссертанта, современная уголовная политика в сфере противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, дрейфует между либеральными и карательными моделями, поскольку на волне возросших карательных притязаний населения и кризиса

правопорядка есть большой риск возникновения ситуации войны с преступностью.

Тем не менее, в обстановке растущей преступности сложно убедить жителей республики, что ставка на карательные методы не имеет перспектив. Важно подчеркнуть, что сам уголовно-правовой метод борьбы с криминалом стал преступным. Нередко можно наблюдать, как из подозреваемых насильно выбиваются признания, фиксируются незаконные задержания и доставления граждан, а также многочисленные нарушения их законных прав и интересов, которые способствуют развитию должностных, коррупционных, политических и иных видов преступности.

Современная ситуация с противостоянием преступлениям, нарушающим основы конституционного строя и государственную безопасность, осложняется общей деградацией правосознания в обществе и ростом маргинализации и криминализации, вследствие чего большинство граждан не доверяет правоохранительным органам. В связи с этим, актуальной задачей становится создание действенной системы предотвращения преступности и формирование общей концепции противодействия преступлениям, особенно тем, что угрожают основам конституционного строя и безопасности государства.

Меры уголовного права, подразумевающие лишение свободы, не всегда способны полностью выполнить задачи наказания, такие как восстановление социальной справедливости и предотвращение будущих преступлений. Эти факторы подчеркивают необходимость пересмотра текущих стратегий в борьбе с преступлениями, направленными против основ конституционного строя и национальной безопасности, что в свою очередь потребует создания новых концептов в уголовной политике. В условиях социально-экономической нестабильности уголовная стратегия в данной области станет важным элементом, обеспечивающим национальную безопасность, требующим постоянного надзора и стабильного ресурсного обеспечения.

Таким образом, анализ криминологических основ реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений, направленных против основ конституционного строя и безопасности КР, позволил диссертанту сформулировать следующие выводы.

1. Уголовное законодательство КР, являющееся основной частью современной уголовной политики КР, характеризуется непоследовательностью мировоззренческой и методологической основой права, которые были свойственны прежнему уголовному законодательству. Так, УК КР 1997 г., с одной стороны, устранил многие противоречия советского уголовного законодательства, провозгласил демократические ценности, с другой, - характеризовался декларативностью и отсутствием реального механизма охраны и защиты личности.

2. В настоящее время уголовная политика Кыргызстана сталкивается с кризисом, что обусловлено ростом преступности и безнаказанностью преступников, ставших значительным фактором, влияющим на социально-психологическую обстановку в обществе. Это проявляется в усилении страха и тревоги у граждан за собственную безопасность и в увеличении недоверия к действенности правоохранительных органов.

3. Несмотря на некоторое уменьшение количественных данных по преступности, в последние годы наблюдается неблагоприятная динамика в криминальной ситуации. Это выражается в опасных структурных изменениях не только в насильственных и экономических преступлениях, но и в посягательствах на основы конституционного строя и государственную безопасность. 4. Неудовлетворительное состояние уголовной политики обусловлено следующими причинами:

ухудшение социально-экономических условий; несовершенство существующих нормативно-правовых актов; недостаточная эффективность работы государственных органов, включая правоохранительные, в области борьбы с преступностью; высокая степень коррумпированности; утрата духовно-нравственных ценностей в обществе.

ГЛАВА V. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

5.1. Концепция уголовной политики Кыргызстана в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности

Как уже упоминалось, предотвращение преступности в целом, а также преступлений в области основ конституционного строя и государственной безопасности в частности, осложняется различными факторами, некоторые из которых имеют специфический характер. Это связано с отсутствием адекватной концепции уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства КР. Ее длительное отсутствие привело к значительному ухудшению криминальной ситуации в стране и заметному снижению эффективности правоохранительных органов.

Концепция уголовной политики в рассматриваемой сфере стремится решить ключевые задачи, оправдывая комплексный подход, который включает социальные, психологические, этические, экономические и правовые аспекты, определяющие законопослушное поведение граждан.

По мнению диссертанта, разработка концептуальных основ уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства должна основываться на нормативном подходе, т.е. системе социальных норм, включающих нормативные и ненормативные акты Президента КР, актах, принимаемых Кабинетом министров КР и др.

Необходимо согласиться с мнением профессора К.М. Осмоналиева, который пишет о том, что «безусловно важнейшими концептуальными идеями

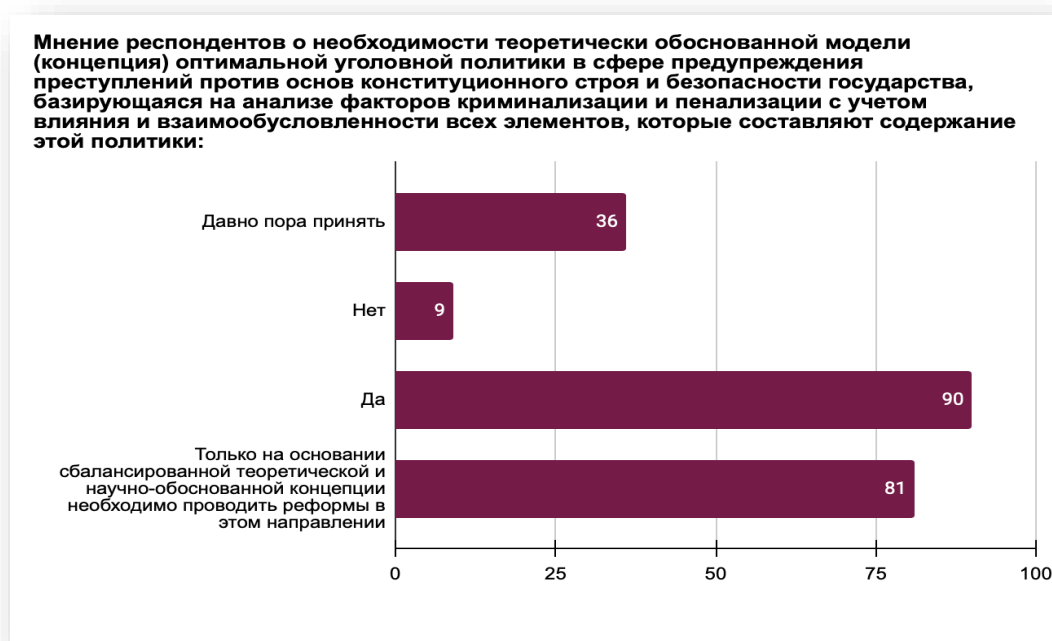
совершенствования уголовной политики являются корректировка ее целей, разработка новых критериев эффективности противодействия преступности, дальнейшая гуманизация системы уголовной юстиции и законодательства. Коррективы в цели уголовной политики должны быть внесены с учетом того обстоятельства, что тезис о бескомпромиссности в противодействии преступности морально устарел и в сложившейся ситуации продолжает приводить к кризису правопорядка и переполнению мест лишения свободы. Ближайшей целью концепции современной уголовной политики является разработка задач и подходов сдерживания преступности, формирования позитивных явлений, развитие ее внутренних видов, а также средств достижения этих целей на ближайшую перспективу» [175,с.75].

Следует отметить, что российские исследователи разработали ряд проектов концепций государственной и правовой политики в сфере борьбы с преступностью, в которых раскрываются основные положения криминологической политики. В научных кругах обсуждается вопрос о необходимости принятия таких документов, как «Основы государственной политики в области профилактики преступности» и других [109].

В этой связи диссертант отмечает, что основные положения этих документов могут быть использованы при разработке концепции уголовной политики КР в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства с учетом состояния правопорядка и национальных особенностей.

В рамках проведенного диссертантом социологического исследования на вопрос: «Как вы считаете, необходима ли теоретически обоснованная модель (концепция) оптимальной уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, базирующаяся на анализе факторов криминализации и пенализации с учетом влияния и взаимообусловленности всех элементов, которые составляют содержание этой политики?», 90 из 216 опрошенных респондентов дали поло-

жительный ответ; 81 респондент придерживался мнения, что проводить реформу в этом направлении следует строго на основании теоретической и научно-обоснованной концепции; 36 из 216 респондентов высказали мнение о том, что этот документ следовало принять раньше.

Представляется, что концепция уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства должна включать профилактическую составляющую в предупреждении преступности согласно Закона КР «О профилактике правонарушений», а также положения об уголовно-правовом принуждении, основанном на основных принципах дифференцирования и индивидуального подхода к уголовной ответственности в зависимости от степени тяжести и опасности преступного деяния и характеристик личности нарушителя закона. В концепции должно быть однозначно заявлено о недопустимости использования таких методов, как предвзятость обвинения и чрезмерная строгость уголовной репрессии, а также неуместная мягкость, способствующая безнаказанности правонарушителей. При этом особое внимание следует уделить предупреждению преступлений.

Анализ правовой литературы показал, что в уголовной политике следует избегать крайностей в виде избыточности и чрезмерной либеральности уголовно-правовых запретов и практики его применения[6], а исключить их позволяет такой принцип уголовной политики и права – дифференциация уголовной ответственности[39]; дифференциация ответственности представляет собой генеральное направление уголовной политики [97,с.67].

Подчеркивается также значимость криминологической обоснованности и важность законодательного оформления различия уголовной ответственности[133,с.287].

По мнению диссертанта, принцип приоритета мер профилактики перед мерами уголовной репрессии должен найти отражение как на законодательном и программном уровнях уголовной политики, так и на уровне правоприменения. В этой связи отмечается, что «... для этого следует изменить критерии эффективности правоохранительных органов, принять меры по постепенному изменению подходов деятельности этих органов с карательного на преимущественно охранительный и восстановительный аспекты. В конечном счете развитие уголовной политики в таком направлении приведет к формированию т.н. социализированной уголовной политики, преодолевающей отчуждение человека от государства и общества, формирующей условия для максимально полной и свободной самореализации в обществе [193,с.121].

Необходимо согласиться с мнением профессора К.М. Осмоналиева, который пишет о том, что «в рамках социализированной уголовной политики реальным образом можно задействовать общественные рычаги противодействия преступности, значение которых трудно переоценить, имея в виду в первую очередь процессы вовлечения общественности в процесс противодействия преступности: формирование и функционирование народных дружин по охране правопорядка, возрождение институтов поручительства в уголовном процессе» [175,с.75].

Первые шаги в Кыргызстане в этом направлении уже предпринимаются: учреждены суды аксакалов, после событий 24 марта 2005 г. в республике активизировался процесс вовлечения граждан и общественных объединений в сферу охраны общественного порядка.

Создатели данного проекта Концепции государственно-правовой политики в области борьбы с преступностью считают обоснованным, что государство обязано рассматривать все законные формы вовлечения граждан в обеспечение личной безопасности, поддерживать их активное участие и оказывать этому процессу законодательную, материально-техническую, финансовую и иную помощь. Возможно, что взаимодействие граждан с правоохранительными структурами, в том числе через участие в деятельности объединений по поддержанию правопорядка, должно быть возмездным.

Эффективность государственной политики в сфере предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства оценивается по официальным данным уголовной статистики, экспертным мнениям и оценкам соотношения поставленных целей и затраченных для их достижения ресурсов.

Эффективность применения различных уголовно-политических средств является важным показателем качественных характеристик деятельности. Однако оценка их на практике предполагает применение количественных методов. Количественные критерии эффективности можно получить через анализ уровня, структуры и динамики преступлений против конституционного строя и государственной безопасности, а также через другие конкретные показатели — такие, как количество лиц, не совершивших и совершивших преступления, и процент тяжких преступлений в общем массиве преступности по сравнению с усредненными данными. В практике предотвращения подобных преступлений динамика событий часто выступает ведущим критерием эффективности, поскольку через неё наиболее явно прослеживаются изменения как в количественном, так и в качественном аспекте. Но все-таки, динамика преступности

сама по себе не является основным критерием для оценки эффективности уголовной политики, так как известно, что официальная статистика учёта и регистрации преступлений имеет свои недостатки и далека от совершенства.

По этому поводу некоторые ученые пишут, что «... необходимо иметь в виду, что динамика преступности лишь косвенно характеризует социально-политическую и морально-психологическую атмосферу общества, остроту противоречий в стране. Она мало выражает реально достигнутый уровень защиты законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства. Как уже отмечалось ранее, эффективность политики противодействия преступности зависит от множества факторов, не обязательно непосредственно связанных с преступностью. Морально-психологическую напряжённость, протестные движения, гнетущую социальную атмосферу вряд ли можно выразить точными количественными показателями динамики преступности и критериями эффективности уголовной политики» [61,с.56].

Согласно мнению автора диссертации, подлинной мерой результативности уголовной политики выступает, несмотря на явную субъективность, мнение общества о состоянии преступности и принятых против нее мерах. Многочисленные исследования демонстрируют, что правильно настроенное общественное мнение является мощным инструментом в борьбе с преступностью. С одной стороны, оно может создавать атмосферу такой нетерпимости, которая значительно затрудняет реализацию противоправных намерений отдельных лиц. С другой стороны, лояльность и снисходительность общественного мнения к различным видам преступлений способствуют их дальнейшему распространению. Поэтому в системе уголовного воздействия необходимо усилить роль общественного осуждения, в частности, за счет применения карательного предостережения в тех случаях, когда отказ от наказания возможен, чтобы не допустить у преступника появления чувства безнаказанности.

Таким образом, результативность уголовной политики в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и без-

опасности государства, как больше оценочная категория, обязана базироваться на данных официальной статистики с учетом скрытого уровня (латентности) преступности. Одновременно представляется важным уделить внимание общественному мнению. Основной целью должно стать такое состояние общества, при котором у населения отсутствует страх и чувство незащищенности перед преступными посягательствами.

Западные эксперты полагают, что одним из перспективных направлений развития уголовной политики является частичное замещение традиционных органов уголовной юстиции другими юридическими структурами, вне правоохранительной системы. Данная концепция связана с реформами в уголовном, уголовно-процессуальном и административном законодательстве. В рамках этого направления все большее значение приобретают так называемая «примирительная» и «компенсационная» юстиция»[222], «ювенальная» юстиция (для несовершеннолетних) [13] и другие направления «щадящего» судопроизводства.

В этой связи диссертант отмечает, что эти идеи не относятся к рассматриваемым категориям преступлений.

По мнению диссертанта, основной задачей уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства является прогнозирование, т.е. предвидение результата от уголовно-политического воздействия в перспективе.

К.М. Осмоналиев, считает, что «актуальность разработки проблемы уголовно-правового прогнозирования обусловлена возрастанием значения прогнозного и критического мышления и повышения значимости требований по принятию решений в сфере борьбы с преступностью, таких как компетентность, научность и своевременность. Масштабность проблем борьбы с преступностью, динамизм обстановки, многообразие процессов, связанных с воспроизводством данного явления, определяют необходимость опережающе-

го анализа в развитии ситуации. Прогнозирование уголовной политики должно стать повседневной практикой» [175,с.75].

Данное определение в настоящее время приобретает особую актуальность, поскольку последствия неэффективной уголовной политики негативно отражаются на жизнедеятельности людей. Примером этому могут послужить события 2005 г., 2010 г. и 2020 г.

Предвидение влияния новых решений в области уголовной политики (например, введение или отмена уголовной ответственности) вовремя дает возможность частично предотвратить нежелательные последствия. Помимо этого, необходимо учитывать социально-экономические и политические изменения, способные произвести воздействие на оперативную и криминологическую обстановку в стране.

Общеизвестно, что опережающий прогноз в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства является непременным условием эффективности мер предупреждения. Он является гарантом оптимальной стратегии реализации нормативных предписаний. Учет прогнозной информации в правотворчестве должен быть обязательным требованием при разработке и принятии уголовного законодательства. Поэтому предложения по криминализации или декриминализации следует рассматривать как непосредственный результат уголовно-правового или криминологического прогноза.

По этому поводу справедливо мнение о том, что «Недальновидность мышления обрекает на случайный поиск приемлемых стратегий уголовно-правовой политики, означая по существу экспериментирование на человеческих судьбах» [96,с.167].

Одним из сложных, но необходимых составляющих уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, по мнению диссертанта, является, криминологический прогноз.

По этому поводу К.М. Осмоналиев отмечает, что в Кыргызстане прогнозы развития уголовной политики могут быть представлены тремя основными сценариями. Наиболее вероятный сценарий предполагает постепенное реформирование политики в направлении большей гуманности. Менее вероятный сценарий предполагает значительные позитивные изменения в уголовной политике, которые возможны при условии осуществления ключевых направлений её совершенствования, включая концептуальную, организационную, правовую и информационную поддержку. Как уже ранее отмечалось, события, произошедшие в марте 2005 года, апреле 2010 года и октябре 2020 года, стали отправной точкой для реформ в уголовной политике Кыргызстана, и эти реформы уже намечены, что вселяет надежду на позитивные перемены. Однако более вероятным является сценарий, при котором кардинальные изменения не произойдут; напротив, негативные тенденции в уголовной политике продолжатся. Уголовные репрессии по-прежнему будут направлены против жертв социальной политики — малоимущих и люмпенизированных слоев, — тогда как безнаказанность опасных преступников будет только увеличиваться из-за несовершенств в уголовном законодательстве и коррупции. Кроме того, уголовный закон будет и дальше использоваться как средство устрашения и устранения политических соперников [175,с.75].

Как отмечает диссертант, описанный К.М. Осмоналиевым «более вероятный сценарий кардинальных изменений» подтвердился на практике. Только с 2021 г. он становится более эффективным и сбалансированным, поскольку реформы, начатые Президентом КР С.Н. Жапаровым и председателем ГКНБ КР К.К. Ташиевым, уже дали свои результаты.

На данный момент руководство Кыргызстана столкнулось с непростым решением: либо сразу преобразовать гуманитарную составляющую национальной уголовной политики, сделав это реальным приоритетом, что потребует изменений в республиканском бюджете для улучшения профилактики преступ-

лений и контроля за криминальной активностью, либо внедрять эти изменения постепенно, создавая необходимую экономическую и моральную базу.

На это могут уйти несколько лет, но с учетом начавшегося реформирования возможно сделать среднесрочный прогноз на 5-10 лет.

По справедливому замечанию исследователей, «... кризисы принуждают государства «вспоминать» о старых, грубых рецептах лечения социальных болезней. Устрашение – скрытое или явное, осознанное или бессознательное – в таких случаях привычно открывает перечень лекарств» [142,с.131].

В этом контексте, как ни странно, для поддержания демократических изменений, вероятно, новая власть будет вынуждена на какое-то время сохранить высокий уровень уголовных репрессий. Обязательность этой меры диктуется спорадическими массовыми беспорядками, грабежами и самоуправством во время президентских избирательных кампаний. Альтернативой такому подходу к уголовной политике является разработка модели социально-правового контроля над преступностью, которая дает возможность задействовать другие отрасли права и социальные механизмы для предупреждения антиобщественных действий.

В целях максимального приближения объективно сложившейся уголовной политики к предполагаемой концепции уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства диссертант предлагает отнести к числу основных задач:

- реализацию Закона КР «О профилактике правонарушений», включивший в себя преступления и правонарушения;
- возрождение института уголовно-политического воспитания и просвещения населения в целях предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства;
- стимулирование активности гражданского общества в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, в том числе институтов социального контроля и т.д.

Для более эффективной организации системы борьбы с преступностью, по мнению диссертанта, следует создать научно-исследовательский институт при Академии ГКНБ КР, основными задачами которого будут мониторинг преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, их факторов и последствий, а также борьбы с ними.

Повышение эффективности координации деятельности республиканских, региональных и локальных правоохранительных органов, а также судов в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства – требование данной уголовной политики. Очевидна необходимость перераспределения финансовых ресурсов в сфере борьбы с данными преступлениями.

В рамках дальнейшей дифференциации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства закономерным представляется проведение усиления уголовно-правовой репрессии в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренных гл. 41 УК КР. Необходимо также применять меры, предусмотренные Законом КР «О профилактике правонарушений в Кыргызской Республике».

На основании вышеизложенного, и принимая во внимание проведенное исследование, предлагается вариант проекта Концепции уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР.

**Проект Концепции уголовной политики Кыргызской Республики
в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного
строя и безопасности государства на 2024-2028 гг.**

Преамбула

Задачи, связанные с разработкой и внедрением научно обоснованной и эффективной уголовной политики в области предотвращения преступлений, угрожающих основам конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики, становятся особенно важными в связи с провозглашенной Президентом Кыргызской Республики С.Н. Жапаровым целью построения правового государства и укрепления защиты прав человека. Для достижения существенного снижения уровня подобных преступлений и связанных с ними социальных отклонений необходима концепция, охватывающая полный спектр мер, реализуемых государством в этой области (правовые, организационные, социально-экономические, научно обоснованные и прочие).

Уголовная политика в сфере профилактики преступлений, угрожающих основам конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики, и принимаемые в её рамках стратегические меры должны обеспечить максимальное ограничение преступности, сокращение её до уровня, на котором она перестанет представлять угрозу национальной безопасности Кыргызской Республики.

Основной целью государственной уголовной политики является уменьшение количества и потенциальной опасности преступлений против конституционных основ и безопасности страны, а также их причин и условий. Однако уголовное законодательство не может быть единственным или основным инструментом в решении сложной социальной проблемы борьбы с такими преступлениями.

Проблемы, с которыми сталкивается современная уголовная политика в области предупреждения преступлений против конституционных основ и безопасности Кыргызской Республики, обусловлены переходным состоянием об-

щества и неустоявшимися политико-экономическими реалиями. Анализ текущего состояния этой политики показывает, что она по-прежнему сохраняет излишне репрессивный характер.

Общие положения

Уголовная политика в области профилактики преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики направляет деятельность государственных органов на социальную профилактику преступлений, предотвращение их совершения, своевременное пресечение, привлечение к ответственности виновных, исполнение наказания и достижение его целей.

Уголовная политика в этой сфере является частью государственной правовой политики по противодействию преступности, включает определение круга деяний, признаваемых преступлениями, установление наказаний и других последствий, регулирует принципы и средства дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания, что отражается в уголовных законах и других нормативных актах, а также в практике их применения. Принципы уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства – это такие идеи, на основе которых должны разрабатываться законы, подзаконные акты и осуществляться деятельность государственных органов и должностных лиц в сфере борьбы с преступностью. Принципами уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства являются законность, справедливость, гуманность и т.д.

1. Предпосылки реформирования уголовной политики

Современное состояние уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государ-

ства, закономерным последствием которой является продолжающаяся прижизненная криминализация населения, характеризуется как кризисное.

На современном этапе в Кыргызской Республике в условиях глобализации, и появлением новых видов угроз современная уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, требует новых подходов к научному переосмыслению как конструкции норм уголовного закона, системы профилактики и эффективности назначаемых органами суда наказания и мер уголовно-правового характера.

Определяющим в условиях глобализации является определение и взаимопризнание ключевых направлений национальной уголовной политики в сфере преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в контексте утвержденной правовой политики Кыргызской Республики и проводимой международной политики в целях повышения ее эффективности по обеспечению национальной безопасности и нейтрализации внешних и внутренних угроз, содействующих созданию безопасных условий для реализации конституционных прав и свобод граждан, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства.

Рост преступности в обществе вместе с ощущением безнаказанности правонарушителей стали ключевыми аспектами в социально-психологической атмосфере, создавая у граждан чувство страха и беспокойства за собственную безопасность и благополучие, а также недоверие к органам государственной власти и правоохранительным структурам. Главным фактором, приведшим к кризису в правовой сфере, стало то, что объективно обусловленные проявления широкой социальной дезорганизации, неизбежные при смене старого порядка на новый, сопровождались значительными субъективными ошибками и просчетами, совершенными в первые годы после приобретения независимости республики. Это привело к ослаблению механизма государственного контроля,

несовершенству правовой структуры и нехватке эффективной социальной политики, а также к снижению духовных и моральных ценностей общества.

К тому же, становится очевидным кризис в системе, ответственной за уголовную политику, проявляющийся в основном через два аспекта: потерю доверия населения к данной системе и всеобщую коррупцию в структуре уголовного правосудия, что также значительно указывает на необходимость реформ в сфере уголовной политики. Криминальные тенденции среди работников правоохранительных органов достигли беспрецедентного уровня, при этом сами правоохранительные структуры (вместе с растущим числом заключенных) начинают выступать одним из источников распространения и роста организованной и профессиональной преступности.

2. Цели и принципы реформирования уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства

Цель реформирования уголовной политики в области предотвращения преступлений, направленных против основ конституционного строя и безопасности государства, состоит в том, чтобы изменить существующую систему борьбы с преступностью, превратив её в качественно новую форму. Эта форма должна акцентироваться на реальной и всесторонней защите интересов личности, общества и государства. Вместо карательного подхода приоритет должен быть отдан восстановительным и профилактическим мерам. Коррективы в цели уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства должны быть внесены с учетом того обстоятельства, что тезис о бескомпромиссности в противодействии преступности морально устарел и в сложившейся ситуации продолжает приводить к кризису правопорядка и переполнению мест лишения свободы.

Недопустимы как обвинительный уклон и расчет только на жесткость уголовной репрессии, так и неоправданный либерализм, ведущий к безнаказан-

ности правонарушителей. При этом важнейшее место должно быть отведено приоритету профилактики по отношению к уголовному наказанию.

Принцип обеспечения приоритета мер профилактики перед мерами уголовной репрессии. Принцип, согласно которому меры профилактики должны иметь приоритет над уголовной репрессией, необходимо отображать как на законодательном уровне и уровне программ в уголовной политике по предотвращению преступлений против конституционного строя и государственной безопасности, так и в практике правоприменения. Для этого требуется радикальное изменение критериев оценки эффективности правоохранительных органов и постепенное изменение их подходов с карательного на более защитный, восстановительный и профилактический. В результате такого направления развития уголовной политики сформируется социализированная уголовная политика в сфере предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности, устраняющая отчуждение между гражданами и государством, обеспечивающая условия для свободного самовыражения в обществе. В рамках социализированной уголовной политики становится возможным эффективно использовать общественные механизмы борьбы с преступностью, особенно важные в контексте вовлечения общественности в эту борьбу: создание и деятельность организаций, занимающихся охраной правопорядка, возрождение институтов поручительства в уголовном процессе.

В профилактической части уголовной политики, направленной на предотвращение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, в ее концепции и правоприменительной практике должно присутствовать внимание к вопросам приоритета социальной реинтеграции лиц, отбывших наказание. Как уже было упомянуто ранее, отказ от профилактических мер со стороны правоохранительных органов приводит к множеству негативных последствий и росту преступности. Бывшие заключенные часто оказываются на социальном дне, внося значительный вклад в ухудшение криминальной обстановки.

Принцип преемственности в реформировании уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Принцип преемственности при реформировании уголовной политики в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и государственной безопасности заключается в том, что современная уголовная политика должна включать в себя все положительные аспекты из исторического опыта борьбы с преступностью. В частности, это касается традиций восстановительного правосудия дореволюционного времени, идеи приоритета профилактических мер против преступлений, а также опыта реализации антикриминальных программ и кампаний советской эпохи. Важно не забывать о негативных эффектах необдуманной, волюнтаристской, чрезмерной и излишне строгой уголовной политики.

Принцип научности и прогнозирования уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Принципы научного подхода и прогнозирования важны для уголовной политики в плане предотвращения преступлений, угрожающих конституционным основам и безопасности страны. Проведение упреждающих прогнозов в борьбе с преступностью является обязательным условием, обеспечивающим эффективность противодействующих мер. Прогноз в области уголовного права гарантирует наиболее оптимальное воплощение правовых предписаний. В законодательной практике учет прогнозной информации должен стать обязательным требованием при создании и принятии норм уголовного права. Например, предложения по введению новых уголовных норм или их отмене следует расценивать как результат прогноза в области уголовного права или криминологии. Прогнозирование в сфере предупреждения преступлений, подрывающих конституционный строй и государственную безопасность, необходимо рассматривать как средство реформирования этой политики. Процессы прогнозирования, как и прочие значимые действия в области уголовной политики, следует осуществлять, следуя принципам научного обоснования

принимаемых решений. Принятие уголовно-политических решений должно происходить с учетом мнений криминологов и, по возможности, сопровождаться криминологической экспертизой.

Принцип общественного контроля уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Включение общественного контроля в уголовную политику для предотвращения преступлений, угрожающих основам конституционного строя и безопасности государства, в ходе реформирования этой политики поможет избежать её использования как инструмента запугивания и устранения политических оппонентов. Регулярное изучение общественного мнения относительно процесса реформ повысит эффективность уголовной политики. Также постоянное сотрудничество между теми, кто разрабатывает и внедряет уголовную политику, и институтами гражданского общества будет способствовать достижению важной задачи реформирования — восстановлению доверия граждан к правоохранительным органам.

3. Совершенствование механизмов обеспечения реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Главными концептуальными идеями реформирования уголовной политики Кыргызстана и формирования новой уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики являются концепции, направленные на устранение избыточности уголовной репрессии, развитие программ профилактики преступности, в особенности полномасштабное исполнение субъектами профилактики Закона Кыргызской Республики «Об основах профилактики правонарушений». Законодатель должен пересмотреть действующее уголовное законодательство с целью выяснения возможностей декриминализации преступлений небольшой тяжести, пересмотра санкций отдельных статей Особенной части УК КР с целью исключения наказаний в виде лишения свободы, замены их имуществен-

ными наказаниями или общественными работами, ограничением свободы, но где имеется объективная необходимость и усилить ее ответственность. Расширить возможности следственных судей по избранию мер пресечения, не связанных с лишением свободы, рассмотреть возможности судов по применению условно-досрочного освобождения от наказания для категории неопасных для общества лиц впервые совершивших преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, расширить перечень дел частного обвинения и возможности досудебного и судебного освобождения от уголовной ответственности за примирением сторон и т.п.

В уголовном кодексе следует пересмотреть систему наказаний с учетом прошлого опыта, значительно сузить использование смертной казни и длительных сроков лишения свободы, причем максимально допустимый срок необходимо сократить вдвое. Также необходимо обеспечить воплощение принципа экономии уголовной репрессии и внедрение дифференцированной и, следовательно, более справедливой практики применения уголовного законодательства. Необходимы разработка и принятие комплексных законопроектов, направленных на профилактику преступлений и социальную реинтеграцию осужденных, которые уже отбили наказание. Создание нормативно-правовой базы, которая обеспечит научную обоснованность, устойчивость и приемственность уголовной политики, является важнейшей гарантией, в которую должны войти следующие акты законодательства Кыргызской Республики:

- Закон Кыргызской Республики «Об основах национальной уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики»;

- Закон Кыргызской Республики «О мониторинге преступности»;

- Закон Кыргызской Республики «О негосударственных организациях в сфере борьбы с преступностью»;

- Закон Кыргызской Республики «О криминологической экспертизе».

4. Совершенствование организационно-ресурсного обеспечения уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики

Создание единой системы многоуровневой подготовки высококвалифицированных специалистов, управленческих и научно-педагогических кадров для органов национальной безопасности, расширения научно-исследовательской базы по вопросам обеспечения национальной безопасности Кыргызской Республики. Нельзя осуществлять противодействие преступности против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики только с момента появления каких либо новых угроз национальной безопасности или появления новых способов совершения преступлений, предусмотренных в главе 41 УК Кыргызской Республики «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», либо присоединения к той или иной международной конвенции, договорам и соглашениям. Необходимо прорабатывать вопросы совершенствования борьбы на этапе прогнозирования и планирования, и делать это на постоянной системной основе в научно-исследовательских институтах Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики (НИИ ГКНБ КР), которые становятся новым вектором развития в изучении и исследовании вопросов противодействия и предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики, поскольку они в условиях нового мирового порядка становятся в главу угла, когда в приоритете национальные интересы республики, ее безопасность, мирная жизнь граждан Кыргызской Республики, развитие всех государственных и общественных институтов.

Исследование проблем теории уголовного права в части изучения вопросов связанных с предупреждением преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства при изучении со смежными дисциплинами как оперативно-розыскная деятельность ГКНБ Кыргызской Республики невозможна без научно-обоснованной разработки вопросов методологии.

Доминирующее влияние в этом отношении приобретает законодательное закрепление Концепции уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики.

С момента обретения независимости очень слабо проходило концептуальная взаимосвязь теории-науки-практики практически во всех министерствах и ведомствах республики, в том числе и в правоохранительных органах. В этой связи Указ Президента Кыргызской Республики С.Н. Жапарова о создании Академии ГКНБ Кыргызской Республики имени генерал-лейтенанта Анарбека Бакаева на базе Института профессиональной переподготовки и повышения квалификации Государственного комитета национальной безопасности.

С начала 90-х годов, то есть с момента обретения независимости очень слабо проходила концептуальная взаимосвязь теории-практики-науки практически во всех министерствах и ведомствах республики.

Утеряна связь науки (научно-исследовательских институтов) и практических подразделений, поскольку именно специализированные научно-исследовательские институты должны заниматься разработкой нормативно-правовой базы, методологическими разработками, проведением соответствующих исследований, апробированием этих исследований в правоприменительной практике и т.д. то есть простыми словами работой над ошибками в целях улучшения деятельности практического подразделения, основываясь на собственных опросных листах, анкетированием, проведения социологических исследований, оценке рисков и т.д. иначе эту сферу займут неправительственные организации (НПО). Практически отсутствует взаимосвязь между защищенными диссертациями и внедрением их результатов в деятельность практических подразделений. Законопроектами все больше занимаются общественные фонды и некоммерческие организации, так называемые НПО, которые получив грант на проведение исследования, проводят его, используя весь перечень научно-исследовательских инструментариев (телефонные опросы, анкетирование, изу-

чение теории и проблем правоприменения и т.д.) проводят круглые столы, конференции, приглашают государственных и общественных деятелей, создают резонанс проблемы и после этого направляют на общественное обсуждение законопроект в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики. Естественно, этого запретить нельзя и это их право, но, с другой стороны, тогда чем же занимаются профильные кафедры юридических факультетов и многочисленных академий, почему они исходя из их прямых функциональных обязанностей не занимают эту нишу, не являются инициаторами законопроектов по предупреждению преступлений и преступности.

В настоящий момент, Кыргызская Республика во многом зависит от технической помощи стран-доноров, которые предлагая многомиллионные проекты фактически проводят социальные эксперименты и «навязывают» нам различные виды политических институтов, реформ в законодательстве, и т.д. В связи с чем, иногда возможно мы забываем так называемую уголовную политику (генеральную линию принятия решений), от которой ни в коем случае не должны отходить – так называемую черту, за которую нельзя заходить поскольку за ней стоят национальные интересы.

Немаловажным будет отметить, что уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства необходима тогда, когда идет рассмотрение и/или стадия принятия судьбоносных решений и никакое отклонение не допустимо даже при наличии интересных проектных и иных заявок, как например реформирование уголовного законодательства 2017 года. Несмотря на то, что данное реформирование преследовало ряд целей, стоящих перед уголовной политикой, а именно гуманизацию уголовного законодательства и минимизацию тюремного населения, исключения многих апробированных временем норм общей части уголовного закона и т.д. то при рассмотрении в глобальном аспекте, данным реформированием государство могло решить лишь небольшие в сравнении с общей право-

применительной практикой задачи, которые были и решены принятием нового УК Кыргызской Республики от 2021 года.

Научно-обоснованные инициативы должны исходить из интереса государства через научно-исследовательские институты, кафедры и ВУЗы, и именно через эти субъекты и во взаимодействии с ними неправительственный сектор должен продвигать свои идеи о совершенствовании тех или иных направлений государственного или общественного устройства. В будущем специализированный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций при Академии ГКНБ Кыргызской Республики должен создавать и исследовать концептуальное развитие ГКНБ Кыргызской Республики как в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, так и в других направлениях обеспечения национальной безопасности республики.

В период с 1995 по 2019 годы, Правительство Кыргызской Республики было занято вопросами общего предупреждения преступлений, больше склоняясь к профилактике, раскрытию и расследованию экономических преступлений, которые резко появились и повлияли на криминальную статистику, преступлениям совершенным организованной преступностью, незаконному обороту наркотических средств и т.д., поскольку их статистика резко возросла, и стала объектом внимания оперативно-служебных совещаний СНБ и МВД Кыргызской Республики, а значит и объектом внимания со стороны Правительства Кыргызской Республики, что означало о скорейшей необходимости принятия организационных и нормативно-правовых мер реагирования. Этими средствами реагирования и стали государственные программы по борьбе с преступностью. Насколько они были эффективными и реализованы ли полностью нельзя ответить однозначно, но что действительно волнует и что не было сделано так это обратного механизма в реагировании.

Важным является разработка отчетного механизма или процедуры по реагированию на запланированные организационные меры и разработку нор-

мативно-правовых актов в рамках государственных программ, они должны быть, понятными, прозрачными, конкретными. ГКНБ, МВД в лице Кабинета Министров Кыргызской Республики должны начать отчитываться за выполнение государственных программ в новой всем понятной форме и процедурах, не ограничиваясь проведением оперативно-служебных совещаний, статус этих программ государственный, а значит, что и граждане, и общественные организации должны внятно понимать, что происходит, что делается, что сделано и что планируется.

В соответствии с Законом Кыргызской Республики «Об основах профилактики правонарушений» от 5 мая 2021 года, каждый субъект профилактики обязан проводить профилактическую работу с так называемыми объектами профилактики, такими как граждане, организации, должностные лица и т.д., где правовыми инструментариями согласно данного закона являются проведение профилактической беседы, применение актов прокурорского реагирования, официальное предупреждение.

Закон Кыргызской Республики «Об основах профилактики правонарушений» носит особый профилактический характер, и защищает права, свободы и законные интересы граждан Кыргызской Республики, и что не менее важно кроме всего перечисленного в перечне задач – это создание системы профилактики правонарушений и переориентирование государственных органов от борьбы с последствиями преступлений к профилактике правонарушений. Задача вышеуказанного Закона может позволить государству сократить бюджетные расходы (материальные, человеческие ресурсы и т.д.) и построить грамотную систему профилактики (предупреждения) преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики, в которой первоочередное место будет отдано профилактической беседе, актам прокурорского реагирования и официальному предупреждению. В рамках данного нормативного правового акта должны быть сформулированы алгоритмы действий сотрудников ГКНБ Кыргызской Республики в части предупреждения, профилак-

тики преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики. Например, следователь ГКНБ Кыргызской Республики до того, как провести доследственную проверку либо принять решение о вынесении постановления о возбуждении уголовного дела по ст. 327 и ст. 330 УК Кыргызской Республики должен исчерпать все требования, предусмотренные Законом Кыргызской Республики о профилактике правонарушений, то есть вызвать объект профилактики осуществивший умышленно или по неосторожности публичный призыв на профилактическую беседу и оформить его в письменной форме, путем разъяснения объекту профилактики правонарушений его права и обязанности в присутствии адвоката или любого другого лица, определяемого объектом вызванным на беседу, не превышая трех часов и не в ночное время, в здании органа национальной безопасности (например, ГКНБ КР, УГКНБ по городу Бишкек и т.д.), по месту жительства или по месту пребывания, учебы, работы объекта профилактики правонарушений, составив протокол с выдачей копии объекту с которым проведена беседа. В случае если лицо, с которым проведена профилактическая беседа, отказалось подписать протокол, должностное лицо, проводившее профилактическую беседу, делает об этом запись в протоколе. По итогам беседы лицу, с которым была проведена беседа, может быть вынесено один из актов прокурорского реагирования или выдано официальное предупреждение. Таким образом до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела по ст. пр. пр. пр. ст. 327 и/или ст. 330 УК Кыргызской Республики необходимо провести профилактическую беседу, акт прокурорского реагирования, официальное предупреждение и только после этого привлекать к уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иное преступление.

Организационные меры в рамках уголовной политики, направленной на предотвращение преступлений против основ конституционного строя и на защиту безопасности Кыргызской Республики, представляют собой набор постоянно выполняемых задач и мероприятий, проводимых субъектами данной по-

литики. Эти меры направлены на формирование благоприятных условий для разработки и реализации указанных политик, что в итоге приводит к созданию эффективной стратегии и улучшению системы противодействия преступности. Для успешной работы в этой сфере требуется организовать многоуровневую координацию сложной и разнообразной деятельности правоохранительных органов, связанной с разработкой и внедрением целей уголовной политики. Особое внимание следует уделять постоянной координации усилий по реализации антикриминальной политики на общегосударственном уровне, что должно включать не только правоохранительные структуры, но и другие органы государственной власти, местного самоуправления, общественные объединения, религиозные организации и т.д. Важным аспектом организационного обеспечения является создание оптимальной структуры системы субъектов уголовной политики, которая должна быть свободна от дублирования и излишней громоздкости, а также обеспечение ресурсами. Недостаточное ресурсное обеспечение субъектов напрямую влияет на эффективность проводимой политики. Принцип соизмеримости задач и ресурсов уголовной политики должен быть полностью реализован. Государству необходимо выделять достаточное количество ресурсов для снижения уровня преступности и осуществления её профилактики.

Для того чтобы систематизировать и организовать процесс планирования борьбы с преступностью в целом, а также предупреждения преступлений, угрожающих основам конституционного строя и безопасности государства, добиться минимизации затрат на создание проектов национальных, региональных и местных программ по борьбе с преступностью, следует законодательно утвердить концепцию уголовной политики в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики. В рамках этой концепции необходимо, чтобы правительство Кыргызстана приняло постановления, утверждающие модельные программы предупреждения таких преступлений на всех соответствующих уровнях. Кроме того,

рекомендуется принять Регламент, регулирующий процесс разработки и утверждения международных, общенациональных, региональных и местных программ по предупреждению преступлений, представляющих угрозу для основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики, также в форме постановления Правительства Республики.

5. Совершенствование информационного обеспечения уголовной политики

Одной из причин неэффективности политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики является ее недостаточное информационное обеспечение. Любая в том числе и данная политика, если она основана на нерепрезентативных данных о состоянии исследуемой преступности, обречена на провал. Трудно переоценить важность надлежащего информационного сопровождения, поскольку без достоверных данных невозможно эффективно управлять процессами в системе уголовного правосудия. Основной задачей информационного обеспечения уголовной политики должно быть предоставление объективных сведений о состоянии защищаемых уголовным законом социальных ценностей, эффективности мер предупреждения и профилактики преступлений, а также применения уголовного законодательства, что создаёт условия для оптимального управления этой деятельностью. Для достижения этих целей необходимо внедрять на всех уровнях правоприменительной практики прозрачные и доступные информационные системы, которые оперативно поддерживают все этапы правоохранительной работы. Также гражданское общество должно иметь доступ ко всей доступной информации о состоянии мер борьбы с преступностью.

6. Оценка эффективности уголовной политики

Эффективность уголовной политики в области профилактики преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики можно оценить через общественное мнение о преступности и мерах

противодействия этим угрозам. Хотя эффективность уголовной политики в целом является субъективной оценкой, она должна основываться на официальных статистических данных, учитывающих скрытую преступность. Однако акцент следует делать на восприятии общественности: важно, чтобы люди не чувствовали страх и незащищенность перед преступниками.

Заключение

Создание и выполнение научно обоснованной стратегии уголовной политики в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности Кыргызстана являются важнейшими условиями для успешного проведения демократических реформ. Это способствует снижению социальной напряженности и ограничению последствий преступной активности и других форм девиантного поведения. Значение уголовной политики существенно возрастает в периоды кризиса правопорядка, поскольку обоснованные и успешно реализованные уголовно-политические решения оказывают значительное влияние на стабилизацию общества.

5.2. Проблемы совершенствования мер предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в правоприменительной практике

Проблема предотвращения преступлений занимает одно из центральных мест в мировой теории и практике борьбы с правонарушениями. Приоритет превентивных мер по сравнению с другими методами борьбы с преступностью, вероятно, впервые в окончательной форме выразил Ш. Монтескье в своем знаменитом труде «О духе законов» [151, с.231], хотя до него такие идеи в разной форме предлагали еще Аристотель, Платон, Фукидид.

Выдающийся английский утопист Томас Мор, анализируя социальные причины преступности, включая пьянство и бедность, отмечал: «Ограничьте произвол богачей и их жадность, напоминающие монополию. Меньше поддерживайте тунеядцев... я спрашиваю: не вы ли плодите воров, чтобы затем их карать?» Русские революционные демократы и позже ученые-марксисты поддерживали и развивали профилактический подход к борьбе с преступностью и правонарушениями.

Например, Л.Н. Радищев утверждал, что вместо постоянного применения силы для наказания преступлений следует преобразовывать сами действия таким образом, чтобы они не возникали вновь и становились оправданными. [196, с.461]. Известно высказывание К. Маркса, что «мудрый законодатель предотвратит преступление, чтобы не пришлось за него наказывать».

Превращение этой идеи в практический инструмент для противодействия преступности оказалось на редкость долгим и сложным процессом. В действительности, все новейшие попытки, даже частично, сменить карательный подход к преступности на предупреждающий (профилактический) в итоге проваливались. Как ограниченные эксперименты отдельных утопистов, так и крупные и долгосрочные национальные социальные проекты в конечном итоге лишь усиливали сомнения в возможности реализации стратегии профилактики

преступности. По мнению автора, главные причины неудачи в практическом внедрении преимущественно профилактической модели борьбы с преступностью заключаются в следующем.

Во-первых, неадекватная (заниженная) оценка действительных масштабов преступности. Оценка латентной части преступности, определяемая как превышающая зарегистрированную, доминирует в криминологических исследованиях, что требует уточнений [91, с.61]. Особенно важно учитывать, что это связано с так называемыми традиционными преступлениями: убийствами, нанесением телесных повреждений, изнасилованиями, кражами, мошенничеством, грабежами и разбоями. Эти преступления представляют опасные формы, где вероятность точно выявить наличие признаков преступления значительно возрастает. Исследования, анализирующие уровень скрытности всех видов преступлений в определенной группе, показывают существование феномена сверхлатентности или гиперлатентности, при котором незарегистрированный уровень преступности может многократно превышать официальные данные. [14, с.6]. Когда массово нарушаются уголовно-правовые запреты, количество зарегистрированных преступлений в значительной мере зависит от эффективности работы системы по привлечению нарушителей к ответственности. Этот феномен не является уникальной чертой современной преступности, поскольку еще в XIX веке он был подробно описан П. Лафаргом в отношении Франции. [191, с.127]. Слабая аргументация идеи, что только небольшая часть общества совершает преступления, определенно способствовала формированию иллюзии о возможности полного предотвращения преступности.

Во-вторых, не учитывается ряд непримиримых противоречий между мерами предупреждения и наказания в борьбе с преступностью. Объективный анализ этой проблемы показывает, что сам процесс привлечения к уголовной ответственности и его осуществление в целом (особенно система отбывания наказания в виде лишения свободы) одновременно служат инструментом для

поддержания и развития преступных действий и культивирования преступности [142, с.131]. Профилактическая и карательная модели борьбы с преступностью плохо «уживаются».

В-третьих, ограниченные финансовые ресурсы общества ставят под сомнение возможность значительных инвестиций в предупреждение преступлений. Исследования показывают, что затраты на предотвращение преступности во много раз превышают расходы на уголовное преследование, так как требуют значительных реформ в социальной структуре. Многие профилактические меры также быстро достигают своего «порога насыщения», после чего дополнительные вложения становятся менее эффективными (например, вовлечение граждан в поддержание порядка, информационные кампании по защите от преступлений, работа с осужденными). Уже к 70-м годам прошлого века государства тратили в среднем 9% бюджета на судебную-правовую систему [194, с.100], поэтому маловероятно, что в ближайшем будущем они смогут выделить достаточно средств на профилактику преступлений. Однако, стремиться к такому перераспределению финансов необходимо.

В-четвертых, упрощенные представления о криминологической природе явлений, влияющих на преступность, также являются проблемой. Одни из этих явлений традиционно считают криминогенными (такие как бедность, безработица, наркомания, алкоголизм), а другие — антикриминогенными (высокий уровень жизни, занятость, качественное образование и интеллектуальность). Однако, реально эти факторы могут менять своё влияние в зависимости от социального контекста и типа преступлений.

В-пятых, наиболее важной причиной недостатков в модели профилактики преступности является неверное определение ее целей. По мнению криминологов, многочисленные исследования и исторический опыт показывают, что невозможно устранить все криминогенные факторы. Установка на полное искоренение или ограничение отдельных факторов лишь немного лучше, поскольку не обеспечивает четких ориентиров для оптимизации расходов. Таким

образом, ключевым аспектом успешной уголовной политики является конкретизация цели предупреждения преступности.

Таким образом, различные ошибки, возникшие при практическом воплощении идеи преимущественно профилактического воздействия на преступность, привели, если не к подрыву доверия к самой концепции профилактики, то, по крайней мере, к значительному снижению интереса со стороны государства к этому направлению уголовной политики.

В то же время стоит отметить, что неудачный опыт внедрения этой модели борьбы с преступностью на локальном, региональном, государственном и международном уровнях не должен рассматриваться как отрицание самой возможности достижения успехов в сокращении преступности и её отдельных видов с помощью предупреждающих мер. Проблема заключается в допущенных ошибках при определении его целей.

В то же время важно отметить, что на сегодняшний день мировое сообщество, включая Кыргызскую Республику, обладает достаточными ресурсами и опытом для разработки и внедрения модели уголовной политики, направленной на предотвращение преступлений против основ конституционного строя и государственной безопасности, с особым акцентом на профилактические меры.

Диссертантом отмечается, что невозможность разрешения этой проблемы с использованием исторически сложившейся модели, базирующейся в основном на репрессивных мерах борьбы с преступностью, становится неприемлемой для большинства стран.

В этом контексте перед Кыргызской Республикой стоит более сложная задача из-за недостаточного финансирования борьбы с преступностью. Необходимо провести широкую реструктуризацию расходов в сторону профилактики преступности и искать внебюджетные источники финансирования.

В этом плане большое значение принадлежит научно-обоснованному подходу в решении практических задач реализации уголовной политики в сфе-

ре предупреждении преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР.

В ходе проведенного исследования на вопрос: «Укажите возможные, на Ваш взгляд, пути повышения эффективности уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против конституционного строя и безопасности государства», 37,5 % респондентов высказались за принятие концепции уголовной политики, которая включала бы вопросы стратегии, тактики и основных направлений деятельности уполномоченных государственных органов по предупреждению преступлений против конституционного строя и безопасности государства; 33,3 % - за ужесточение уголовной ответственности за преступления против конституционного строя и безопасности государства.

Далее, на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что основы конституционного строя как объект уголовно-правовой охраны представляют собой общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения соблюдения установленных Конституцией КР принципов государственного и общественного устройства, 162 из 216 респондентов дали положительный ответ; 45 респонден-

тов ответили, что они представляют собой состояние защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера.

В то время как страна движется к демократическому гражданскому обществу и правовому государству, несмотря на противоречивые тенденции, в уголовной политике, направленной на предупреждение преступлений против основ конституционного строя и обеспечения безопасности государства, должен произойти значительный сдвиг. Ключевой перелом этого изменения заключается в том, что вместо того, чтобы полагаться исключительно на меры уголовного наказания как основной способ борьбы с преступностью, всё большее внимание должно уделяться предупреждению и профилактике правонарушений.

Диссертант отмечает, что значение профилактики исследуемых преступлений как главного в данный момент направления борьбы с преступностью определяется рядом следующих обстоятельств:

во-первых, профилактика представляет собой «... самое гуманное средство поддержания правопорядка, обеспечения безопасности право охраняемых ценностей. Осуществление профилактической деятельности обеспечивает

наряду с защитой общества от преступных посягательств также защиту неустойчивых членов общества от дальнейшего морального падения, не дает им стать преступниками, а тем самым избавляет от практически неизбежного преступления в виде уголовного наказания»;

во-вторых, «Профилактика преступлений представляет собой наиболее эффективное средство борьбы с преступностью... она открывает куда более широкие возможности «вытеснения» преступности из жизни нашего общества, чем иные меры»;

в-третьих, наметилась устойчивая тенденция к прекращению возложения ответственности за положение дел по предупреждению преступлений исключительно на органы уголовной юстиции. Представляется, что эта тенденция открывает большие возможности именно для профилактики преступности и других правонарушений как крупной комплексной государственной задачи, решение которой возможно при совместной работе законодательных и исполнительных органов, а также активном участии широкой общественности;

в-четвертых, наступил уникальный период, когда криминология прочно утвердилась в роли социальной науки, реально способной участвовать в реформах, проводимых в стране. В настоящее время уровень криминологической науки позволяет ей не только фиксировать и описывать негативные последствия дезорганизации общественных структур, но и глубже изучать причины и механизмы их появления, предлагая профессиональным органам меры по предотвращению преступности и других правонарушений;

в-пятых, на всех уровнях уголовной политики — директивном, законодательном и правоприменительном — осознана угроза тотальной криминализации нашего общества из-за чрезмерного использования уголовных репрессий как основного средства борьбы с преступностью. На первый план объективно выходят меры профилактического характера для сохранения позитивного социального генофонда нации. Социальная политика, ориентированная на будущее,

должна быть профилактической, сочетать эффективность и гуманность. [185,с.267].

Для того чтобы предупреждение преступлений заняло центральное место в уголовной политике в отношении преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, оно должно перейти от декларации к реальному принципу. Это требует качественного обеспечения на уровне идеологии, права, организации, информации, кадров и науки.

Анализ этого вопроса будет сосредоточен на макросоциальном уровне, поскольку правовым регулированием, а также региональными и локальными обще-профилактическими мерами и индивидуальными аспектами этой проблемы, ввиду их обширности, следует заниматься отдельно[197,с.5].

В правовой системе Кыргызстана, ориентированной на предотвращение преступных действий, присутствует сложная многоуровневая структура, взаимодействующая между различными отраслями и включающая разнообразные нормативные правовые акты. Основная часть из них представлена ведомственными постановлениями, особенно касающимися ГКНБ и МВД КР в аспекте предотвращения преступлений против конституционного строя и безопасности страны. Исследователь полагает, что нестабильность, противоречия и существующие пробелы в этой основе объясняются сложными объективными и субъективными причинами.

В научной и учебной литературе традиционно указывается, что основой правового регулирования мер по предупреждению преступлений является Конституция КР как основной закон страны. Анализ показывает, что конституционное регулирование играет роль «правового коридора» для всех ключевых компонентов правового подхода к профилактике преступности, однако конкретное их содержание не определяет. При этом используется технико-юридический метод, где конституционные нормы находят уточнение в положениях других нормативных актов. Например, конституционное утверждение

человека как высшей социальной ценности развивается через комплекс норм, которые в совокупности служат ориентиром для формирования системы приоритетов в области профилактики преступлений. Конституция задает правовую основу не только для определения приоритетов, но и для определения легальных форм их реализации, а также системы субъектов, участвующих в предупреждении преступлений (ст.ст. 89-115).

Важно отметить, что в тексте Конституции отсутствует упоминание термина «предупреждение преступлений»; вместо него упоминаются обобщённые категории - «обеспечение правопорядка» (п. 4 ч. 1 ст. 91) или «борьба с преступностью» (п. 3 ч. 1 ст. 91). Конституция также не устанавливает преобладание мер по профилактике преступлений перед другими способами борьбы с ними.

Анализ указанных норм Конституции показывает, что ответственность за их исполнение лежит на Кабинете министров КР, что, по мнению автора, указывает на нерешённость проблемы формирования так называемой профилактической роли законодательства.

Предыдущие редакции Конституции КР (1993 г., 2007 г., 2010 г.) также не выделяли профилактику преступлений как самостоятельную социальную функцию государства. Предупредительная функция законодательства в криминально-правовом комплексе (уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, оперативно-розыскное законодательство) из-за своей карательной природы (в смысле выполнения прежде всего функции возмездия) обладает специфическим содержанием и ограниченными возможностями.

Этот вывод в меньшей степени касается оперативно-розыскного законодательства, поскольку согласно ст. 8 Закона КР «Об оперативно-розыскной деятельности» (1998 г.) основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий могут служить такие факты, как наличие возбужденного уголовного дела или данные о признаках подготавливаемого, совершаемого или уже совершенного противоправного деяния, а также о лицах, причастных к ним, если

отсутствуют достаточные данные для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Необходимо подчеркнуть, что подобное толкование оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий может иметь как положительный эффект, предоставляя возможность для ранней профилактики, так и отрицательный, заключающийся в ограничении прав граждан, которые не совершили никаких преступлений. Разрешение этой дилеммы не так просто, как может показаться с первого взгляда, ведь при высоком уровне преступности в стране почти неизбежно приходится идти на некоторую временную потерю личных свобод граждан для предотвращения серьёзных правонарушений. Законодатель должен обеспечить такую правовую регуляцию этих ограничений, чтобы они не были напрасны.

Если говорить об уголовно-правовом законодательстве, то до появления УК КР 1997 г., 2017 г. и 2021 г., предотвращение преступлений в нашей стране рассматривалось в основном как функция уголовно-правовой системы в целом, а не только наказания, причём больше в теоретических трудах (например, работы М. М. Исаева, В. Н. Кудрявцева, С. В. Максимова, А. И. Марцева, А. В. Наумова и других). Эти работы смогли доказать, что общее предупреждающее воздействие на население из-за угрозы уголовного наказания и воспитательной функции такого запрета вполне сопоставимо с количеством зарегистрированных правонарушений и выявленных преступников. Было установлено, что уровень этого эффекта определяется не только (и даже не столько) строгостью закона, сколько ясностью угрозы применения наказания[153].

Основываясь на выводе, который диссертант считает правильным, что количество правонарушений не может само собой превратиться в качество общественно опасного действия, законодатель в некоторых случаях оставил в УК КР нормы, схожие по структуре с административно-правовыми. При этом они могут иметь или, наоборот, не иметь аналогов в КоП КР, выполняющих роль ранней профилактики.

Уголовно-процессуальное законодательство КР традиционно предусматривает обязанность следователя устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ч.3 ст. 19 УПК КР), а также принимать меры для их устранения.

Так, при производстве следствия уголовного дела при наличии к тому оснований следователь выносит постановление, которым обращает внимание должностных лиц государственных органов и иных организаций на установленные по делу факты нарушения закона, причины и условия, способствовавшие совершению преступления и требующие принятия соответствующих мер.. Данная профилактическая функция указанных субъектов борьбы с преступностью является экстраполяционной, поскольку основывается на перенесении выявленных причин и условий уже совершенных преступлений на однотипные еще не совершенные. В этом случае законодатель обоснованно допускает, что не устраненные типичные причины и условия, способствовавшие совершению преступления, будут действовать и впредь, если их не устранить. Исследование указанных норм, как и тех, что регулируют форматы официальных документов, отправляемых следователем, демонстрирует, что они не только излишне обобщены, но и частично противоречат современным научным концепциям относительно ограниченности возможности устранения факторов и условий, способствующих преступлениям. Мы считаем, что вышеотмеченная обязанность следователя по профилактике преступлений должна также распространяться и на прокуроров, осуществляющих надзор.

Впервые новое уголовно-исполнительное законодательство (УИК КР 2017 г.), в отличие от предыдущего, установило целью предотвращение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами (ст. 3). Это стало результатом ранее выявленных и обоснованных феноменов общего и специального предупредительного воздействия, которое оказывает само законодательство и его применение[6].

Однако автор диссертации не поддерживает широко распространенную точку зрения, что общее предупредительное влияние уголовно-исполнительного законодательства действует только на «неустойчивых граждан, особенно тех, кто ведет антиобщественный образ жизни»[250]. Исследования показывают, что такое воздействие не может быть избирательным и распространяется на всех, кто способен адекватно воспринять наказания за преступления как реальность. Поэтому профилактическая функция уголовно-исполнительного законодательства не должна ограничиваться лишь мерами охраны и надзора за осужденными.

Проведенное исследование показало, что отсутствие адекватного нормативного приоритета уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных и оперативно-розыскных мер по предупреждению преступлений в некоторой степени обусловило низкий уровень реализации этого направления уголовной политики в законодательных актах, регулирующих деятельность специализированных государственных органов.

Значительную часть комплекса правовых средств специальной профилактики преступлений в КР составляют Указы Президента и постановления Кабинета министров, посвященные различным аспектам борьбы с преступностью и негативными социальными явлениями. Следует признать, что значительное количество актов, принятых с момента обретения независимости КР, в настоящее время практически не действуют и не содержат положений, связанных с предупреждением преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР.

Так, анализ обращений и указов всех президентов КР с момента обретения независимости КР в части положений по урегулированию и профилактике преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР показал, что они не содержали конкретных указаний по совершенствованию концептуальных основ профилактики преступлений в целом, и предупреждения преступлений против основ конституционного строя и без-

опасности государства, в частности. В большинстве своем они посвящались депутатам Жогорку Кенеша КР, вопросам реформирования органов государственной власти и местного самоуправления, организационно-штатной структуре судов и правоохранительных органов, юбилейным датам и т.д.

Что касается деятельности президентов КР, следует отметить высокую степень их активности в систематических попытках реформирования системы борьбы с преступностью в республике, что подтверждается количеством директивных указаний.

Вместе с тем следует признать, что негативный опыт (известные события 2005 г., 2010 г., 2020 г.) не способствовал разработке концепции уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР.

В настоящее время политика Президента КР С.Н. Жапарова направлена на укрепление всех сфер противодействия преступности в целом, и противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности КР, в частности. Не поднимавшиеся в течение длительного времени вопросы, находят свое отражение в деятельности законодательной, исполнительной и судебной властях. Так, в своем обращении к народу Кыргызстана 24 марта 2024 г. Президент отмечал о необходимости справедливого управления и единстве [202].

Многие вопросы, связанные с укреплением национальной безопасности КР, ее территориальной целостностью, суверенитетом, правопорядком и борьбой с преступностью решаются под руководством Председателя ГКНБ КР Ташиева К.К. На примере его деятельности диссертант делает вывод, что построение демократического, суверенного, светского и правового государства возможно только при условии охраны и защиты суверенитета и территориальной целостности страны посредством укрепления национальной безопасности КР. В обеспечении правопорядка и борьбы с преступностью особая роль принад-

лежит Концепции уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР.

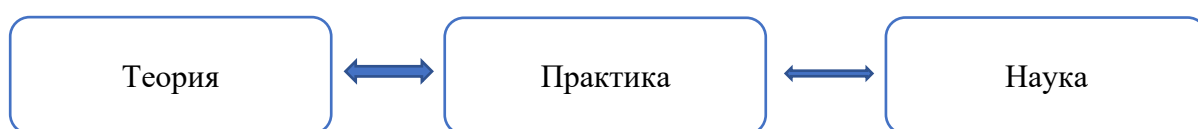
На решение указанных задач со стороны руководства страны и ведомства создаются все необходимые условия: выделены средства на приобретение тылового имущества и специальной техники, которое будет направлено в подразделения охраны границы; на систематической основе обсуждаются вопросы правительственных делегаций Кыргызстана и Таджикистана по делимитации и демаркации государственной границы[225].

В целях создания единой системы многоуровневой подготовки высококвалифицированных специалистов, управленческих и научно-педагогических кадров для органов национальной безопасности, расширения научно-исследовательской базы по вопросам обеспечения национальной безопасности КР Указом Президента КР С.Н. Жапаровым создана Академия ГКНБ КР имени генерал-лейтенанта А. Бакаева на базе Института профессиональной переподготовки и повышения квалификации ГКНБ[162].

По мнению диссертанта, противодействие преступности против основ конституционного строя и безопасности КР не должно осуществляться только с момента появления каких-либо новых угроз национальной безопасности или появления новых способов совершения преступлений, предусмотренных гл. 41 УК КР, либо с присоединения к той или иной международной конвенции, договорам и соглашениям. Необходимо систематически прорабатывать вопросы совершенствования борьбы на этапе прогнозирования и планирования в научно-исследовательских институтах ГКНБ КР, которые становятся новым направлением в изучении и исследовании вопросов противодействия и предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР. Эти вопросы в условиях нового мирового порядка становятся во главу угла, поскольку в приоритете национальные интересы республики, ее безопасность, мирная жизнь граждан, развитие всех государственных и общественных институтов.

Исследование проблем теории уголовного права в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, связанной с такими смежными дисциплинами как оперативно-розыскная деятельность ГКНБ, невозможна без научно-обоснованной разработки вопросов методологии. Определяющее значение в этом вопросе приобретает законодательное закрепление Концепции уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР.

С момента обретения независимости КР концептуальная взаимосвязь теории, науки и практики во всех министерствах и ведомствах республики обеспечивалась практически неэффективно, т.е. отсутствовала тесная взаимосвязь научно-исследовательских институтов и практических подразделений.

Именно специализированные научно-исследовательские институты должны заниматься разработкой нормативно-правовой базы, методологическими разработками, проведением соответствующих исследований, апробированием этих исследований в правоприменительной практике и т.д. Обобщено такая деятельность научно-исследовательских институтов представляет собой работу по исправлению недоработок, допущенных практическими подразделениями с использованием различных эмпирических материалов – опросных листов, результатов анкетирования и оценки рисков и т.д.

Следует также обратить внимание на то, что результаты научных исследований (диссертаций) практически не внедряются на практике. Кроме того, разработкой различных законопроектов занимаются в большинстве своем общественные фонды и некоммерческие организации. Представляется, что этим

должны заниматься профильные кафедры юридических факультетов высших учебных заведений.

Нельзя не учитывать и тот факт, что в настоящий момент республика во многом зависит от технической помощи стран-доноров, которые финансируют различные проекты, тем самым осуществляя свои социальные эксперименты в виде различных социальных институтов, реформ законодательства и т.д. Такое обстоятельство, по мнению диссертанта, в определенной степени «отвлекает» от решения вопросов в сфере реализации уголовной политики. Речь идет, к примеру, о реформе уголовного законодательства КР, проведенного в 2017 г. Основными целями реформы были: гуманизация уголовного законодательства, минимизация тюремного населения, исключение многих апробированных временем норм общей части уголовного закона и т.д. Как известно, в результате реформы были решены незначительные, по сравнению с общей правоприменительной практикой, задачи.

По мнению диссертанта, все научно-обоснованные инициативы должны исходить от научно-исследовательских учреждений, которые, во взаимодействии с неправительственными организациями, будут решать различные вопросы государственного или общественного устройства. К примеру, в перспективе создаваемый диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций при Академии ГКНБ КР будет заниматься исследованием основных направлений концептуального развития ГКНБ КР, в том числе в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Выполнение этих задач обеспечивается при условии взаимодействия теории, практики и науки.

Обращаясь снова к вопросам осуществления программ по противодействию преступности, следует подчеркнуть, что хотя в них и предусмотрены специальные разделы, касающиеся предотвращения правонарушений (включая преступления), по мнению автора диссертации, профилактические меры со-

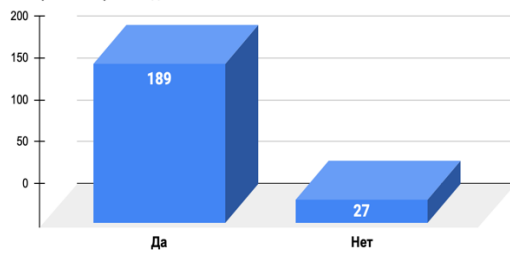
ставляют не более одной пятой от общего количества действий, направленных на борьбу с преступностью.

Ключевые их недостатки заключаются в следующем: во-первых, нет четко определенных затрат на выполнение каждого отдельного профилактического мероприятия, что затрудняет оценку их эффективности. Во-вторых, расходы на реализацию таких программ фактически приравниваются к бюджетным затратам на деятельность соответствующих правоохранительных органов, что обязывает уделять финансированию профилактики преступлений остаточный объем средств. В-третьих, отсутствуют нормативные четко установленные критерии, по которым можно оценить эффективность запланированных профилактических мер.

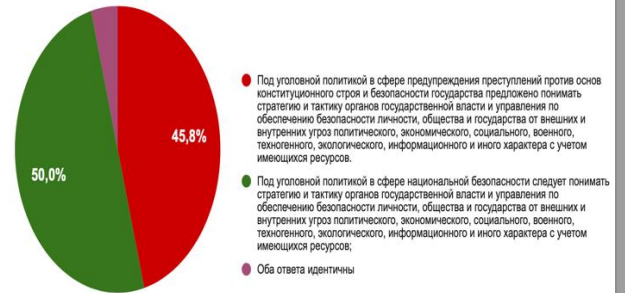
Развитие профилактического потенциала законодательства криминально-правового комплекса обусловлено принципиальными различиями в состоянии образующих его элементов. Так, проведенное социологическое исследование свидетельствует о необходимости четко сбалансированной уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

К примеру, на вопрос: «Считаете ли вы правильным, что концепцию уголовной политики КР в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства следует рассматривать как систему мер по обеспечению безопасности государства от внутренних и внешних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов и возможностей, а в прикладном - как детальный план и алгоритм конкретных действий?», 189 из 216 респондентов дали положительный ответ, 27 - отрицательный.

Мнение респондентов правильно ли что концепция уголовной политики Кыргызской Республики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства следует рассматривать как систему мер по обеспечению безопасности государства от внутренних и внешних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов и возможностей, а в прикладном - как детальный план и алгоритм конкретных действий:

Мнение респондентов, необходимо ли понимать под уголовной политикой в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства:

Далее, на вопрос: «Как вы считаете, что необходимо понимать под уголовной политикой в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства?», 50% опрошенных ответили, что под уголовной политикой в сфере национальной безопасности следует понимать стратегию и тактику органов государственной власти и управления по обеспечению безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов, 45,6% опрошенных ответили, что под уголовной политикой в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства следует понимать стратегию и тактику органов государственной власти и управления по обеспечению безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов.

Как видно из данных социологического опроса, общим является понимание уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства как стратегии и тактики органов государственной власти и управления по обеспечению безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз

политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов.

Как было упомянуто ранее, уголовная политика является ключевым элементом как внутренней, так и внешней стратегии государства в предотвращении преступлений, направленных против конституционного строя и государственной безопасности. С момента обретения Кыргызстаном независимости и его вхождения в мировое сообщество её значение значительно возросло. Вместе с очевидными преимуществами этой интеграции республика столкнулась с новыми, так называемыми нетрадиционными угрозами для её безопасности, включая вызовы, связанные с борьбой с международным терроризмом, экстремизмом и другими формами трансграничной преступности.

В этой связи диссертант считает, что исследование проблем уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства имеет внешнеполитическое значение.

Направляя и организуя борьбу с международным терроризмом, экстремизмом и другими преступлениями международного характера, которые дестабилизируют отношения внутри государства и между государствами, уголовная политика призвана внести свой вклад в укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства.

В широком плане международное сотрудничество в борьбе с преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства представляет собой сложную систему отношений, включающую согласованную внутреннюю политику, законодательство, правоприменительную, организационно-управленческую, информационную и научно-исследовательскую деятельность государств, государственных органов и должностных лиц, а также международных организаций по предупреждению преступности, борьбе с ней и обращению с правонарушителями.

Согласно мнению Л.И. Беляевой, «международное сотрудничество государств в области предотвращения преступности и обращения с нарушителями можно рассматривать как уголовную политику. Эта политика представляет собой сознательную и активную деятельность государства, направленную на защиту общества от преступности, включая разработку и внедрение целей и задач, а также определение средств, форм и методов для реализации этой деятельности правоохранными органами и другими государственными структурами»[240,с.229].

Диссертант считает, что противодействовать преступности в целом, в том числе и преступности против основ конституционного строя и безопасности государства, в частности, возможно только совместными усилиями всех заинтересованных государств. Кыргызстан с момента обретения независимости всегда активно стремится развивать международное сотрудничество в этой сфере.

В этом контексте перспективные направления международного взаимодействия в вопросах предотвращения преступлений против основ конституционного строя и государственной безопасности заключаются в следующем:

- проведение взаимных консультаций по вопросам практического сотрудничества;
- согласование общих позиций и принципов при создании международных договоров и других нормативных актов, направленных на борьбу с преступностью, включая преступления против конституционного строя и безопасности государства;
- регулярные рабочие встречи и обмен делегациями для изучения опыта, ознакомления с деятельностью организаций, занимающихся предотвращением подобных преступлений;
- создание совместных рабочих групп специалистов на паритетной основе для анализа правоприменительной практики, организации мероприятий,

таких как научно-практические конференции и семинары, а также для разработки совместных программ противодействия преступности и международных договоров, и формирования нормативно-правовой базы сотрудничества в этой области;

- проведение коллективных научных исследований по вопросам противодействия преступности;

- оказание консультативно-технической помощи правоохранительным и юридическим органам посредством реализации концепции уголовной политики, обучению и переподготовке соответствующих национальных кадров, обмен опытом и участие в международных встречах по борьбе с преступностью, при поддержке государства, а также международных организаций и доноров для эффективного вовлечения специалистов из стран Центральной Азии в международные процессы борьбы с преступностью на субрегиональном и региональном уровнях.

В настоящее время страны Центральной Азии, и Кыргызстан, в частности, сумели реализовать первый этап своей уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, главное содержание которого заключается в создании международно-правовой системы противодействия транснациональной преступности.

Как известно, международное сотрудничество является важнейшим элементом реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, где основное значение придается развитию и совершенствованию международных связей и сотрудничества в рамках ООН, Европейского Союза, ОБСЕ, Организации Экономического Сотрудничества, ШОС, ОДКБ, Лиги тюркоязычных государств с зарубежными странами и международными организациями.

Как отмечают исследователи, на практике выделяются три уровня международной помощи в сфере противодействия преступности: информационная, техническая и стратегическая. В рамках стратегической помощи оказывается содействие развитию новых стратегий предупреждения преступности и контроля в криминальной сфере. Здесь роль международного сообщества состоит в развитии новой политики, ее апробации, анализе результатов и т.д.[233,с.23].

В этой связи профессор Осмоналиев К.М. указывает, что не умаляя важности, о которой говорит Дж. Травис, взаимодействия на первом и втором уровнях в борьбе с преступностью, стоит подчеркнуть, что для стран, получающих помощь, приоритетным должен быть третий уровень. Это объясняется тем, что техническая поддержка не может длиться вечно, и государство должно изыскивать собственные ресурсы. [175,с.75].

По замечанию диссертанта, опыт взаимодействия с вышеупомянутыми международными организациями, накопленный за последние годы, показывает, что их мероприятия зачастую демонстрируют параллелизм или дублирование действий. Поэтому, как он полагает, необходимо активно внедрять принцип интеграции и взаимодополняемости проектов, которые государственные учреждения стран Центральной Азии реализуют для достижения общих целей, таких как укрепление внутренней и внешней безопасности данных государств.

Как одно из конкретных направлений можно выделить возрастание значимости укрепления их сотрудничества в области усиления пограничного контроля по всему региону, а также улучшения возможностей правоохранительных органов и таможенных служб для борьбы с международным терроризмом. Таким образом, можно достичь большей эффективности в использовании финансовых ресурсов, предоставляемых международными организациями, и одновременно решить ряд важнейших задач, стоящих перед странами Центральной Азии в рамках согласованных проектов.

В итоге, международные организации часто играли роль катализатора в области международного сотрудничества по борьбе с преступностью в Центральной Азии, и переоценить их значимость в проведении политики противодействия транснациональной преступности трудно. Их мероприятия обычно вносят положительный вклад в процессы разработки и осуществления уголовной политики, ее методологического и технического обеспечения. Активное сотрудничество Кыргызстана с международными организациями свидетельствует о стремлении совместно противостоять угрозам наркоторговли, терроризма и экстремизма, уменьшая тем самым негативные последствия преступности и укрепляя стабильность и безопасность.

Известно, что основными элементами механизма международного сотрудничества в противодействии преступности являются конвенционный (договорно-правовой) и институционально-организационный элементы. Последний охватывает организационно-структурный, организационно-управленческий, информационный, методический и ресурсный аспекты. Речь здесь идет о создании межгосударственных, межправительственных и иных международных организаций в целях реализации международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, их непосредственной деятельности и всех видах обеспечения этой деятельности[240,с.232].

Диссертант отмечает, что для успешной реализации, координации и мониторинга мероприятий по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности стран Центральной Азии и стран СНГ в целом, в настоящее время необходим эффективно работающий институциональный межгосударственный орган.

Вместе с тем, по мнению диссертанта, эффективное сотрудничество чревато наличием значительного количества заключенных соглашений декларативного характера.

Большой практический опыт диссертанта позволяет утверждать, что на практике существуют различные препятствия для достижения эффективного

международного сотрудничества. В частности, правоохранительные органы часто неохотно обмениваются информацией или участвуют в совместных мероприятиях с сотрудниками из других стран, боясь утечки данных. Разобщенность в обмене информацией нередко наблюдается даже внутри отдельных отделов правоохранительных структур. Кроме того, степень сотрудничества между странами зависит от характера их политических взаимоотношений. К примеру, в Центральной Азии существуют проблемы с неурегулированными участками границ, периодически возникающие трудности с водоснабжением и другие. В связи с этим необходимо ускорить процесс делимитации границ в регионе на основе компромиссных решений, так как прозрачные границы значительно облегчают деятельность международных террористов, экстремистов и других трансграничных элементов.

В этой связи очень активно проводит данную работу руководство республики во главе с С.Н. Жапаровым и председателем ГКНБ КР К.К. Ташиевым, которые впервые за долгое время активно проводят работу по делимитации и демаркации отдельных спорных участков между республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан.

Чем сложнее политические связи, тем более хрупким оказывается партнерство, особенно когда сталкиваются различные идеологии или системы ценностей, либо когда у стран существуют разногласия в вопросах прав и свобод человека. Эти противоречия становятся еще более очевидными, а барьеры на пути партнерства еще более труднопреодолимыми, если речь идет о нациях с разным уровнем экономического благосостояния и полностью отличными культурными традициями[176,с.67]. Также в государствах, где преступления против основ конституционного строя и государственной безопасности не являются острой проблемой, редко уделяется первостепенное внимание задаче перенаправления системы уголовного правосудия на противодействие угрозам от транснациональных преступных организаций.

Резюмируя диссертант отмечает, что в первую очередь важно принимать во внимание тот факт, что международное взаимодействие не должно происходить в ущерб целостности и продуктивности на национальном уровне. Современный уровень противодействия преступности невозможен без соответствующих международных договоренностей и обязательства соблюдать все межправительственные соглашения, а также нести ответственность за их нарушение. Тем не менее, практика показывает, что такие соглашения часто превращаются в протокольные намерения и нередко остаются без внимания.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Продвижение уголовной политики, направленной на предотвращение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, требует создания соответствующей межгосударственной структуры в Центральной Азии. Этот орган станет главным координатором и ответственным за выработку и внедрение уголовной политики в регионе. Однако без настойчивой политической воли лидеров стран Центральной Азии улучшение уровня сотрудничества в борьбе с преступностью в регионе маловероятно.

2. В целях повышения эффективности международного сотрудничества, дальнейшей гармонизации национального законодательства государств, его унификации без ущерба национальному суверенитету следует обеспечить переход к международной практике согласованной терминологии, необходимой для исполнения данных соглашений, поскольку только единообразное понимание всеми сторонами международных соглашений конкретных обязательств будет свидетельствовать о единой воле к исполнению данных соглашений.

3. Требуется точно выверенная уголовная политика для предотвращения преступлений, угрожающих конституционному строю и государственной безопасности, которая позволит эффективно исполнять международные

договоры. Нужно усовершенствовать механизмы регионального взаимодействия для усиления слаженности в работе спецслужб стран Центральной Азии, а также разработать нормативно-правовую основу для предотвращения преступлений, касающихся безопасности государств.

4. Исторический и международный опыт противодействия преступности, а также многочисленные научные исследования, свидетельствуют о том, что полностью устранить криминогенные факторы невозможно. Для достижения высокой эффективности уголовной политики необходимо операционализировать цель профилактики преступности.

5. Большое значение в решении практических задач по реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР принадлежит научно-обоснованному подходу. Специализированные научно-исследовательские институты должны заниматься разработкой нормативно-правовой базы, методологическими разработками, проведением соответствующих исследований, апробированием этих исследований в правоприменительной практике и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ:

Исследование уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР позволило сформулировать следующие выводы:

1. Отличительными чертами уголовной политики в государствах Европы XVIII в., являлись: гуманизация, зарождение идей дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, пенализация и депенализация.

Основой идеологии противодействия преступности являлся принцип превышения риском совершения преступления его возможной выгоды – принцип, который был положен в основу теории уголовной политики просветителями-гуманистами XVIII в.

2. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства прошли в своем развитии длительный путь эволюции, начиная от примитивных конструкций обычного права кыргызов и Русской правды, и заканчивая стабильными обобщенными описаниями составов преступлений в современном уголовном законодательстве КР.

Охрана конституционного строя и безопасности государства от внешних и внутренних угроз как условие реализации этих прав и свобод стала одним из важных направлений уголовно-правовой политики КР.

3. Уголовная политика является сложным феноменом с различными уровнями, включающими пять ступеней: 1) теоретический, предполагающий основу уголовной политики и её доктрину; 2) законодательный; 3) нормативно-программный; 4) административный; 5) правоприменительный.

Содержание этой политики в области предупреждения преступлений против основ конституционного строя и государственной безопасности включает в себя создание норм (криминализация и пенализация действий, дифференциация уголовной ответственности) и применение права (индивидуализация

уголовной ответственности и назначение наказаний). Значение принципов уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства состоит в том, что разработка государственной доктрины борьбы с данной преступностью, правотворческая и правоприменительная практика должны базироваться на определенных руководящих началах.

4. Выделены четыре уровня анализа методологии уголовно-правовых наук: философский, общенаучный, конкретно-научный, методико-технологический, что позволит обосновать проблему формирования теоретико-методологического инструментария уголовно-правовых наук. Концептуализация современной методологии доказывает, что за ней закреплена функция определения стратегии научного познания.

5. Международно-правовые акты в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства направлены на борьбу с международным терроризмом, экстремизмом и другими преступлениями международного характера, дестабилизирующими отношения между государствами.

Уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства призвана внести свой вклад в реализацию международно-правовых стандартов и на их основе укрепить международное сотрудничество в борьбе с преступностью, приобретающей в современных условиях важное значение.

6. Национальные стандарты в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР должны быть ориентированы на решение приоритетных прикладных задач научного обеспечения разработки Концепции национальной безопасности КР, Стратегии обеспечения национальной безопасности КР, а также Национальной программы обеспечения национальной безопасности КР.

7. Основы конституционного строя как объект уголовно-правовой охраны представляют собой общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения: а) соблюдения конституционных принципов государственного и общественного устройства; б) равенства граждан; в) состояния защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера.

Родовым объектом преступлений против основ конституционного строя являются общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения государством жизнедеятельности общества, возможное при условии надлежащего обеспечения безопасности государства и охраны основ конституционного строя.

8. В целях совершенствования правовых основ реализации уголовной политики КР в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства необходимо развивать уголовно-правовую теорию и криминологический внешнеполитический анализ и прогнозирование, с тем чтобы иметь возможность заранее предвидеть развитие негативных криминальных тенденций, чтобы своевременно предпринять необходимые шаги для предотвращения нежелательных для КР общественно-опасных явлений.

В учебные программы по криминологии необходимо включить новый раздел – «Предупреждение преступлений в сфере конституционного строя и безопасности государства», в котором следует уделять особое внимание противодействию «цветных революций» и оптимизации деятельности общества и государства в лице уполномоченных государственных органов.

8. Текущая ситуация в уголовной политике Кыргызстана оценивается как кризисная, поскольку рост преступности в сочетании с безнаказанностью злоумышленников стал значительным фактором в общественной и психологической жизни, вызывая усиление страха и беспокойства граждан за свою безопасность, а также увеличение недоверия к правоохранительным органам.

Хотя уровень преступности немного снизился, в настоящее время наблюдается неблагоприятная тенденция в криминальной обстановке. Это выражается в социально опасных качественных (структурных) изменениях не только в насильственной и экономической преступности, но и в правонарушениях против основ конституционного строя и безопасности государства.

Неудовлетворительное состояние уголовной политики обусловлено следующими причинами: ухудшение социально-экономических условий; несовершенство нормативной правовой базы; слабая работа государственных, в том числе правоохранительных органов в сфере политики противодействия преступности; высокий уровень коррупции; снижение духовно-нравственного потенциала общества.

10. Развивать уголовную политику в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства невозможно без соответствующего межгосударственного органа в Центральной Азии. Такой орган должен выполнять координирующую роль и быть ответственным за формирование и реализацию уголовной политики в регионе. Для повышения эффективности международного сотрудничества и дальнейшей гармонизации национального законодательства необходимо стремиться к его унификации. При этом следует учитывать международную практику согласованной терминологии, не ущемляя национальный суверенитет, необходимой для исполнения данных соглашений, поскольку только единообразное понимание всеми сторонами международных соглашений конкретных обязательств будет свидетельствовать о единой воле к исполнению данных соглашений.

Четко сбалансированная уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства обеспечит механизм реализации международных соглашений.

Для достижения этой цели требуется улучшение структуры регионально-го взаимодействия, чтобы повысить эффективность оперативного сотрудниче-

ства спецслужб Центральной Азии, создать нормативно-правовую базу в области предупреждения преступлений, связанных с безопасностью государств.

Большое значение в решении практических задач по реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР принадлежит научно-обоснованному подходу. Специализированные научно-исследовательские институты должны заниматься разработкой нормативно-правовой базы, методологическими разработками, проведением соответствующих исследований, апробированием этих исследований в правоприменительной практике и т.д.

11. Разработка и воплощение научно обоснованной концепции уголовной политики для предотвращения преступлений, угрожающих основам конституционного строя и безопасности КР, является важным фактором успеха демократических реформ. Это способно уменьшить общественное напряжение и свести к минимуму последствия преступности и иных форм девиантного поведения.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Предлагается ввести в учебные программы по криминологии нового раздела – предупреждение преступлений в сфере конституционного строя и безопасности государства и в его содержании уделять особое внимание противодействию «цветных революций» и оптимизации деятельности общества и государства в лице уполномоченных государственных органов.

2. При скрытом призыве действия виновных следует квалифицировать как приготовление ч. 1 ст. 37 и ст. 326 УК КР, а при открытых то есть публичных как оконченное преступление по ст. 327 УК КР.

3. Предлагается внести следующие изменения и дополнения в гл. 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»:

– внести положение, определяющее ответственность за прохождение обучения с целью проведения насильственной антиконституционной деятельности (т.е. насильственного захвата власти или насильственного удержания власти, а также посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля;

– включить в главу 41 УК КР положение, определяющее ответственность за «Фальсификацию избирательных документов или документов референдума (ст. 199 УК КР) – фальсификацию результатов голосования, и признать эти действия направленными против основ конституционного строя и государственных интересов;

– внести в гл. 41 УК КР норму, и изложить ее в следующем виде: Статья 323¹. Измена Отечеству «Шпионаж, совершенный гражданином Кыргызской Республики, а равно оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении деятельности в ущерб внешней безопасности Кыргызской Республики - наказывается лишением свободы от 5 до 10 лет.».

4. Предлагается внести изменения в Закон КР «О профилактике правонарушений» ст. 21¹: «Последствия игнорирования мер профилактического воздействия» - «В случае неоднократного более 2-х раз повторения публичных призывов к насильственному захвату или насильственному удержанию власти с использованием средств массовой информации или информационно-коммуникационных сетей, а равно к насильственному изменению конституционного строя, а равно действий, направленных на возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни), унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, а также посредством сети Интернет к одному и тому же объекту профилактики правонарушений (призыв в СМИ, распространение в сети интернет), материалы примененных мер профилактического воздействия передаются в орган специальной профилактики (ГКНБ Кыргызской Республики) для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. ст. 327 и 330 УК Кыргызской Республики».

5. Ввести положение в законодательство, согласно которому следователь ГКНБ КР до того, как провести доследственную проверку либо принять решение о вынесении постановления о возбуждении уголовного дела по ст. 327 и ст. 330 УК КР должен исчерпать все требования, предусмотренные Законом КР «О профилактике правонарушений», то есть вызвать объект профилактики осуществивший умышленно или по неосторожности публичный призыв на профилактическую беседу и оформить его в письменной форме, путем разъяснения объекту профилактики правонарушений его права и обязанности, в присутствии адвоката или любого другого лица, определяемого объектом вызванным на беседу, не превышая трех часов и не в ночное время, в здании органа национальной безопасности (например, ГКНБ КР, УГКНБ по городу Бишкек и т.д.), по месту жительства или по месту пребывания, учебы, работы объ-

екта профилактики правонарушений, составив протокол с выдачей копии объекту с которым проведена беседа. В случае если лицо, с которым проведена профилактическая беседа, отказалось подписать протокол, должностное лицо, проводившее профилактическую беседу, делает об этом запись в протоколе. По итогам беседы лицу, с которым была проведена беседа, может быть вынесено один из актов прокурорского реагирования или выдано официальное предупреждение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Авдеев, В. А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации [Текст] / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 23–27.
2. Авдеева, Е. В. Механизм уголовно-правового регулирования свободы личности в Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е. В. Авдеева. – Екатеринбург, 2013. – 28 с.
3. Авария на ТЭЦ: ни диверсия ни теракт. Возбуждено уголовное дело [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economist.kg/enierghietika/2024/02/03/avariia-na-tets-ni-diviersiia-ni-tierakt>. – Загл. с экрана.
4. Агапов, П. В. Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства [Текст] / П. В. Агапов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 10. – С. 66–70.
5. Алексеев, А. И. Должна ли уголовная политика быть либеральной? [Текст] / А. И. Алексеев // «Черные дыры» в Рос. законодательстве. – 2003. – № 1. – С. 258–267.
6. Аликперов, Х. Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Х. Д. Аликперов. – М., 1992. – 299 с.
7. Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность [Текст] / А. И. Александров. – СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2003. – 559, [2] с.
8. Алексеев, А. И. Криминология [Текст]: курс лекций. – М.: Щит-М, 1998. – 339 с.
9. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса [Текст] / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М.: Норма, 2006.

10. Алексеев, А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса [Текст] / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М.: Норма, 2006. – 143 с.
11. Антонян, Ю. М. Экстремистское и террористическое поведение с позиций глубинной психологии [Текст] / Ю. М. Антонян, Е. Н. Юрасова // Науч. портал МВД России. – 2010. – № 2. – С. 3–11.
12. Арутюнян, Г. Г. Конституционное право [Текст]: энцикл. слов. / Г. Г. Арутюнян, М. В. Баглай. – М.: Норма, 2006. – 543 с.
13. A Century of Juvenile Justice [Text] / ed. by M. K. Rosenheim. – Chicago: University of Chicago Press, 2002. – XV, 554 p.
14. Аслаханов, А. А. Преступность в сфере экономики (криминологические и уголовно-правовые проблемы) [Текст] / А. А. Аслаханов. – М.: МЮИ, 1997. – 129 с.
15. Асанканов, А. А., Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней) [Текст]: крат. курс / А. А. Асанканов, О. Дж. Осмонов. – Бишкек: Бийиктик, 2002. – 575 с.
16. Autonomy and Ethnicity: Negotiating Competing Claims in Multi-ethnic States [Text] / ed. by Y. Chai. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2000. – XIV, 312 p.
17. М. М. Провокативная роль уголовного закона [Текст] М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Обществ. науки и современность. – 2014. – № 3. – С. 73–90.
18. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации [Текст]: учеб. / М. В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 784 с.
19. Баглай, М. В. Малая энциклопедия конституционного права [Текст] / М. В. Баглай, В. А. Туманов. – М.: БЕК, 1998. – XI, 505 с.
20. Беляев, Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации [Текст] / Н. А. Беляев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 176 с.

21. Белозерова, М. В. К проблеме проявления сепаратизма у коренных народов Южной Сибири: XX столетие [Текст] / М. В. Белозерова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2008. – № 312. – С. 69–73.

22. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях [Текст] / Ч. Беккариа; сост. М. Ю. Юмашев; пер.: Ю. М. Маринин, Г. В. Черданцев. – 5-е изд., испр. и увелич. – М.: Стелс, 1995. – 304 с.

23. Блувштейн, Ю. Д. Уголовное право и социальная справедливость [Текст] / Ю. Д. Блувштейн. – Мн.: Университетское, 1987. – 63 с.

24. Богданова, Н. А. Категория «конституционализм» в науке конституционного права [Текст] / Н. А. Богданова // Российский конституционализм: проблемы и решения: материалы междунар. конф. – М., 1999. – С. 135–140.

25. Боброва, Н. А. Конституционный строй и конституционализм в России [Текст] / Н. А. Боброва. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2003. – 263 с.

26. Большой юридический словарь [Текст] / [авт.-сост.: В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова]; под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 790 с.

27. Большая юридическая энциклопедия [Текст] / авт.-сост. А. Б. Барихин. – М.: Книж. мир, 2010. – 960 с.

28. Большая юридическая энциклопедия [Текст]: самое полное соврем. изд. / [сост.: В. В. Аванесян, С. В. Андреева, Е. В. Белякова.]. – М.: ЭКСМО, 2005. – 687 с.

29. Большой юридический словарь [Текст] / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 703 с.

30. Большой юридический словарь [Текст] / [авт.-сост.: В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова]; под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 790 с.

31. Бородин, С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы [Текст] / С. В. Бородин. – М.: Наука, 1990. – 271 с.

32. Борубашов, Б. И. История государства и права Кыргызской Респуб-

лики [Текст]: курс лекций / Б. И. Борубашов, З. И. Галиева. – Бишкек: КРСУ, 2003. – 350 с.

33. Борубашев, Б. И. Основы конституционного строя Кыргызской Республики [Текст] / Б. И. Борубашев // Вестн. Кырг.-Рос. славян. ун-та. – 2008. – Т. 8, № 2. – С. 3–10.

34. Борисов, В. И. Словарь по конституционному праву Российской Федерации [Текст] / В. И. Борисов, А. А. Илюхов, О. А. Кажанов. – М.: Экономика, 2003. – 366 с.

35. Бордюжа, Н. Все «цветные революции» тщательно готовятся [Текст] / Н. Бордюжа. – Режим доступа: URL: http://www.odkb-csto.org/obzor-pressy/detail.php?ELEMENT_ID=3334. – Загл. с экрана.

36. Босхолов, С. С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С. С. Босхолов. – М., 1999. – 594 с.

37. Бурковская, В. А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В. А. Бурковская. – М., 2006. – 469 с.

38. Бурцев, А. А. Система субъектов конституционно-правовых отношений [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / А. А. Бурцев. – М., 2005. – 24 с.

39. Васильевский, А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. В. Васильевский – Н. Новгород, 2000. – 22 с.

40. Вельяминов, Г. М. К вопросу о понятиях государства, власти и суверенитета [Текст] / Г. М. Вельяминов // Государство и право. – 2014. – № 4. – С. 96–99.

41. В Бишкеке обнаружили экстремистскую организацию. Задержаны 16 человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://kaktus.media/doc/482257_v_bishkeke_obnaryjili_ekstremistskyu_organizaciju_zaderjany_16_chelovek_foto.html. – Загл. с экрана.

42. В Джалал-Абаде пресекли деятельность подпольной ячейки «Йакын Инкар» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://24.kg/proisshestvija/266880_vdjalalabade_presekli_deyatelnost_podpolnoyu_yacheyki_yakuin_inkar/. – Загл. с экрана.

43. Владимиров, В. А. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве [Текст]: учеб. пособие / В. А. Владимиров, Ю. И. Ляпунов. – М.: Акад. МВД СССР, 1979. – 130 с.

44. В Кыргызстане национализм и сепаратизм стали идеологическим инструментом, который используется в политической борьбе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://24.kg/archive/ru/community/165295-v-kyrgyzstane-nacionalizm-i-separatizm-stali.html/>. – Загл. с экрана.

45. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Загл. с экрана.

46. В Чуйской области мужчина распространял экстремистские материалы. Его задержали [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://24.kg/proisshestvija/285626_vchuyskoy_oblasti_mujchina_rasprostranyal_ekstremistskie_materialyi_ego_zaderjali/. – Загл. с экрана.

47. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе дискуссии в рамках Молодежного образовательного форума (Селигер, 27 августа 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/7CF0446902F9584544257D410064D1C8. – Загл. с экрана.

48. Выяснилось, какую информацию сотрудники МВД КР передавали американцам [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://vesti.kg/proisshestviya/item/54984-vyyasnilos-kakuyu-informatsiyu-sotrudniki-mvd-kr-peredavali-amerikantsam.html>. – Загл. с экрана.

49. Гаухман, Л. Д. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления [Текст] / Л. Д. Гаухман, Ю. И. Ляпунов. – М.: Акад. МВД СССР, 1980. – 130 с.

50. Гавриленко, В. Г. Энциклопедия конституционного права [Текст] / В. Г. Гавриленко, П. Г. Никитенко, Н. И. Яденевич. – Мн.: [б. и.], 2000. – 412 с. – (Право).

51. Гальвина, И. Н. Охрана и защита основ конституционного строя Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / И. Н. Гальвина. – Челябинск, 2006. – 26 с.

52. Герцензон, А. А. Уголовная политика и пути её изучения [Текст] / А. А. Герцензон // Сов. государство и право. – 1969. – № 8. – С. 21–29.

53. Гишинский, Я. И. Уголовная политика Российской Федерации: To be or not to be? [Текст] / Я. И. Гишинский // Гишинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна. – СПб., 2004. – С. 46–52.

54. Гл. 3: Уголовное право и уголовно-правовая политика [Текст] / [Ю. В. Голик, А. С. Горелик, А. И. Долгова и др.] // Полный курс уголовного права: в 5-ти т. / под ред. А. И. Коробеева. – СПб., 2008. – Т. 1: Преступление и наказание. – С. 70–139.

55. Глишин, В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений: (объект и квалификация преступлений) [Текст] / В. К. Глишин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 127 с.

56. Глишин, В. К. Общее учение об объекте преступления [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В. К. Глишин. – Л., 1981. – 331 с.

57. Гл. 2: Уголовная политика [Текст] // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – М., 2012. – С. 34–46.

58. ГКНБ пресек два канала изготовления и распространения экстремистских материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vesti.kg/proisshestviya/item/116372-gknb-presek-dva-kanala-izgotovleniya-i-rasprostraneniya-ekstremistskikh-materialov.html>. – Загл. с экрана.

59. ГКНБ выявил экстремистскую организацию в Бишкеке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vesti.kg/proisshestviya/item/113238-gknb-vyuavil-ekstremistskuyu-organizatsiyu-v-bishkeke.html>. – Загл. с экрана.

60. Гревцов, О. В. Уголовная политика современной России [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О. В. Гревцов. – СПб., 1998. – 17 с.

61. Гревцов, О. В. Уголовная политика современной России и предупреждение преступности [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О. В. Гревцов. – СПб., 2000. – 182 с.

62. Гришанин, П. Ф. Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики [Текст] / П. Ф. Гришанин. – М.: Акад. МВД РФ, 1994. – 62 с.

63. Государственная программа по укреплению общественного порядка и борьбе с преступностью в Кыргызской Республике на 1995-1996 годы [Электронный ресурс]: утв. постановлением Правительства Кырг. Респ. от 17 мая 1995 г. № 172. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/53-123/edition/307673/ru>. – Загл. с экрана.

64. Государственная программа по борьбе с преступностью в Кыргызской Республике на 2006-2007 годы [Электронный ресурс]: утв. постановлением Правительства Кырг. Респ. от 28 февр. 2006 г. № 132. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/57178/edition/326033/ru>. – Загл. с экрана.

65. Дагель, П. С. Проблемы советской уголовной политики [Текст] / П. С. Дагель. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1982. – 124 с.

66. Данные статистики Национального статистического комитета Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stat.kg/ru/statistics/prestupnost/>. – Загл. с экрана.

67. Декрет о суде № 1 [Электронный ресурс]: принят СНК РСФСР 22 нояб. 1917 г. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/o_sude1.htm. – Загл. с экрана.

68. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений [Электронный ресурс]: принята резолюцией 36/55 Генер. Ассамблеи ООН от 25 нояб. 1981 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml. – Загл. с экрана.

69. Декларация о государственном суверенитете Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: закон Респ. Кыргызстан от 15 дек. 1990 г. № 273-ХП. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205081>. – Загл. с экрана.

70. Действующее международное право [Текст]: в 3-х т. / сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: Моск. независимый ин-т междунар. права, 1997. – Т. 2. – 826 с.

71. Демиров, К. К. Криминологическая характеристика религиозного экстремизма (по материалам Республики Дагестан) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К. К. Демиров. – Махачкала, 2005. – 162 с.

72. Джегутанов, Б. К. Глобализация и актуальные проблемы российских реформ [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Б. К. Джегутанов. – СПб., 2003. – 32 с.

73. Домарева, Д. А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации [Текст]: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Д. А. Домарева. – М., 2004. – 34 с.

74. Дралов, В. В. Ведомственное нормативное регулирование управленческой деятельности в органах внутренних дел: социологические и организационные аспекты [Текст] / В. В. Дралов // Современное состояние и перспективы

развития социологических исследований проблем управления органами внутренних дел: материалы методол. семинара. – М., 1987. – С. 8.

75. Дьяков, С. В. Государственные преступления против основ конституционного строя и безопасности государства и государственная преступность [Текст] / С. В. Дьяков. – М.: Норма, 1999. – XII, 307 с.

76. Дьяков, С. В. Ответственность за государственные преступления [Текст] / С. В. Дьяков, А. А. Игнатъев, М. П. Карпушин; общ. ред. и введ. Л. И. Баркова. М.: Юрид. лит., 1988. – 224 с.

77. Дьяков, С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование [Текст] / С. В. Дьяков. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2012. – 266 с.

78. Епифанова, Е. В. России необходима концепция уголовно-правовой политики [Текст] / Е. В. Епифанова // Рос. юстиция. – 2008. – № 4. – С. 26–30.

79. Жалинский, А. Э. Предупреждение преступности в условиях социальной трансформации [Текст] / А. Э. Жалинский // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России: материалы всерос. науч.-практ. конф. (18-20 апр. 2002 г.). – М., 2002. – С. 246–249.

80. Жалинский, А. Э. Уголовная политика и задачи уголовного права [Текст] / А. Э. Жалинский // Право и политика. – 2006. – № 6. – С. 4–12.

81. Закон Кырг. Респ. от 24 февр. 2023 г. № 40. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/112515/edition/1243725/ru>. – Загл. с экрана.

82. Зубарева, О. В. Теория уголовной политики: становление и развитие [Текст] / О. В. Зубарева // Рос. судья. – 2011. – № 1. – С. 35–39.

83. Загородников, Н. И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел [Текст] / Н. И. Загородников. – М.: МВШМ, 1979. – 99 с.

84. Злобин, Г. А. Некоторые террористические вопросы криминализации общественно опасных деяний [Текст] / Г. А. Злобин // Проблемы правосудия и уголовного права. – М., 1978. – С. 102–119.

85. Иванова, В. В. Преступное насилие [Текст]: учеб. пособие / В. В. Иванова. – М.: Книж. мир, 2002. – 83 с.

86. Исмаилов, И. А. Преступность и уголовная политика (Актуальные проблемы борьбы с преступностью) [Текст] / И. А. Исмаилов; под ред. и с предисл. Г. М. Миньковского. – Баку: Азернешр, 1990. – 306 с.

87. Июньские события 2010 года: членов временного правительства могут привлечь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://24.kg/vlast/190405_iyunskie_sobyitiya_2010goda_chlenov_vremennogo_pravitelstva_mogut_privlech/. – Загл. с экрана.

88. История ОДКБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://odkb-csto.org/30-let-odkb/istoriya/>. – Загл. с экрана.

89. Кабанов, П. А. Политический терроризм: причины и некоторые меры предупреждения [Текст] / П. А. Кабанов // Следователь. – 1999. – № 3. – С. 31–37.

90. Арх. Ош. областного суда Кырг. Респ. за период с 1997 по 2022 годы.

91. Карпец, И. И. Преступность: иллюзии и реальность [Текст] / И. И. Карпец. – М.: Рос. право, 1992. – 432 с.

92. Кедров, Б. М. История науки и принципы ее исследования [Текст] / Б. М. Кедров // Вопр. философии. – 1971. – № 9. – С. 78–89.

93. Келина, С. Г. Принципы советского уголовного права [Текст] / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1988. – 175 с.

94. Клягин, В. С. Ответственность за особо опасные государственные преступления [Текст] / В. С. Клягин. – Мн.: Выш. шк., 1973. – 268 с.

95. Кленова, Т. В. Проблема равенства в уголовном праве [Текст] / Т. В. Кленова // Рос. судья. – 2011. – № 7. – С. 34–37.

96. Клейменов, М. П. Уголовно-правовое прогнозирование [Текст] / М. П. Клейменов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – 167 с.

97. Ковалев, М. И. Соотношение уголовной политики и уголовного права [Текст] / М. И. Ковалев // Сов. государство и право. – 1979. – № 12. – С. 66–73.

98. Козлова, Е. И. Конституционное право России [Текст]: учеб. / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Велби: Проспект, 2007. – 608 с.

99. Кожоналиев, К.А. Обычное право кыргызов [Текст] / К. Кожоналиев; вступ. ст. Т. К. Чоротегина. – Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 2000. – 332 с.

100. Кони, А. Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России [Текст] / А. Ф. Кони // Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8-ми т. – М., 1967. – Т. 4. – С. 317–357.

101. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: принята на двенадцатой сес. Верхов. Совета Респ. Кыргызстан 5 мая 1993 г. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1?cl=ru-ru>. – Загл. с экрана.

102. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 г. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru>. – Загл. с экрана.

103. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: (введ. в действие Законом Кырг. Респ. от 5 мая 2021 г.). – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru?ysclid=m0xgl2ov6y741999244>. – Загл. с экрана.

104. Конституционное право России [Текст]: учеб. / под ред. А. Е. Постникова. – М.: Проспект, 2008. – 498 с.

105. Конституционное право [Текст]: энцикл. слов. / А. И. Ковлер, М. Н. Марченко, К. Ф. Гуценко; отв. ред. С. А. Авакьян. – М.: НОРМА: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. – 676 с.

106. Конституционное право России [Текст]: учеб. для вузов / под ред. А. С. Прудникова, В. И. Авсеенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 687 с.

107. Конституционное право [Текст]: слов. / сост.: Л. В. Жильская, П. В. Иванов, К. М. Сарсенов, А. А. Смольяков. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та МВД России, 2010.

108. Коновалова, И. Ю. Ответственность за организацию и участие в преступном объединении (необходимое соучастие) по российскому уголовному праву [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И. Ю. Коновалова. – Казань, 2008. – 25 с.

109. Концепция государственно-правовой политики в области борьбы с преступностью [Текст] (проект). – М.: Акад. МВД РФ, 1996.

110. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Кырг. Респ. от 20 дек. 2021 г. № 570. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430815>. – Загл. с экрана.

111. Конституционное право России [Текст]: энцикл. слов. / авт.-сост.: Г. И. Иванец, И. В. Калинин, В. И. Червонюк; под общ. ред. В. И. Червонюка. – М.: Юрид. лит., 2002. – 431 с.

112. Коробеев, А. И. Принципы российской уголовно-правовой политики как отражение конституционных основ уголовного права [Текст] / А. И. Коробеев // Конституционные основы уголовного права: Материалы I Всерос. конгресса по уголов. праву, посвящ. 10-летию Уголов. кодекса Рос. Федерации. – М., 2006. – С. 268–271.

113. Коробеев, А. И. Советская уголовная политика: проблемы криминализации и декриминализации [Текст] / А. И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 268 с.

114. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика [Текст] / А. И. Коробеев, А. В. Усс, Ю. В. Голик. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 236

с.

115. Корецкий, Д. Идеологические проблемы борьбы с преступностью [Текст] / Д. Корецкий // Законность. – 2004. – № 5. – С. 2–6.

116. Кого в Кыргызстане обвиняли в государственной измене и чем закончились уголовные дела [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/20230906/kyrgyzstan-gosizmena-shpionazh-ugolovnye-dela-1078377158.html>. – Загл. с экрана.

117. Косалс, Л. Я. Монополизм – тормоз развития советского общества [Текст] / Л. Я. Косалс // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / ред.-сост.: Ф. М. Бородкин, Л. Я. Косалс, Р. В. Рывкина. – М., 1989. – С. 121–139.

118. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть [Текст] / под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. – М.: ИНФРА-М: Норма, 1996. – XV, 815 с.

119. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / под ред. А. В. Наумова. – М.: Юристъ, 1996. – 824 с.

120. Комиссаров, В. С. Преступления, нарушающие правила безопасности: понятие, система, общая характеристика [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В. С. Комиссаров. – М., 1997. – 214 с.

121. Кочергин, Р. О. Противодействие молодежному экстремизму [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р. О. Кочергин. – Ростов н/Д, 2008. – 233 с.

122. Краснов, М. А. Толковый словарь конституционных терминов и понятий [Текст] / М. А. Краснов, В. А. Кряжков. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 418 с.

123. Кригер, Г. А. Проблема социальной обусловленности уголовного закона [Текст] / Г. А. Кригер, Н. Ф. Кузнецова // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. – М., 1977. – С. 113–122.

124. Криминология [Текст] / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М.: Юрист, 1995. – 511 с.
125. Кругликов, Л. О понятии и уголовно-правовой оценке насилия [Текст] Л. Кругликов // Уголов. право. – 2015. – № 1. – С. 72–75.
126. Кудрявцев, В. Н. Стратегии борьбы с преступностью [Текст] / В. Н. Кудрявцев. – М.: Юристь, 2003. – 349 с.
127. Кузнецов, А. П. Экстремизм: понятие, признаки, сущность [Текст] / А. П. Кузнецов // Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности / под ред. А. И. Долговой. – М., 2010. – С. 119–126.
128. Курс советской криминологии. Предупреждение преступности [Текст] / под ред.: И. И. Карпец, Б. В. Коробейникова, В. Н. Кудрявцева. – М.: Юрид. лит., 1986. – 352 с.
129. Лесников, Г. Ю. К вопросу о понятии уголовной политики [Текст] / Г. Ю. Лесников // Рос. следователь. – 2005. – № 6. – С. 25–29.
130. Лесников, Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики) [Текст]: моногр. / Г. Ю. Лесников. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2004. – 197 с.
131. Лесников, Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Г. Ю. Лесников. – М., 2005. – 350 с.
132. Леонов, Б. Д. Интерес и его значение для определения объекта преступления [Текст] / Б. Д. Леонов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 7-й междунар. науч.-практ. конф. 28–29 янв. 2010 г. – М., 2010. – С. 156–158.
133. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика [Текст] / Т. А. Лесниевски-Костарева. – М.: НОРМА, 1998. – VIII, 287 с.

134. Лист, Ф. фон. Учебник уголовного права. Общая часть [Текст]: пер. с нем. / Ф. фон Лист; с предисл. М.В. Духовского. – М.: Т-во тип. А. И. Ма-монтова, 1903. – XXIV, 334 с.

135. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика [Текст] / Н. А. Лопашенко. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 337 с.

136. Лопашенко, Н. А. Концептуальные основы уголовной политики: взгляд на проблему [Текст] / Н. А. Лопашенко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2000. – № 11. – С. 125–128.

137. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика [Текст] / Н. А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 579 с.

138. Лучин, В. О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации [Текст] / В. О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.

139. Мартыненко, Н. Э. Уголовная политика и уголовный закон: соотношение понятий [Текст] / Н. Э. Мартыненко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сб. материалов третьей междунар. науч.-практ. конф. – М., 2006. – С. 12–14.

140. Материалы проведенного диссертационного исследования (таблицы, архивные судебные материалы, диаграммы и т.д.) – все обобщенные материалы и проведенное исследование в приложении к диссертации.

141. Маркова, Ю. В. Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю. В. Маркова. – Н. Новгород, 2008. – 208 с.

142. Максимов, С. В. Эффективность общего предупреждения преступлений [Текст] / С. В. Максимов. – М.: Акад. МВД РФ, 1992. – 131 с.

143. Мамонов, В. В. Конституционный строй Российской Федерации: понятие, основы, гарантии [Текст] / В. В. Мамонов // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 42–51.

144. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации [Электронный ресурс]: принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 дек. 1965 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml. – Загл. с экрана.

145. Методология исследования национальной безопасности как фактор политического менеджмента в Кыргызской Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <file:///Users/imac/Downloads/metodologiya-issledovaniya-natsionalnoy-bezopasnosti-kak-faktor-politicheskogo-menedzhmenta-v-kyrgyzskoy-respublike.pdf>. – Загл. с экрана.

146. Минская, В. С. Уголовная политика и развитие уголовного законодательства [Текст] / В. С. Минская // Закон. – 2006. – № 6. – С. 110–113.

147. Миньковский, Г. М. О понятии уголовной политики и некоторых проблемах её информационного обеспечения [Текст] / Г. М. Миньковский // Проблемы социологии уголовного права: сб. науч. тр. / ВИП МЮ ЛитССР, НИИСЭ. – М., 1982. – С. 66–83.

148. Миньковский, Г. М. О некоторых направлениях разработки и реализации уголовно-правовой политики и состоянии законности борьбы с преступностью и коррупцией [Текст] / Г. М. Миньковский // Состояние законности, борьбы с преступностью и коррупцией: материалы науч.-практ. конф. – М., 1993. – С. 23–27.

149. Миротворческая операция ОДКБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/mirotvorcheskaya-operatsiya-odkb-v-kazakhstane-6-19-yanvaryu-2022-goda/?PAGEN_1=2&PAGEN_2=4. – Загл. с экрана.

150. Модельный уголовно-исполнительный кодекс для государств-участников стран СНГ [Текст] [Электронный ресурс]: принят Постановлением Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ от 2 нояб. 1996 г. – Режим доступа:

<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=175447>. – Загл. с экрана.

151. Монтескье, Ш. Избранные произведения [Текст] / Ш. Монтескье. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.

152. Мухачев, И. В. Проблемы теории российского конституционного права [Текст] / И. В. Мухачев. – М.: Манускрипт, 1998. – 120 с.

153. Наумов, А. В. Теоретические вопросы применения уголовно-правовых норм [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А. В. Наумов. – К., 1975. – 50 с.

154. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stat.kg/ru/nsur/>. – Загл. с экрана.

155. Невинский, В. В. Основы конституционного строя как система основополагающих конституционных принципов [Текст] / В. В. Невинский // Основы конституционного строя Российской Федерации: понятие, содержание, значение: сб. ст. посвящ. 30-летию Алтайс. гос. ун-та и 40-летию юрид. фак. – Барнаул, 2003.

156. Невинский, В. В. Основы конституционного строя Российской Федерации как система конституционных принципов [Текст] / В. В. Невинский // Рос. юрид. журн. – 2004. – № 1. – С. 9–15.

157. Нурбеков, К. Н. История государства и права Киргизской ССР [Текст]: в 2-х т. / К. Н. Нурбеков. – Фрунзе: Мектеп, 1965-1970. – Вып. 1. – 1965. – 155 с.; Ч. 2. – 1970. – 150 с.

158. Об органах внутренних дел [Электронный ресурс]: закон Кырг. Респ. от 11 янв. 1994 г. № 1360-ХП. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-650/edition/1272900/ru>. – Загл. с экрана.

159. Обращение СНК ко всему населению от 26 ноября 1917 г. «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Дутова, поддерживаемым Центральной Радой» [Электронный ресурс]: постановление Кассац. отдела

ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов». – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/index.html>. – Загл. с экрана.

160. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР [Текст]: закон РСФСР от 16 июня 1990 г. № 38-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 3. – Ст. 25.

161. Об органах государственной безопасности в СССР [Текст]: закон СССР от 16 мая 1991 г. № 2159-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 22. – Ст. 630.

162. Образована Академия ГКНБ имени генерал-лейтенанта Анарбека Бакаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://24.kg/ofitsialno/286070_obrazovana_akademiya_gknb_imeni_general-leytananta_anarbeka_bakaeva/. – Загл. с экрана.

163. Об обороне и Вооруженных Силах Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: закон Кырг. Респ. от 24 июля 2009 г. № 242. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/202668/edition/1219798/ru>. – Загл. с экрана.

164. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе [Электронный ресурс]: резолюция ПАСЕ 1344 (2003). – Режим доступа: https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp. – Загл. с экрана.

165. Об органах национальной безопасности Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: закон Кырг. Респ. от 11 янв. 1994 г. № 1362-XII. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/710/edition/1174951/ru>. – Загл. с экрана.

166. О военном положении [Электронный ресурс]: конституц. Закон Кырг. Респ. от 30 апр. 2009 г. № 149. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/202647/edition/782906/ru>. – Загл. с экрана.

167. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс]: конституц. Закон Кырг. Респ. от 24 окт. 1998 г. № 135. – Режим доступа: // <https://cbd.minjust.gov.kg/142/edition/1197568/ru>. – Загл. с экрана.

168. О гражданской защите [Электронный ресурс]: закон Кырг. Респ. от 24 мая 2018 г. № 54. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/111787/edition/1240722/ru>. – Загл. с экрана.

169. О Конституционном Суде РСФСР [Текст]: закон РСФСР от 6 мая 1991 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 19. – Ст. 621.

170. О национальной безопасности [Электронный ресурс]: закон Кырг. Респ. от 26 февр. 2003 г. № 44. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1168>. – Загл. с экрана.

171. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.

172. О пограничной службе Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: закон Кырг. Респ. от 19 марта 1999 года № 28. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/195/edition/642364/ru>. – Загл. с экрана.

173. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: закон Кырг. Респ. от 4 июля 2022 г. № 55. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/1971/edition/1174353/ru>. – Загл. с экрана.

174. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: Основания уголовно- правового запрета. Криминализация и декриминализация [Текст] / [В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др.; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев]. – М.: Наука, 1982. – 303 с.

175. Осмоналиев, К. М. Уголовная политика современного Кыргызстана: становление и развитие [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / К. М. Осмоналиев. – М., 2005. – 332 с.

176. Основы борьбы с организованной преступностью [Текст] / под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 397 с.

177. Организованная преступность-2 [Текст]: «круглый стол» Криминол. ассоц. / под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. – М.: Криминол. ассоц., 1993. – 325 с.

178. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: закон Кырг. Респ. от 17 авг. 2005 г. № 150. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309>. – Загл. с экрана.

179. Особо опасные государственные преступления [Текст] / под общ. ред. В. И. Курляндского, М. П. Михайлова. – М.: Госюриздат, 1963. – 216 с.

180. Панченко, А. Н. Советская уголовная политика: общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: её становление и предмет [Текст] / А. Н. Панченко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – 197 с.

181. Побегайло, Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики [Текст] / Э. Ф. Побегайло // Уголов. право. – 2004. – № 3. – С. 132–135; № 4. – С. 112–117.

182. Перечень стратегических объектов Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiX1YTAvIWFAxV0GxAIHZHDBXAQFnoECBvMQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.gov.kg%2Fstorage%2Fmedia%2Fnpa%2F1901%2F5f44a3cad2448.docx&usq=A0vVaw2b1IHoZ3mH3GFnrAWkSLx9&opi=89978449>. – Загл. с экрана.

183. Петухов, Р. Б. Конституционный строй Российской Федерации как объект уголовно-правовой охраны [Текст] / Р. Б. Петухов // Рос. юстиция. – 2013. – № 8. – С. 7–8.

184. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении [Текст] / А. А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.

185. Пияшева, Л. Н. Контуры радикальной социальной реформы [Текст] / Л. Н. Пияшева // Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / ред.-сост. Ф. М. Бородкин, Л. Я. Косалс, Р. В. Рывкина. – М., 1989. – С. 264.

186. Положение о Национальном центральном бюро Международной организации уголовной полиции (Интерпол) в Кыргызской Республике [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/34587/edition/1166229/ru>. – Загл. с экрана.

187. Полный курс уголовного права [Текст]: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – Т. 5: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. – 949 с.

188. Пономарев, П. Г. О формировании уголовной политики России [Текст] / П. Г. Пономарев // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. – М., 1995. – С. 15–24.

189. Преступность в России [Текст]: аналитические обзоры центра комплексных социальных исследований и маркетинга / В. Е. Эминов; отв. ред. В. П. Белова. – М.: ЦКСИиМ, 1997. – Вып. 1/2. – 115 с. – (Политология).

190. Программа Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017-2022 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/100104>. – Загл. с экрана.

191. Проблема преступности [Текст] / ред. и предисл. Я. С. Розанова. – К.: Гос. изд-во Украины, 1924. – Сб. 2. – 267 с.

192. Прудников, А. С. Краткий словарь терминов и определений по конституционному праву [Текст] / А. С. Прудников, А. М. Лимонов, К. О. Бобров. – М.: Моск. ун-т МВД России, 2009. – 143 с.

193. Похмелкин, А. В. Идеология и уголовная политика [Текст] / А. В. Похмелкин, В. В. Похмелкин. – М.: ИНИОН: РИБ "Турист", 1992. – 160 с.

194. V конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Женева, 1-12 сент. 1975 г. [Текст]. – Нью-Йорк: ООН, 1976. – 222 с.

195. Разгильдиев, Б. Т. Уголовно-правовая политика: понятие и содержание: ноябрь [Текст] / Б. Т. Разгильдиев // Правовая политика и правовая жизнь. – Москва; Саратов, 2000. – С. 131–138.

196. Радищев, А. И. Избранные философские и общественно-политические произведения [Текст] / А. И. Радищев; под общ. ред. и со вступ. ст. И. Я. Щипанова. – М.: Госполитиздат, 1952. – 672 с.

197. Раска, Э. Э. Криминологическая профилактика преступности. Теоретические и методические аспекты [Текст]: автореф. дис... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Э. Э. Раска. – М., 1988. – 35 с.

198. Рарог, А. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой [Текст] / А. Рарог // Уголов. право. – 2014. – № 5. – С. 85–86.

199. Регламент Верховного Совета РСФСР [Текст]: (принят ВС РСФСР 24 окт. 1990 г. № 261-1) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 26. – Ст. 320.

200. Ржевский, А. С. Экстремизм и его проявления в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. С. Ржевский. – Ростов н/Д, 2004. – 212 с.

201. Румянцев, О. Г. Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления [Текст] / О. Г. Румянцев. – М.: Юрист, 1994. – 288 с.

202. Садыр Жапаров обратился к кыргызстанцам по случаю очередной годовщины Мартовской народной революции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kg.akipress.org/news:2081581/>. – Загл. с экрана.

203. Савченко, Д. А. Основы конституционного строя Российской Федерации и их уголовно-правовая защита [Текст]: учеб. пособие / Д. А. Савченко. – Новосибирск: СибАГС, 2000. – 215 с.

204. Савинский, А. В. Уголовно-правовая оценка посягательств на основы конституционного строя и безопасность государства [Текст]: моногр. / А. В. Савинский. – Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 2008. – 188 с.

205. Самойлов, А. С. Уголовная ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства [Текст]: лекция / А. С. Самойлов, Г. Б. Мирзоев, А. Н. Ежов. – М.: Моск. гор. ин-т упр. Правительства Москвы: Рос. акад. адвокатуры, 2004. – 71 с.

206. Саркисов, Д. Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д. Н. Саркисов. – М., 2010. – 196 с.

207. Сахаров, А. Б. Преступность – продукт социальных противоречий [Текст] / А. Б. Сахаров // Ученые, научные школы и идеи: юбил. сб. науч. тр. – М., 1995. – С. 42–48.

208. Свердлык, Г. А. Принципы советского гражданского права [Текст] / Г. А. Свердлык. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 199 с.

209. 70-летнюю Салию Таштанову признали виновной в призывах к захвату власти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/117516-70-letnyuyu-saliyu-tashtanovu-priznali-vinovnoj-v-prizyvakh-k-zakhvatu-vlasti.html>. – Загл. с экрана.

210. Сергун, Е. П. Экстремизм как угроза безопасности конституционного строя Российской Федерации: общетеоретические и уголовно-правовые аспекты [Текст]: моногр. / Е. П. Сергун. – М.: РПА Минюста России, 2012. – 132 с.

211. Сердюк, Л. В. Социальная справедливость как принцип и как цель в практике применения уголовного закона [Текст] / Л. В. Сердюк // Рос. юстиция. – 2011. – № 7. – С. 23–26.

212. Сиоридзе, А. Т. Групповой молодежный экстремизм: криминологическое исследование [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. Т. Сиоридзе. – М., 2007. – 212 с.

213. Словарь русского языка [Текст]: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.: Полиграф ресурсы, 1999. – Т. 1. – 702 с.; Т. 2. – 736 с.; Т. 3. – 749 с.; Т. 4. – 795 с.

214. Скудин, А. С. Правовые меры противодействия экстремизму [Текст]: моногр. / А. С. Скудин, В. Д. Ларичев, Ю. С. Варанкина. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 157 с.

215. Смирнов, О. В. Основные принципы советского трудового права [Текст] / О. В. Смирнов. – М.: Юрид. лит., 1977. – 215 с.

216. Степанов, И. М. Грани российского конституционализма (XX век) [Текст] / И. М. Степанов // Конституционный строй России: сб. ст. – М., 1992. – Вып. 1. – С. 30–47.

217. Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt101/wt101_25.pdf. – Загл. с экрана.

218. Стахов, Я. Г. Современная уголовная политика и совершенствование взаимодействия правоохранительных органов субъектов Российской Федерации при ее реализации [Текст] / Я. Г. Стахов. – М.: Акад. упр. МВД РФ, 2003. – 163 с.

219. Стахов, Я. Г. Понятие, содержание и современные направления реализации уголовной политики Российской Федерации [Текст] / Я. Г. Стахов // Рос. следователь. – 2004. – № 6. – С. 6–12.

220. Соловьёв, И. Н. Реализация уголовной политики России в сфере налоговых преступлений: проблемы и перспективы [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / И. Н. Соловьёв. – М., 2004. – 548 с.

221. Snyder, L. L. Global mini-nationalisms. Autonomy or Independence [Text] / L. L. Snyder. – Westport; Connecticut; London: Greenwood Press, 1982. – XVII, 326 p.

222. Compensatory Justice [Text] / ed. by J. W. Chapman. – New York: New York University Press, 1991. – X, 361 p.

223. Судебник 1497 года [Электронный ресурс] / под. ред. Б. Д. Грекова. – Режим доступа: https://elf.ucoz.net/Pravo/IOGP/sudebnik_1497.pdf. – Загл. с экрана.

224. Судебник 1550 года. Судебник Ивана IV [Электронный ресурс]. Рос. гос. арх. древ. Актов. – Режим доступа: <https://raritety.rusarchives.ru/dokumenty/sudebnik-ivana-iv>. – Загл. с экрана.

225. Ташиев обсудил с таджикским коллегой вопросы делимитации границы с РТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/20240316/tashiyev-delimitatsiya-granitsa-tadzhikistan-1083462335.html>. – Загл. с экрана.

226. Ташиев: Мы не допустим повторения событий 2010 года [Электронный ресурс]: видео. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/20240127/tashiev-2010-god-sobytiya-nedopushchenie-1082244575.html>. – Загл. с экрана.

227. Ташиев: Если создадите новых «воров» и новых лидеров ОПГ, жёстко накажем! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=gHb3KP9qG6U>. – Загл. с экрана.

228. Теория оперативно-розыскной деятельности [Текст] / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. – М.: Норма, 2006. – 384 с.

229. Теоретические основы предупреждения преступности [Текст] / [В. В. Ключков, А. С. Шляпочников, В. Н. Кудрявцев и др.; отв. ред. В. К. Звирбуль]. – М.: Юрид. лит., 1977. – 255 с.

230. Ткачева, Н. А. Проблемы гарантированности основ конституционного строя [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Н. А. Ткачева. – Ставрополь, 2004. – 24 с.

231. Тер-Акопов, А. А. Уголовная политика Российской Федерации [Текст]: учеб. пособие / А. А. Тер-Акопов. – М.: МНЭПУ, 1999. – 58 с.

232. Теория оперативно-розыскной деятельности [Текст]: учеб. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 832 с.

233. Травис, Дж. Международные стратегии предупреждения преступности в обществах переходного периода: проблемы и перспективы [Текст] / Дж. Травис // Право и политика. – 2001. – № 2. – С. 126–130.

234. Тюнин, В. И. Ответственность за возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства [Текст] / В. И. Тюнин // Уголов. процесс. – 2013. – № 3. – С. 50–58.

235. Уголовный кодекс Киргизской ССР [Электронный ресурс]: введ. в действие Законом КиргССР от 29 дек. 1960 г. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/205084>. – Загл. с экрана.

236. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: от 1 окт. 1997 г. № 68. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568>. – Загл. с экрана.

237. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: от 28 окт. 2021 г. № 127. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/2087/ru>. – Загл. с экрана.

238. Уголовная политика и её реализация в деятельности органов внутренних дел [Текст]: (тез. лекций по курсу для слушателей фак.). – М., 1999.

239. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел [Текст]: учеб. / под ред. Л. И. Беляевой. – М.: Акад. упр. МВД РФ, 2014. – ч. 2. – 199 с.

240. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел [Текст]: учеб. / [Д. И. Аминов, Л. И. Беляева, С. С. Босхолов и др.]; под ред. Л. И. Беляевой. – М.: Акад. упр. МВД России, 2003. – 245 с.

241. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года [Электронный ресурс]: постановление Всерос. центр. исполн. ком. от 1 июня 1922 г. – Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22. – Загл. с экрана.

242. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: в ред. 1926 г. – Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13973>. – Загл. с экрана.

243. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: (введ. в действие Законом Кырг. Респ. от 28 окт. 2021 г. № 126). (В ред. Законов Кырг. Респ. по состоянию на 25 янв. 2024 г. № 27). – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309>. – Загл. с экрана.

244. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: (введ. в действие Законом Кырг. Респ. от 28 окт. 2021 г. № 126). (В ред. Законов Кырг. Респ. по состоянию на 22 янв. 2024 г. № 24). – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-37/edition/2086/ru>. – Загл. с экрана.

245. Уголовное право. Особенная часть [Текст] / отв. ред.: И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2001. – 960 с.

246. Уголовное право России. Особенная часть [Текст]: учеб. / под ред. А. И. Рарога. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – 704 с.

247. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: от 2 февр. 2017 г. № 19. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527?cl=ru-ru>. – Загл. с экрана.

248. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: от 28 окт. 2021 г. № 127. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309>. – Загл. с экрана.

249. Уголовное право России. Особенная часть [Текст]: учеб. / под ред. А. И. Рарога. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – 704 с.

250. Уголовно-исполнительное право [Текст] / под ред. И. В. Шмарова. – М.: БЕК, 1998. – 624 с.

251. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: от 2017 г. № 17. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/111528/edition/1285936/ru>. – Загл. с экрана.

252. Устав воинский Петра 1 от 30 марта 1716 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm>. – Загл. с экрана.

253. Уэда, К. Преступность и криминология современной Японии [Текст]: пер. с яп. / К. Уэда; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. Н. Еремина. – М.: Прогресс, 1989. – 253 с.

254. Что купили для оснащения Погранслужбы? Там есть и оружие [Электронный ресурс]: фото. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/20240318/kyrgyzstan-pogransluzhba-osnashchenie-tashiev-1083533381.html>. – Загл. с экрана.

255. Чубинский, М. П. Курс уголовной политики [Текст] / М. П. Чубинский. – Ярославль: тип. Губерн. правления, 1909. – IV, 442, IV с.

256. Чубинский, М. П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права [Текст] / М. П. Чубинский. – М: ИНФРА-М, 2008. – 433 с.

257. Чубинский, М. П. Курс уголовной политики [Текст] / М. П. Чубинский. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 448 с.

258. Федоров, А. В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики [Текст] / А. В. Федоров // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4 (5). – С. 17–18.

259. Feuerbach, L. A. Versuch einer Criminal jurisprudenzen des Koran [Text] / L. A. Feuerbach. – Berlin, 1804.

260. Философский энциклопедический словарь [Текст] / [ред.-сост. Е. Ф. Губский и др.]. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 575 с.

261. Философия уголовного права [Текст] = Philosophy of criminal law / [сост., ред. и вступ. ст. Ю. В. Голика]. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2004. – 346 с.

262. Филимонов, В. Д. Охранительная функция уголовного права [Текст] = The protective function of criminal law / В. Д. Филимонов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 196 с.

263. Хлебушкин, А. Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя [Текст]: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / А. Г. Хлебушкин. – Санкт-Петербург, 2016. – 480 с.

264. Царев, Д. В. Общее понятие и признаки преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в России [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д. В. Царев. – Н. Новгород, 2005. – 260 с.

265. Черников, В. В. Организация нормотворческой деятельности в системе МВД России [Текст] / В. В. Черников, О. А. Степанов. – М.: Акад. упр. МВД России, 2002. – 129 с.

266. Ведомости СНД и ВС СССР. – 1990. – № 12. – Ст. 189.

267. Шайкенов, Н. А. Категория интереса в советском праве: право как средство реализации интересов личности [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н. А. Шайкенов. – Свердловск, 1980. – 16 с.

268. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17363>. – Загл. с экрана.

269. Шеслер, А. В. Понятие, формы и методы уголовно-правовой политики [Текст] / А. В. Шеслер, С. С. Шеслер, Д. А. Зыков // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. – 2014. – № 1 (30). – С. 86–92.

270. Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии [Текст] / Я. Щепаньский; пер. с пол. М. М. Гуренко; под общ. ред. и с послесл. А. М. Румянцева. – М.: Прогресс, 1969. – 240 с.

271. Шестаков, Д. А. Введение в криминологию закона [Текст] / Д. А. Шестаков. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2011. – 73 с.

272. Шестаков, Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества [Текст] / Д. А. Шестаков. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2001. – 264 с.

273. Шарапов, Р. Д. Преступное насилие [Текст] / Р. Д. Шарапов. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 490 с.

274. Шарапов, Р. Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений [Текст] / Р. Д. Шарапов // Уголов. право. – 2015. – № 1. – С. 112–124.

275. Щербинин, Д. И. Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма: по материалам социологических исследований в Алтайском и Красноярском краях, республике Алтай, Кемеровской и Читинской областях [Текст]: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Д. И. Щербинин. – Барнаул, 2010. – 18 с.

276. Юридический энциклопедический словарь [Текст] / [О. Г. Румянцев, В. Н. Додонов]. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 377 с.

277. Яковлев, А. М. Социальные функции процесса криминализации [Текст] / А. М. Яковлев // Сов. государство и право. – 1980. – № 2. – С. 95–103.

278. Яровенко, В. В. Общественная опасность отдельных видов оружия и уголовная ответственность за него [Текст] / В. В. Яровенко // Право и политика. – 2010. – № 7. – С. 1307–1312.

279. Яковлев, А. М. Социальная структура общества [Текст]: учеб. / А. М. Яковлев. – М.: Экзамен, 2003. – 383 с.